

41.59

Н 19

Б. НАЗАРОВСКИЙ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

ПЕРМОЕ
ИЗДАНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1970

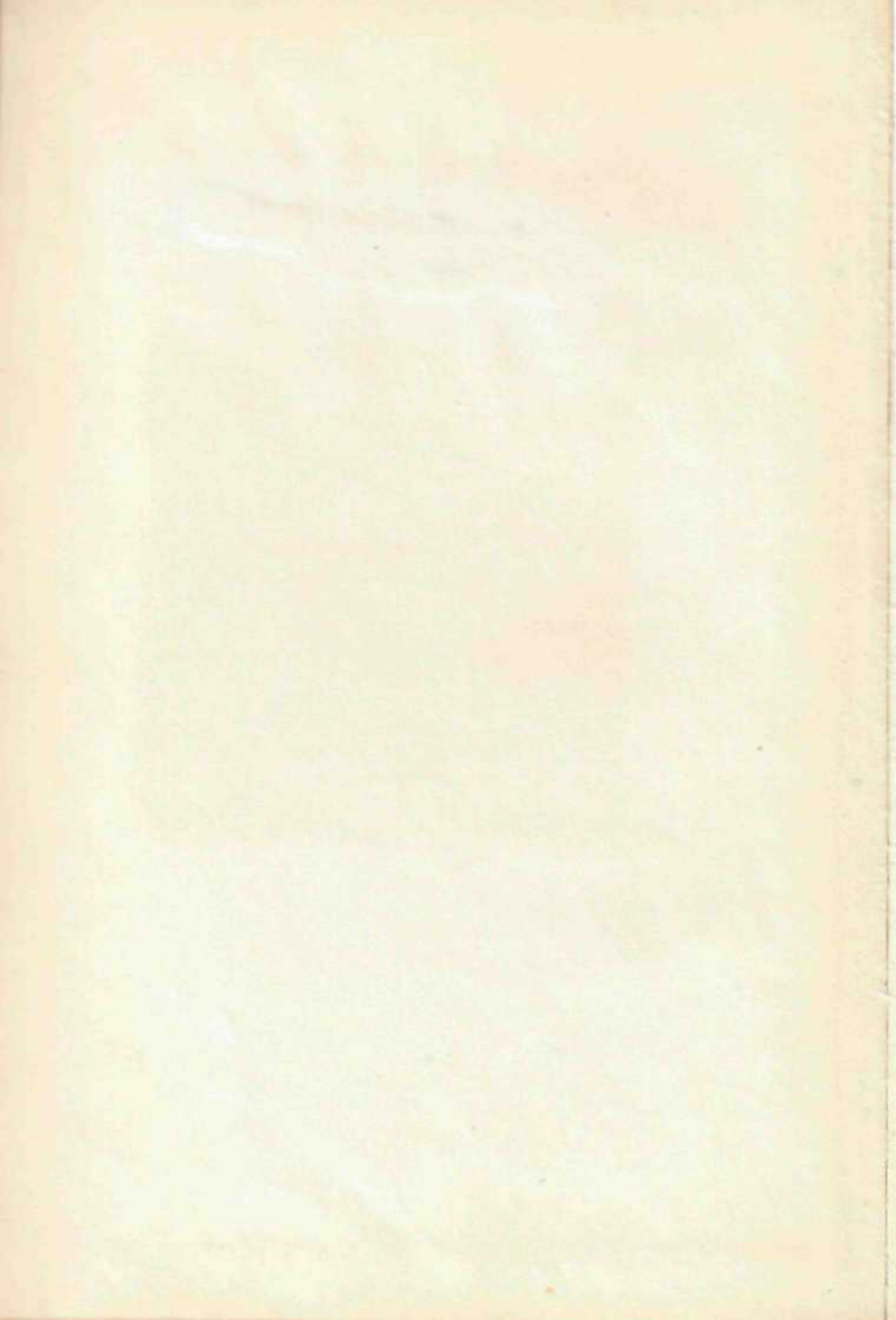
111111

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество пред. выдач

21/21	2/1-1008-
4/101051	18/1-120
24/41114	24/1-633
11/1699	14/1-283
8/1930	
20/1-821	
21/1-822	
9/1235	

✓ 3К24
Н-19

Б. НАЗАРОВСКИЙ

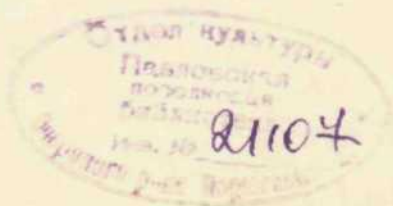
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1970

В книге рассказывается история длительной земельной тяжбы, которую вели мастеровые строгановских заводов на Урале с графами Строгановыми.

В 1913 году Владимир Ильич Ленин посвятил этой тяжбе статью „Замечательное дело“.

Книга — попытка дать фактический комментарий к статье В. И. Ленина и рассказать, чем же тяжба (в 1913 году еще незавершенная) закончилась.

Автор книги, журналист Б. Назаровский основывался на архивных документах (Государственного архива Пермской области, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива), литературных источниках и исследованиях уральских историков — Ф. С. Горового, К. С. Маханька, Я. Я. Рабиновича, В. Е. Четина и других, на работах очерских краеведов. Использован рукописный фонд Очерского народного краеведческого музея — коллекция А. В. Иецветаева.

Книга предназначена для всех, интересующихся историей.

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

✓ Это дело Владимир Ильич Ленин назвал замечательным. Он находил его очень характерным для старой России. Он видел в нем выразительное подтверждение марксистского учения о классовой борьбе и считал поучительным для рабочего класса.

Написанную в августе 1913 года статью «Замечательное дело» Владимир Ильич начинал следующими словами:

«На святой матушке-Руси много еще таких уголков, где точно вчера было крепостное право. Возьмите, например, Урал. Помещики имеют здесь десятки тысяч десятин земли. Заводы (т. е. те же помещики) запрещают кустарям развивать мелкую промышленность. Крестьяне до сих пор в зависимости от помещиков, до сих пор не наделены землей.

А Урал — не маленький «уголок», это — громаднейшая и богатейшая область».

Эти слова Ленина постоянно приводятся в работах, посвященных Уралу. Однако никто еще не проследил историю дела, послужившего поводом для ленинской статьи.

В. И. Ленин в своих статьях и книгах много раз обращался к Уралу. В конце XIX века в теоретическом исследовании «Развитие капитализма в России» он дал глубокий анализ своеобразия хозяйственного строя Урала. Статья «Замечательное дело» примыкает к этому труду. Но она носит иной характер — это одна из тех публицистических заметок, которые Ленин писал для «Правды» в 1912—1914 годах.

Владимир Ильич Ленин был публицистом с изумительно зорким взглядом. Он привлекал внимание читателей к таким частным случаям, в которых хорошо проглядывались общие закономерности исторического процесса.

Стоит пойти по следам строк Ленина-публициста.

Речь в ленинской статье шла о вызвавшем некоторую борьбу в правительственных сферах ходатайстве строгановских мастеровых о наделении их землей по закону 3 декабря 1862 года. Высшая судебная инстанция — Правительствующий сенат, а затем и Государственный совет предложили Пермскому губернскому присутствию применить закон, наделить мастеровых зем-

лей. Наделение все же не состоялось. Ему воспротивились сиятельные уральские помещики-заводовладельцы. Владимир Ильич Ленин полемизировал с либералами, находившими, что причина этого лишь в том, что в России плохо обстоит дело с «господством права».

«Это — правда, — замечал Ленин. — Но это не вся правда»².

И он говорил о классовой борьбе, которая определяет как нормы права, так и практическое применение их.

Какое же конкретное дело имел в виду Владимир Ильич Ленин?

Дело мастеровых Павловского завода Очерского округа Пермского нераздельного имения графов Строгановых. А затем дела мастеровых Очерского, Кыновского, Билимбаевского, Добрянского заводов тех же графов, да и многих других заводов иных владельцев: решение их было поставлено в зависимость от решения по делу павловских мастеровых.

Как возникла такая зависимость? И почему речь шла о наделении по закону 3 декабря 1862 года? Ведь наделение земель мастеровых частных заводов на Урале должно было производиться по «Дополнительным правилам о приписанных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов». А они были утверждены одновременно с рядом «положений» о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости 19 февраля 1861 года. Что это за закон 3 декабря 1862 года?

Не ответив на эти вопросы, трудно понять, почему сочувствие Ленина было на стороне мастеровых (большинство которых составляли рабочие), хотя они заявляли не свойственное рабочим требование — требование земли.

Читатель, непривычный к запутанным, тянувшимся десятилетия спорам о наделении землей горнозаводского населения, может сразу заблудиться в их хитросплетении. Не будем торопиться ввести его в этот лабиринт, богатый неожиданными поворотами и драматическими столкновениями. Постараемся рассказать обо всем по порядку.

Какие стороны участвовали в споре? Кто действующие лица? И где, на какой почве спор происходил?

*Думала: «Глуп мужик,
все съест!»
И составил манифест,
Что ни в толк взять,
ни понять
Никто не сумел.
Ну чиновники питать
Да крестьянам
толковать,
Что та новая неволя
Волюшка и есть.
Н. Огарев*

*Ваша воля, а наше
поле:
биться не хотим,
а поля не отдадим.
Поговорка*

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Очерский и Павловский заводы с приписанной к ним лесной дачей, окрестными селами и деревнями составляли ко времени реформы 1861 года Очерский округ Пермского нераздельного имения графини Натальи Павловны Строгановой.

Основанные пожалованиями Ивана IV Грозного владения рода Строгановых достигали размеров грандиозных. У именитого человека Григория Дмитриевича Строганова, приближенного Петра I, даже после ряда изъятий в казну, осталось в собственности 6 миллионов 639 тысяч десятин земли¹. В 1747 и 1749 годах произошел раздел его наследства между сыновьями—баронами Александром, Николаем и Сергеем.

Земли по реке Очеру отошли Сергею Григорьевичу, а от него были унаследованы Александром Сергеевичем Строгановым. Он и получил в 1759 году из берг-коллегии указ, разрешавший «построить на нежилом Очерском урочище железоделательный завод»².

Завод должен был перерабатывать чугуны Билимбаевского чугуноплавильного завода, отошедшего при разделе также в треть Сергея Григорьевича. Почему место для передельного предприятия было избрано так далеко от предприятия — поставщика полуфабриката? Дело в том, что сплав металла шел по Чусовой и затем по Каме. Завод, построенный на очерских землях, располагался хотя и далеко, но, так сказать, по потоку. Он был поставлен в удобном для постройки плотины месте и хорошо обеспечен лесом.

В крепостные времена Очерский завод успешно развивался. Вначале на нем было 12 кричных молотов, затем число их увеличилось до 26. Работали шинокатальная и якорная фабрики, кузница, слесарная. В Очер перевели мастеровых из Билимбая, Добрянки, Усоля, затем здесь выросли свои рабочие кадры.

А. С. Строганову, получившему от Екатерины II титул графа, наследовал его сын Павел Александрович. При нем, в 1816 году, в 9 верстах от Очера был заложен для изготовления листового железа вспомогательный Павловский завод, пушенный уже после смерти П. А. Строганова, в 1819 году. Завод имел резную и листокатальную фабрики. Затем листокатальная фабрика появилась и в самом Очере.

В 1860 году Очерский и Павловский заводы выделали разных сортов железа и железных изделий 235 тысяч пудов — на 390 тысяч рублей. Все же годовые расходы, включая заготовку материалов, составили 178 тысяч рублей. Заводы давали, таким образом, чистого дохода больше чем рубль на рубль².

Другие две трети Пермского имения, доставшиеся при разделах 1747 и 1749 годов баронам Александру и Николаю Григорьевичам Строгановым, дробились и дальше, причем земли стали уходить из строгановских рук: их отдавали в приданое, просто продавали. В Прикамье, раньше почти целиком принадлежавшем Строгановым, появились крупные имения Голицыных, Шуваловых, Всеволожских, Лазаревых. Треть, перешедшая к Сергею Григорьевичу, тоже уменьшилась, но незначительно.

Внук его, Павел Александрович, приближенный Александра I. перед смертью просил императора объявить имение нераздельным, или майоратным. 11 августа 1817 года Александр I дал сенату свой именной указ, которым «состоящие за покойным генерал-лейтенантом графом Строгановым недвижимое и движимое имение Пермской губернии в Пермском, Оханском, Соликамском, Кунгурском и Екатеринбургском уездах, в разных

селах деревнях и прочих селениях в числе 45 875 душ мужского пола со всеми землями лесами, санными покосами и прочими угодьями с соляными промыслами, чугуноплавильными и железодельными заводами все то без изъятия должно составлять нераздельное имение и оставаться оному в фамилии графов Строгановых так чтобы сие имение навсегда переходило во всей целости от одного лица во владение к другому» *.

Павлу Александровичу наследовала его вдова Софья Владимировна. Ей должна была наследовать старшая дочь Наталья Павловна (единственный сын П. А. Строганова погиб в 1814 году). Муж молодой графини Строгановой обязывался принять фамилию жены и получал графское достоинство.

Богатая наследница не засиделась в девках. Жених нашелся из другой ветви строгановского рода. Это был удачно начавший военную карьеру барон Сергей Григорьевич Строганов. Он сделался графом, фамилию же менять и не пришлось. После смерти тещи С. Г. Строганов стал, по доверенности жены, единоличным распорядителем имения.

В 1841 году крепостной отца Сергея Григорьевича — Григория Александровича Строганова крестьянин Трофим Гилев обнаружил в верховьях реки Кувы железную руду. В пятидесятых годах, когда С. Г. Строганов управлял и имением отца, был построен Кувинский чугуноплавильный завод. В Очер пошел чугун также из Кувы. Кувинский завод был создан тяжелым трудом крепостных. Кирпич для зданий крестьяне доставляли за десятки верст — из Егвы и Ошиба, причем не имевшие лошадей носили его на себе, в мешках. Позже говорили, что завод обошелся графу дешево: на постройку было потрачено только две кубические сажени березняка — для розг⁵.

Накануне реформы, по X ревизии, в Строгановском майорате было записано 78 тысяч мужских душ или 167 тысяч душ обоего пола, проживавших в 2689 населенных пунктах. В майорат входило около 1 миллиона 400 тысяч десятин земли⁶. Имелись чугуноплавильный Билимбаевский завод и три железодельных — Добрянский, Очерский и Павловский, соляные промыслы в Ново-Усольском и Ленве.

Хозяйство велось замкнутое. Все было своим: хлеб, лес, древесный уголь, руда, чугун, железо; своими силами строили баржи для соли и металла; инструмент и оборудование также стремились изготовлять в своих кузницах и слесарных (позже — механических фабриках).

В крепостной крестьянской среде все же развивались товарно-капиталистические отношения. Строгановы разрешали переход на денежный оброк, и в имении появлялись торговые лавки и «технические заведения» (кузницы, смолокурни, мыловарни), принадлежащие крестьянам. Имение сдавало в аренду землю как своим крестьянам (сверх общинного надела), так и сторонним.

В шестидесятых и семидесятых годах часть земли пришлось отдать крестьянам. Убыль удалось возместить. Граф Сергей Григорьевич получил по соглашению с братьями Кувинский и Кыновской заводы и земли в Оханском, Кунгурском и Соликамском уездах, в общей сложности около полумиллиона десятин. В 1872 году, когда после смерти жены майорат перешел не только в его управление, но и в его владение, эти земли вошли в нераздельное имение.

С. Г. Строганов умер в 1882 году в возрасте 88 лет. Он пережил своего старшего сына, и майорат перешел к взрослому уже внуку Сергею Александровичу. Этот последний купил у одного из Демидовых Уткинский завод с его лесной дачей. По исчислению, произведенному в мае 1917 года, в майорате оставалось 1 миллион 448 тысяч десятин земли⁷ (1 миллион 582 тысячи гектаров, или почти 16 тысяч квадратных километров). Таким дожил строгановский феодальный заповедник до Октябрьской социалистической революции.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пермское нераздельное имение было государством в государстве. После смерти мужа Софья Владимировна увлеклась законодательной деятельностью. Одно за другим следовали «постановления» и «положения». При земских избах были учреждены словесные суды, при заводских разрядах (конторах) — ремесленные расправы, при главном управлении имением — третейский суд. Был определен порядок сельских сходов, введено страхование имущества, учрежден ссудный капитал, установлен порядок назначения пенсий служащим и мастеровым и т. д. В 1837 году вышло капитальное «Положение об управлении Пермского нераздельного имения», содержавшее «Устав поместного управления», «Устав судебный», «Устав полицейский» и положение «О состояниях» (или «Устав экономический»)⁸.

Законодательство мотивировалось попечением о крепостных.

Препровождая в село Ильинское главному управляющему имением «Положение для третейского суда», графиня писала: «Забывая непрестанно о благосостоянии подвластных мне крестьян и разных людей находящихся на моих заводах и при соляных промыслах, я решилась для обеспечения взаимных прав их. для охранения во всей неприкосновенности их собственности и для защиты от всякого угнетения учредить третейский суд...»⁹.

Современники, да и некоторые потомки, восхищались графиней - законодательницей решившей ввести в своем имении» даже выборное начало. В действительности либерализм графини был весьма умеренным и расчетливым. В частности, введение выборов доверенных (по одному от каждого десяти домохозяев) для участия в сходах мотивировалось тем, «чтобы на сельских сходах... соблюдался должный порядок и не допускались на сельские сходы дурные люди, горланы»¹⁰. Все же это законодательство несколько упорядочивало жизнь в имении и служило интересам не только помещицы, а и зажиточной верхушки, появившийся в крепостной деревне.

Непосредственное распоряжение делами осуществляло главное управление Пермского нераздельного имения, находившееся» в селе Ильинском. Это была узкая коллегия распорядителей, ведавших отдельными отраслями хозяйства, которую возглавлял главноуправляющий. Имение делилось на округа: Ильинский, Иньвенский, Очерский, Добрянский, Билимбаевский, Усольский (а позднее также Кыновской), которыми заведовали окружные правления во главе с управляющими. В заводских округах управление округом и заводом совмещалось. Главное управление Пермского нераздельного имения подчинялось главной Санкт-Петербургской конторе.

Строгановы тщательно подбирали служащих, преимущественно из своих же крепостных. Их готовили в Пермском уездном училище, Московской земледельческой школе и в своих учебных заведениях — в низшей практической школе земледелия и ремесел в имении Марьинском под Петербургом и в самом Петербурге — в высшей школе, которая стала под конец именоваться школой земледелия, горных и лесных наук.

Служащих резко выделяли из всех крепостных. Отличившимся давали волю, будучи уверены, что они не уйдут от высокого жалованья, а станут служить еще старательнее. Ежегодно каждому служащему ставились две оценки — поведения и успехов. Плохие оценки вели к увольнению, отличные — к повышению в.

должности, а главное — к высокой пенсии при выслуге лет. Один из верных «служак» (так он сам себя называл) Строгановского имения — А. Я. Власов в выпущенной им на старости лет книжке «Воспоминания и служба старика из дворовых» с гордостью рассказывал о том, как, начав с жалованья 18 рублей и 24 пуда муки в год, он дошел до 1600 рублей (при готовой квартире и прочих услугах!), а потом стал получать 750 рублей пенсии, положенной ему за 35 лет службы при отличных оценках¹¹.

Поставленные в такие условия служащие обычно старались изо всех сил угодить господам. Крепостные крестьяне и мастеровые относились к ним (даже крепостным, зачисленным в разряд дворовых) с крайним недоброжелательством, вполне естественным.

В обращенных к графине и графу документах крепостные именовались «ваши подданные», о себе служащие писали «ваши верные подданные». Софью Владимировну, а затем Наталью Павловну именовали не просто «графиня», а «государыня-графиня». К графу Сергею Григорьевичу обращались с таким же почтением:

«Сиятельнейший граф!

Милостивейший государь!

Предложение Вашего Сиятельства, изложенное в милостивом письме Вашем... я имел честь получить...»¹².

В подписи также полагалось высказать раболепное почтение. Например:

«С глубоким почтением и преданностью имею быть Вашего Сиятельства преданнейший слуга»¹³.

С. Г. Строганов, при котором проходила реформа, был последним ярким представителем рода.

Он был прежде всего военным. После окончания института путей сообщения поступил на военную службу и всю жизнь числился на ней. Участвовал в Отечественной войне 1812 года, в русско-турецкой войне 1828—1829 годов, в Крымской кампании 1853—1856 годов. Дослужился до чина генерал-лейтенанта, а затем и генерал-адъютанта.

Он был государственным деятелем. Служил генерал-губернатором в Риге, Минске, Москве, был сенатором и членом Государственного совета (с 1847 года), председателем Комитета железных дорог, председателем и членом многих других комитетов.

Он считался покровителем наук и искусств. В тридцатых и сороковых годах был попечителем Московского учебного округа и вместе с тем Московского университета. Состоял председателем Московского общества истории и древностей российских, основал школу технического рисования в Москве (Строгановское училище) и даже сам написал книжку «Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме». Александр II назначил его главным воспитателем своего старшего сына — наследника престола Николая.

В отличие от покойного тестя Павла Александровича, грешившего в молодости либерализмом, Сергей Григорьевич всегда был последовательным и неуклонным реакционером, ярким крепостником, убежденным сторонником ничем не ограниченной монархии. Он был инициатором и активным участником многих реакционных мероприятий царского правительства.

Это он, граф С. Г. Строганов, в 1848 году, едва только доказались громовые раскаты европейских революций, представил Николаю I записку о либерализме, коммунизме и социализме, якобы господствующих в цензуре и во всем министерстве народного просвещения, что ведет к распространению революционных идей. Его записка, наряду с другими, ей подобными, положила начало периоду цензурного террора в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

Это он граф С. Г. Строганов, будучи в 1861 году членом комитета для рассмотрения предположений о преобразовании университетов¹³, настаивал на ограничении доступа в университеты лицам не дворянского происхождения. Он же несколько раньше, в 1860 году, участвовал в реакционном походе против воскресных школ. Александр Иванович Герцен, имея в виду эту «просветительную» деятельность Сергея Григорьевича Строганова, называл его в «Колоколе» генерал-инквизитором и иезуитским гонителем просвещения¹⁴. Русский революционный демократ Берви-Флеровский в своих воспоминаниях писал: «Строганов был знаменитый бич, которым император Николай I хлестал все, что порывалось мыслить»¹⁵.

Все было у графа Строганова: земли, деньги, слава, влияние. Кроме Пермского имения он с женой владел подмосковным имением, имениями в Тверской и Новгородской губерниях, особняком в Москве, дворцом в Петербурге, роскошной дачей под Петербургом, домом в Париже. Грудь его была увешана орденами. Перед ним были открыты двери всех высших государственных

учреждений, ему всюду старались услужить — когда из почтительности, а когда из страха перед влиятельным вельможей. Целая армия своих служащих и весь государственный аппарат охраняли интересы сиятельных владельцев крупнейшего имения.

В интересующем нас деле графам Строгановым противостояли мастеровые (мастера, подмастерья, работники, занятые непосредственно на заводах). Их было много. Накануне реформы в нераздельном имении числилось 8198 ревизских душ мастеровых (то есть причисленных к разряду мастеровых мужчин всех возрастов). На всех вотчинных, посессионных * и казенных заводах Пермской губернии мастеровых насчитывалось 233 тысячи мужских душ ¹⁶.

Но мастеровые, даже одного владельца, жили разобщенно. В Строгановском нераздельном имении только Очерский и Павловский заводы находились близко друг к другу, до других — многие десятки и даже сотни верст. Самый характер горнозаводского производства того времени обуславливал разбросанность заводов на большом пространстве.

Строгановы отпускали средства на содержание по заводам приходских школ. В Очерской школе, основанной в 1822 году, перед реформой училось 63, в Павловской, открытой накануне реформы, — 34 ученика. Это примерно на десяти тысячное население округа. Ничтожно мало! Больше грамотных давали старообрядческие семьи, в которых детей учили чтению на церковнославянском языке.

Мастеровые были все же развитее крестьян. Они жили в крупных, обычно насчитывающих не одну тысячу жителей, поселках. Они работали в больших коллективах, в тесной связи друг с другом. Некоторая часть мастеровых имела дело с механизмами, требующими если не знаний, то опыта и смекалки.

Внимательный наблюдатель Берви-Флеровский, в шестидесятих годах немало поскитавшийся по стране, побывавший и в Пермской губернии, писал: «Заводские рабочие — интеллигенция между рабочим классом (Берви-Флеровский зачислял в этот класс всех людей физического труда. — Автор.), крестьяне глядят на них с завистью. «Они лучше нас», — говорят земледельцы» ¹⁷.

---

* Посессионные заводы — заводы, основанные с пособием от казны, выражавшимся предоставлением земли или людей, а чаще и того и другого.

Мастеровые отличались от крестьян и внешне. На Урале для них обычными были сапоги, раньше крестьян они начали носить косоворотки. По праздникам надевали кафтаны, а с семидесятых годов даже сюртуки. «Заводские мастеровые составляют нечто среднее между городским и сельским населением. В жизни их заметны уже некоторые привычки и потребности, чуждые крестьянам», — так констатировалось в описании Пермской губернии, составленном как раз ко времени реформы¹⁸. Местный, очерский летописец Герасим Егорович Каменских в своем «Разъяснении о человеческой одежде» писал об этом времени: «Служители и мастеровые почти все одеждой сообщились, кроме высшего названия (то есть высших служащих. — Автор.)... А крестьян одежда оставалась по-старому»¹⁹.

В питании отличия мастеровых от крестьян были меньшими. В предреформенном описании Пермской губернии, на которое мы уже ссылались, о мастеровых говорится так: «Пища состоит большей частью из ржаного хлеба и овощей, особенно капусты, свежей или кислой. Вместо дорогой привозной гречневой крупы употребляется просо. Сверх капусты употребляются в пищу из огородных овощей: картофель, редька, лук, репа, свекла, простой горох и русские бобы. Также в большом употреблении молочная пища. Мяса вообще употребляется мало, частью по дороговизне, а частью по причине строгого соблюдения постов... Обыкновенное питье заводских работников составляет русский квас, а в праздничные дни употребляют более или менее хмельное пиво домашнего приготовления. Люди сколько-нибудь позжиточнее имеют самовары и пьют чай каждый день или только по праздникам, смотря по достатку»²⁰. Самовар, как большую ценность, держали обычно на видном месте, но в чехле.

Мастеровые пользовались землей. Без нее не обойтись. Помещик давал мастеровым муку. В Очерском округе — 2 пуда в месяц на холостого, 4 пуда на женатого, а на детей от 0,5 до 1 пуда в месяц с вычетом из заработка по 30 копеек за пуд²¹. Но одной мукой не проживешь. Это понимал и помещик и предоставлял мастеровым приусадебные участки, выгон, покос и даже пашню. Помещик не отказывал в лесе — строевом и дровяном. Для «переведенцев» (мастеровых или крестьян, переведенных в заводской поселок из других мест) предоставляли даже срубы.

Денежная оплата основных заводских работ была сдельной — за «урок», то есть норму. За сделанное сверх урока пла-

та повышалась. Подробно была разработана система денежных штрафов. Но это не исключало и иных мер воздействия на мастеровых.

В марте 1836 года кричные мастеровые Очерского завода обратились через своих избранных — Андрея Григорьева Колчанова, Михаила Савинова, Бурдина и Григория Филиппова Пьянкова * к заводскому исправнику Версилу (которому были поднадзорны строгановские заводы) со словесной жалобой. Они заявили, что «принуждаются в кричных фабриках сверх шестидневных рабочих дней производить работу в праздничные и воскресные дни и что... по оставлении работы на означенные дни около 12 и 1 часа пополудни, начинают оную в праздники и воскресенья в 1 и 2 часа с полуден, не могут заготавливать про домашний скот сена и для отопливания домов своих дрок и чувствуют изнеможение сил. Задельную плату за настоящую выковку железа не получали с начала сего 1836 года».

Следует сказать несколько слов о кричном способе производства, с которым читатель не раз встретится в этой книге. Крицей называлась рыхлая, губчатая, пропитанная шлаком железная масса. Ее получали в горне посредством «свежевания» чугуна: окисления его кислородом воздуха и действием флюсов, а затем обрабатывали на специальных обжимных молотах, чем устраняли шлак, и проковывали. Кричных мастеровых, которые доставали, таскали, ворочали десятипудовые (160 килограммов!) раскаленные куски металла, все время обдавало жаром. Борода и усы у них не росли. В уральском варианте широко распространенной сказки об аде и заводе кузнец ведет черта именно в кричный цех, где у рабочих «как полагается — нет кожи на

И вот этим рабочим после двенадцатичасовой смены не давали даже отдохнуть, а за малейшее опоздание, любую провинность их наказывали и рублем и дубьем: сверх штрафа в 50 копеек «приказчик Глушков делает им жестокие телесные наказания около 70 и 100 ударов», «каковые истязания производит Глушков почти каждый понедельник в так называемом заводском раз-

---

* Здесь мы приводим отчества мастеровых так, как они записывались в документах: Андрей Григорьев, а не Андрей Григорьевич. И до и после реформы только люди высших сословий именовались с «внчем», крестьяне, мастеровые, мещане этого права не имели. Первым титулом, предоставленным Строгановым, был титул «именитых людей», дававший право именоваться с «вичем».

ряде». Попытки жаловаться управляющему Емельянову и просить у него денег оставались безрезультатными. «При приносимых же просьбах, употребляя он непристойные слова с азартностью и криком, без всякого удовлетворения выгоняет вон, поясняя, что у графини Строгановой денег нет и вся в долгу»²³.

Денег у графини Софьи Владимировны действительно не хватало, несмотря на огромные доходы с Пермского имения.

О ее свекре — графе Александре Сергеевиче Строганове — Екатерина II говорила: «Вот человек, который тщетно старается разориться, но не может»²⁴. Действительно, несмотря на огромные траты, он не разорился. Но сыну — Павлу Александровичу — оставил, кроме обширного имения, несколько миллионов рублей долгов, которые тот, несмотря на полученную от государства субсидию, не успел погасить. Объявление Пермского имения нераздельным спасло его от распродажи и позволило Софье Владимировне выпрашивать новые субсидии и займы на поправление дел и приданое трем младшим дочерям (по 2 миллиона рублей каждой!)

И все же поправлять дела имения приходилось и с помощью розг.

Сама графиня могла пользоваться в Петербурге репутацией просвещенной законодательницы, пекущейся о благе крепостных. Черную работу делали хорошо вышколенные служащие.

Никак не организованные, в массе своей неграмотные, уральские мастеровые не были все же совсем бессловесными. Они заявляли о своем положении и своих нуждах, причем иногда очень громко.

Урал явился одним из главных районов волнений крепостных, заставивших государство помещиков (наряду с другими, экономическими факторами) пойти на отмену крепостного права. Районом особенно опасным потому, что здесь крепостные были сосредоточены большими массами на рудниках, приисках, заводах и жила в народе память о Пугачеве.

В начале тридцатых годов правительству удалось мерами регулирования условий труда на горных заводах, репрессиями и усилением горной администрации оборвать подъем волнений на Урале. Но уже в конце тридцатых годов волнения начинаются вновь и нарастают вплоть до шестидесятых годов. По подсчетам профессора Ф. С. Горового, за десятилетие — с 1851 по 1861 год²⁵ — на Урале произошло 38 волнений горнозаводского населения.

Не чувство справедливости, а страх помог крепостникам осознать необходимость реформы.

Тревожило, что сами крепостные могут взять дело освобождения в свои руки. Александр II сумел понять опасность этого для господствующего класса и в своем кругу не раз замечал, что лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться того времени, когда оно само начнет отменяться снизу

Для народа об этом говорилось по-другому. В манифесте 19 февраля 1861 года, который служил как бы введением к законам, определявшим порядок ликвидации крепостных отношений, Александр II торжественно провозгласил:

«Мы положили в сердце своем обет обнимать нашу царскую любовью и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечом на защиту отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего службу государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом»²⁷.

Мы познакомились немного с графами Строгановыми, «благородно владеющими мечом» и «проходящими службу государственную», и с их крепостными, которые скромно работали ремесленным орудием и пахали поле.

Посмотрим, как развивались отношения между ними в ходе реформы.

ЗАМЫСЛЫ КРЕПОСТНИКОВ

Граф Сергей Григорьевич Строганов не входил в высшие учреждения, подготовлявшие реформу. Однако позиция его в общих вопросах реформы не вызывала ни у кого из современников сомнений. Он придерживался крайних крепостнических взглядов и шел за государем скрепя сердце. Шел, потому что не в традициях Строгановых было ссориться с монархом, да и понимал, несомненно, граф, что сопротивление безнадёжно и что надо в новых условиях постараться сохранить возможно больше близкого ему старого.

К этому он готовился в Пермском нераздельном имении. И деятельность сиятельного крепостника оказала немалое влияние на практический ход реформы.

С декабря 1857 года началась переписка графа с главным управлением Пермского майоратного имения «О делах, заслу-

живающих особой важности» (даже в названии дела постарались соблюсти секретность)²⁸. Главному управляющему Пермским имением Василию Алексеевичу Волегову, наиболее опытному управляющим округами сообщали предположения графа, запрашивали их соображения, требовали цифровых данных, подсчетов и т. п. В тишине, в секрете, начала целенаправленно работать огромная машина управления крепостными.

В самом Петербурге Строганов возглавил группу живущих там крупнейших пермских помещиков-заволовладельцев, в которой началось обсуждение вопросов реформы. Х. Е. Лазарев в одном из писем к своему управляющему в Чермоз сообщал, что во всех проходивших в Петербурге совещаниях пермских горнозаводчиков они прислушивались прежде всего к графу Строганову²⁹.

Разумеется, не только Строганов, и другие заводовладельцы боялись потерь от реформы, особенно опасности лишиться рабочих и необходимости большого повышения оплаты их труда. Владельцам уральских заводов было нетрудно заразить своими тревогами правительственные сферы. Сказалась не только близость титулованных горнозаводчиков Урала к императорскому трону. Урал оставался почти монопольным поставщиком железа и меди, и интересы уральских горнозаводчиков легко отождествлялись с интересами Российского государства.

Подготовка реформы на горных заводах была выделена на особицу. При министерстве финансов создали приготовительную комиссию, на которую возложили разработку проекта реформы на горных заводах, подведомственных входившему в министерство горному департаменту. В том же 1858 году были учреждены три комитета помещиков-заволовладельцев по округам За-московному, Уральскому и Оренбургскому.

В выдвинутых этими комитетами проектах устройства быта приписанных к заводам крепостных в разной мере проявлялось стремление максимально сохранить старые, крепостнические приемы эксплуатации и ограничиться минимальными уступками в пользу крепостных. Горнозаводчики соглашались перейти к вольному найму рабочих, но... при условии, что работа на заводе останется для бывших крепостных обязательной. Они шли на создание в заводских поселках общественного управления по типу существующего у государственных крестьян, но с тем, чтобы во главе этого управления стоял заводовладелец, а само управление имело задачей понуждать вчерашних крепостных к ис-

правкой работе на заводе. Они не хотели поступиться даже малой долей своих земель.

Приготовительная комиссия при министерстве финансов должна была согласовать предложения горнозаводчиков с общими началами реформы. А под влиянием крестьянских волнений высшие правительственные сферы убедились в необходимости несколько расширить первоначально намечавшуюся программу реформ. Приготовительной комиссии пришлось умерять своекорыстие горнозаводчиков, которое могло привести к нежелательным последствиям. Особенно твердо комиссия настаивала на наделении мастеровых землей.

Кроме общих соображений об обеспечении вольного труда, комиссия высказала при этом и соображения совершенно практические. Отвечая члену Оренбургского комитета горнозаводчиков Дашкову, замечавшему, что проектируемое ею земельное обеспечение горнозаводских людей все равно недостаточно для их прокормления, комиссия записала в своем журнале: «Комиссия долгом считает повторить мнение свое, что обеспеченное землею население удержится в местах своего водворения и, не имея, как заметил Дашков, достаточного продовольствия от своего ограниченного хлебопашества, будет искать заводской работы, к которой с давнего времени приобыкло»³⁰.

Проект, подготовленный комиссией при министерстве финансов, претерпел в Главном комитете по крестьянскому делу и в Государственном совете некоторые изменения. Однако основной замысел комиссии — клочком земли удержать горнорабочих при заводах — получил воплощение в утвержденных 19 февраля 1861 года «Дополнительных правилах о приписанных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов».

По этим «Правилам» горнозаводское население частных горных заводов в отношении поземельного устройства делилось на две группы: мастеровых и сельских работников. «Мастеровые, — говорилось в законе, — суть те, кои занимаются исполнением технических горнозаводских работ, а сельские работники — те, которые, исполняя для заводов различные вспомогательные работы, занимаются и хлебопашеством». Усадьбы получали одинаково все — за повинность, с правом выкупа. По наделению полевой землей мастеровые и сельские работники резко различались. Сельские работники получали землю так же, как все помещичьи крестьяне, по тем же нормам, и также не имели права отказаться от надела. Мастерovým же в земельный надел

по закону надлежало отвести: «покосы не свыше одной десятины на душу, а если в пользовании мастеровых покосной земли было менее означенного количества, то в надел поступает это последнее», «пашни — там, где они имелись у мастеровых до 1861 года, и не более того количества, какое составляет высший душевой размер надела, положенный в той местности для крестьян»³¹.

За земельный надел мастеровые должны были нести повинности. Выкуп его не был законом предусмотрен. В отличие от крестьян и сельских работников мастеровые, как все вместе, так и каждый отдельно, имели право отказаться от покосной и пахотной земли.

Реформу готовили дворянские комитеты в губерниях, комитеты дворян-горнозаводчиков, специально созданный для этого центральный аппарат (комиссии при некоторых министерствах, редакционные комиссии, Главный комитет по крестьянскому делу, переименованный затем в Главный комитет об устройстве сельского состояния), наконец, высшее учреждение империи — Государственный совет. Всюду были только дворяне. Помещики выступали вершителями судеб реформы.

Ни на одном этапе и ни в какой форме крепостные крестьяне к обсуждению предстоящих перемен не были привлечены. Наоборот, делалось все возможное, чтобы скрыть от них подготовку перемен и пресечь всякие разговоры о «воле».

В конце 1857 года в Ильинское главноуправляющему имением В. А. Волегову пошло из Петербурга секретное предписание, в котором предлагалось «внимательно следить за настроением умов в имении и, в случае необходимости, принять энергичные меры против распространителей лживых слухов»³². В Ильинском завели специальное дело — «Сведения относительно вредных слухов о переходе крепостных людей в свободное состояние». Аккуратно подшиты в этом деле поступавшие В. А. Волегову от приказчиков и управляющих округами «особые записки». В большинстве констатировалось: «никаких неблагоприятных толков со стороны крестьян нет»; «никаких вредных общественному спокойствию толков слышно не было»³³. Вначале крепостные просто еще ничего не знали.

Летом 1858 года начали усматриваться «опасные толкования». Управляющий Очерским округом Егор Константинович Демидов сетовал, что подведомственные ему крестьяне окружены «селениями шерыньских и сосновских казенных крестьян, извест-

них самовольщиков, буянов и разглашателей нелепых толков», живут в «мелких разбросанных деревнях и починках», что не позволяет «иметь постоянное наблюдение за образом их жизни и нравственностью». Поэтому, писал верный строгановский слуга, «здесьние крестьяне отличаются большой грубостью и склонностью к неповиновению властям против прочих округов Пермского имения. Особенно в последнее время, с усвоением крестьянами мысли о скором переходе из крепостного в свободное сословие, дух непокорности стал отражаться ярче»³⁴. В подтверждение Демидов приводил ряд фактов неповиновения, связанных главным образом с обмером усадеб, в котором крепостные усмотрели враждебный им замысел строгановской администрации.

Обстановка в Пермской губернии накалялась. Ожидание воли становилось нетерпеливым. Все чаще крестьяне, особенно приписанные к заводам для вспомогательных работ, отказывались от исполнения повинностей. Весной 1859 года около 500 таких крестьян, занятых заготовкой и перевозкой дров и угля для Кыновского завода, бросив работу, отправились в Пермь примести жалобу губернатору. Они были наказаны и отправлены под конвоем обратно³⁵. Это не остановило других. Волнения вспыхивали то на заводах графини Рошефор, то на Рождественских заводах Демидова, то среди подзаводских крестьян Лазаревского имения.

В Очере строгановская администрация круто пресекала распространение всяких слухов, способных встревожить крепостных. Как свидетельствует разысканный краеведами «Журнал Очерской ремесленной расправы», попадало больше всего кучерам, ездившим со служащими. Были пороты: кучер Иван Лобанов, сообщивший, что в Полтаве «какая-то великая княгиня уже отпустила на волю своих крепостных»; кучер Яков Селиванов, слышавший в селе Ильинском, что «деревенщина» по Обве отказалась идти на караваны; кучер Федор Бубнов, рассказавший об отказе крестьян Дубровского и Острожского ведомств от господских работ; кучер Петр Вшивков, наслышавшийся в Таборах о беспорядках у графини Рошефор³⁶.

В манифесте 19 февраля император с сожалением говорил о «недоразумениях», которые были порождены слухами об упразднении крепостного права, и призывал крестьян к благоразумию и повиновению. «И теперь с надеждою ожидаем, что крепостные люди, при открывающейся для них новой будущно-

сти, поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное Благородным Дворянством для улучшения их быта»³⁷.

Надежды эти не оправдались. Объявление манифеста и «положений» вызвало у крепостных острое чувство разочарования. «Воля» оказалась не той, какую ждали. Надо было продолжать работать на помещика. Надо было платить за землю. Убеждение, что помещики «обошли» царя, что истинная царская воля скрыта, было чрезвычайно широко распространено и держалось годы.

В Очере после оглашения манифеста мастеровые решились тут же, в церкви, спросить священника — подлинный ли манифест им оглашен. Управляющий округом Демидов сообщал в главное управление: «Мастеровые не уверились в подлинности им объявленного манифеста и правил»³⁸.

Волнения, переросшие в восстание, вспыхнули в Иньвенском округе Пермского нераздельного имения Строгановых. На Лысьвенском заводе княгини Бутеро-Родали (Шуваловой) волнения переросли в забастовку. Непокойно было почти всюду.

Выдвинулись первые вожаки из среды самих крепостных крестьян. В Иньвенском округе это был Тимофей Иванович Механюшин, под руководством которого крестьяне Верх-Юсьвинского ведомства сместили строгановскую администрацию и стали, на короткое время, фактическими хозяевами своих сел и деревень³⁹. Сбежавший из Нердвы крепостной графов Строгановых Александр Кокшаров метался из одного поместья в другое, убеждая крестьян не верить манифесту, добиваться подлинной царской воли. Кокшарова долго не удавалось поймать: крестьяне укрывали и защищали его⁴⁰.

В Перми культурно-просветительный кружок, созданный чиновником Александром Ивановичем Иконниковым, принял четко выраженное революционно-демократическое направление и выпустил несколько прокламаций, в одной из которых призывал крестьян: «Беритесь за топор, требуйте землю со всеми угодьями даром, — не то вас помещики совсем ограбят. Сам царь заодно с ними хочет грабить вас!»⁴¹.

Эти и им подобные выступления на Урале и в других районах страны не слились в один поток, остались разрозненными и были подавлены. «В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу, — писал Владимир Ильич Ленин. — Крестьянские восстания того време-

ни остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли»⁴²

Если волнения удалось подавить, то убедить крестьян и мастеровых в благодетельности «воли» не удалось, и на каждом этапе осуществления реформы вновь и вновь проявлялось их острое недовольство.

Причин и поводов для этого было более чем достаточно. Помещики-горнозаводчики, не довольствуясь законом, вносили в него свои практические поправки, усугублявшие крепостнический характер реформы.

Одним из первых шагов реформы в отношении горнозаводского населения было распределение его по двум категориям — мастеровых и сельских работников. Его провели так, что сельских работников почти не оказалось. Это было для помещиков-заводовладельцев вдвойне выгодно. Во-первых, сельским работникам следовало давать крестьянский надел с правом выкупа, а мастеровым — надел значительно меньший и лишь в пользование. Во-вторых, увеличение категории мастеровых создавало резерв рабочей силы и давало возможность установить низкую заработную плату.

Людей, занятых вспомогательными работами на заводах (добычей и подвозкой руды, заготовкой дров, выжигом угля, подвозкой дров и угля, изготовлением судов, гужевыми перевозками к сплавам металла), в большинстве горнозаводских округов будто и не оказалось. По подсчетам профессора Ф. С. Горового, 88 процентов всего горнозаводского населения вотчинных и поsessionsных округов Пермской губернии было отнесено к категории мастеровых и лишь 12 процентов — к категории сельских работников⁴³. Между тем на сезонных работах по заготовке и подвозке к заводам материалов и вывозке продукции к сплавным рекам было занято не менее 3/4 всей используемой заводами рабочей силы.

УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ

Важным этапом реформы было заключение уставных грамот. В них определялись отношения между помещиками и вчерашними крепостными, которые становились теперь временнообязанными. Они получали право постоянного пользования землей, но обязаны были нести за это денежную повинность. Собствен-

пиками земли, прекратившими «обязательные отношения» с помещиком, крестьяне становились только после выкупа по соглашению с ним земли, чему государство оказывало содействие, выдавая помещику крупную ссуду, которую затем с рассрочкой взыскивало с крестьян в виде выкупных платежей. До выкупа все отношения регулировались уставными грамотами.

Уставная грамота — двусторонний документ. Но он разрабатывался помещиком. Служащие всех горнозаводских имений многие месяцы тщательно готовили грамоты. Как замечал Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, были созданы «шедевры канцелярской казуистики и российского крючкотворства»⁴⁴. Сельским обществам и обществам мастеровых эти пространные документы представлялись уже в готовом виде.

Условия наделения землей, предусмотренные законом и конкретизированные в уставных грамотах, оказались для мастеровых, как, впрочем, и для крестьян, крайне тяжелыми. Рассмотрим их на примере Очерского и Павловского заводов.

Ко времени составления уставных грамот в пользовании мастеровых Очерского завода (1493 ревизских души) находилось 2258 десятин покоса и 485 десятин пашни, в пользовании мастеровых Павловского завода (679 душ)—797 десятин покоса и 118 десятин пашни⁴⁵. Сколько-нибудь значительного, способного прокормить их количества пашни мастеровые этих заводов не имели, а следовательно, и не могли получить. Главным для них были покосы, дававшие возможность содержать скот.

А покосы подлежали урезке. В Очере из 2258 десятин могло пойти в надел мастеровым только 1493 десятины (не свыше одной десятины на душу.), а 765 десятин — одна треть — отрезалось помещику-заводовладельцу; в Павловском из 797 десятин покоса мастеровым оставлялось 679, а 118 десятин отрезалось помещику.

До отмены крепостного права мастеровые за пользование землей в прямой форме не платили. Сейчас же за землю, которая подлежала закреплению за ними, предстояло нести в пользу помещика повинности. И какие повинности! 4 рубля 50 копеек за десятину покоса ежегодно. И на такую высокую повинность надо было соглашаться, еще не зная, каким окажется при новых порядках заработок.

Управитель Очерского округа Демидов доносил 26 октября 1861 года графу Строганову о своих разговорах с мастеровыми: «При этом они высказывали также, что плату за покосы, кото-

рая по смыслу Положения должна быть в 4 руб. 50 коп. за десятину, как за первую по ст. 169 местного Великорусского положения, признают невероятною, сколько потому, что в Положении прямо не определено этой платы, столько же по существующей здесь арендной плате, взимаемой с посторонних и с принадлежащих к имению людей, которая средним числом не превышает 1 руб. и 1 руб. 20 коп. за десятину в лето» 46.

Мудрено ли, что очерские и павловские мастеровые отказались принять в надел по уставным грамотам покосы и пашню (хотя повинность за полевые земли была в уставных грамотах снижена против предусмотренной законом).

Очерский и Павловский заводы не были исключением. Из 42 частновладельческих горных заводов Пермской губернии (вотчинных, не считая посессионных) только на 8 заводах, в большинстве своем мелких и замирающих, мастеровые получили полевой земельный надел по уставным грамотам, на 34 заводах они отказались от принятия надела на условиях, которые диктовались грамотами ⁴⁷. То же произошло и на посессионных заводах. И здесь отказ от полевого надела был почти всеобщим.

Условия предоставления усадебной земли были тоже возмутительными. Повинность определялась в 6 рублей за десятину. За усадьбу надо было платить в Очере полтора-два рубля. Почему, спрашивается, мастеровые должны были платить эти деньги? Ведь они не сами приехали сюда, на завод, большинство их пригнал помещик.

Очерские и павловские мастеровые, как и мастеровые большинства уральских заводов, отказывались принять и усадьбы. Но министерство внутренних дел разъяснило, что от усадебной оседлости мастеровые отказываться не имеют права. Хочешь, не хочешь — принимай усадьбу и продолжай жить на старом месте.

Оставалось одно наиболее простое средство протеста: отказываться от подписания уставных грамот. Так очерские и павловские мастеровые и поступили. Впрочем, не только мастеровые, а и крестьяне всех волостей и обществ, образованных на территории Очерского округа Строгановского имения, да и повсюду в Пермской губернии. К 27 марта 1862 года в губернии было введено в действие всего 2 уставные грамоты, и в сводках, составлявшихся по этому предмету министерством внутренних дел. Пермская губерния занимала последнее место.

Дело сдвинулось с мертвой точки, когда министерство внутренних сил своим циркуляром разъяснило, что уставные гра-

моты могут утверждаться и вводиться в действие и без подписи бывших крепостных, для этого нужно только привлечь «сторонних добросовестных», которые засвидетельствовали бы, что на сходе, заслушавшем проект грамоты, «законных возражений не предъявлено».

Уставные грамоты по обществам мастеровых Очерского и Павловского заводов были «совершены» указанным способом 3 мая 1862 года, а введены в действие утвердившими их мировыми посредниками 28 и 29 мая⁴⁸.

Но Пермская губерния, покинув последнее место по числу утвержденных грамот, заняла первое по проценту грамот, не подписанных бывшими крепостными. На 1 января 1863 года в губернии было введено в действие 260 уставных грамот, которые охватывали 85 процентов всех бывших крепостных, а именно 263 тысячи душ, но из них 233 грамоты на 239 тысяч душ не были подписаны крестьянами, сельскими работниками и мастеровыми. Таким образом, 90 процентов бывших крепостных отказалось признать подготовленные помещиками уставные грамоты⁴⁹.

Грамоты были введены. Крестьяне получили по ним в подавляющем большинстве имений урезанные против дореформенных наделы, мастеровые были почти полностью обезземелены. На строгановских заводах по уставным грамотам у мастеровых осталось (включая усадьбы) лишь 14,7 процента земель, которыми они пользовались до реформы⁵⁰.

Уставные грамоты, введенные таким образом, не были действительными соглашениями двух сторон. И они не обеспечили спокойствия и порядка на горнозаводском Урале.

ВОЛЬНЫЕ ПЛАТЫ

Прежде чем говорить, что последовало из этого, расскажем, как осуществлялся другой этап реформы в отношении мастеровых, как вводились «вольные платы».

Вопрос о вольных платах больше всего тревожил крепостников-заводовладельцев. Ведь вышедшие на волю люди наверняка потребуют за свой труд большей платы, чем они получали, работая по принуждению. Запросят невероятную плату, а не дашь — уйдут. Все же не крепостные времена, нельзя будет возвращать их как беглых.

У графа Строганова была, правда, уверенность, что правительство этого не допустит, что оно готово «воспретить этим работкам (заводским и промысловым. — Автор.) самовольное переселение»⁵¹.

Все же к переходу на вольные платы надо готовиться. В основу всех расчетов был положен принцип: не платить вольнонаемному рабочему больше того, что помещик тратил на рабочего крепостного. Кроме денежной оплаты, которая существовала на всех строгановских заводах, помещик вносил в казну подушную подать, нес государственные и губернские повинности, затраты на наем и посылку ямщиков для трактовых дорог, содержал заводскую полицию, отпускал из заводских магазинов провиант по льготной цене мастеровым и бесплатно престарелым, предоставлял мастеровым покос и пашню, усадьбы, строевой и дровяной лес, содержал церкви и училища.

В Пермском имении учли все эти расходы (В ТОМ числе и весьма условные). Учли количество рабочих дней, отрабатываемых на каждом заводе. Оказалось, что на Очерском заводе для возмещения мастеровым в денежной форме всех перелагавшихся на них расходов надо прибавить к средней дневной плате 30 копеек⁵².

— Огромная, непомерная прибавка! — ужаснулись в Пермском имении. Она в два с лишним раза увеличит денежную плату мастеровым. Центральным стал вопрос, как избежать такой прибавки.

Было решено предоставить мастеровым «льготы и пособия»: не требовать с них денежной повинности за пользование покосами и пашнями (хотя и записать ее в уставных грамотах), предоставлять бесплатно или по пониженной цене строевой и дровяной лес, — иначе говоря, сохранить отчасти старые, не денежные, а натуральные отношения и на этом основании сдерживать рост денежной оплаты. По Очерскому заводу получалось, что прибавку к прежней средней оплате за рабочий день можно снизить с 30 до 24 копеек⁵³. Все равно много! Стали «уточнять». И определили сумму «пособий и льгот», которые можно предоставить мастеровым Очерского и Павловского заводов, в 28 000 рублей. Это позволило уменьшить неизбежную прибавку к денежной оплате уже на 12,7 копейки на рабочий день (примерно одинаково по обоим заводам), а не на 6 копеек, как получалось раньше⁵⁴.

Переговоры с мастерами о вольных платах начались ле-

том 1861 года, еще до введения уставных грамот, и затянулись на Очерском и Павловском заводах до сентября 1862 года.

Управляющий округом Демидов лез из кожи вон, чтобы провести их успешно для своего сиятельного хозяина.

Первые требования, предъявленные ему мастеровыми в разговорах на эту тему (ни о каком собрании мастеровых, общем или по профессиям, не было и речи), показались ему совершенно непомерными и необоснованными. «Конечно, все это глупости,— писал он графу 26 октября 1861 года,— и потому надо образумить мастеровых решительными действиями, не теряя времени в пустых торгах с ними». Он предлагал объявить мастеровым проектируемые окружным правлением платы и льготы и начать наем на этих условиях. «Но как эта мера может повлечь за собой сокращение заводских работ, то я считаю долгом просить разрешения Вашего Сиятельства, не угодно ли Вам допустить эту меру и позволить прижать мастеровых»⁵⁵.

Граф не сразу согласился на такую «прижимку». Он полагал, что «остановка заводского действия вещь весьма неприятная и опасная»⁵⁶.

Демидов вновь и вновь сетовал на трудности переговоров. «Мастеровые и прочие люди с объявлением свободы потеряли разум, какой у них был, ко всему помещичьему сделались чрезвычайно недоверчивы и подозрительны...» Ревностного графского служаку особенно возмущало, что мастеровые не соблазняются «льготами и пособиями», которые предлагают им взамен достаточного повышения плат. «Мастеровые считают предложенные им льготы и пособия ловушкой и принятие их новой кабалю, стесняющей дарованную им свободу»⁵⁷.

Ценное свидетельство! Были, следовательно, и в те годы среди совсем плохо осведомленных и в массе своей неграмотных мастеровых люди, понимавшие кабальный характер сохранения старых, «патриархальных» отношений между помещиком-заводовладельцем и рабочими.

Но именно это-то и возмущало строгановских слуг. И Демидов вновь предлагал «прижать».

14 мая 1862 года Демидов представил графу на утверждение разработанные им платы по всем цехам и переделам.

Граф был обычно благосклонен к деятельному очерскому управляющему. (Еще подростком миловидного Егорушку Демидова присмотрели в Петербургской школе, и графиня Софья Владимировна взяла его к себе секретарем. Это был баловень Ке-

рубино при стареющей графине. Подержал его некоторое время у себя секретарем н Сергей Григорьевич⁵⁸.) Но тут граф с явным раздражением высказал свое недовольство. Он уменьшил ряд расценок, в частности по самому тяжелому кричному труду, и предложил объявить с этими поправками «вольные платы», как его, графа, волю. Теперь граф пошел на то, что отклонял меньше года назад: «Если мастеровые по безрассудству не захотят довольствоваться назначенными платами, то разрешаю вам немедленно закрыть заводы, объявив об этом мировому посреднику и указав ему тех мастеровых, которые своими вредными измышлениями будут сбивать с толку других»⁵⁹.

Демидов получил это предписание незадолго до обычной остановки заводов на сенокос и решил объявить графскую волю после возобновления работ.

8 августа Демидов стал зачитывать мастеровым кричного цеха Очерского завода утвержденные графом расценки и условия. За один прием зачитать их было трудно. На следующий день, явившись на завод, Демидов, как он писал позже, «нашел там только немногих мастеровых, большинство же скопилось на плотине; обстоятельство это ясно показывало, что между ними затевается какая-то стачка».

Демидов действовал со свойственной ему напористостью: собрал людей в разряд (заводскую контору) и стал попрекать и поносить мастерового Мальцева, которого считал зачинщиком. Мастеровые вступились за товарища, а когда Демидов стал ругаться, «закричали: коли мы подлецы, так пойдем, ребята, нечего более слушать» и начали расходиться. Демидов, «сказав уходившим, что с мерзавцами толковать больше не намерен», приказал надзирателю отметить оставшихся «благоразумных» и запретил без его, Демидова, разрешения начинать кричную работу. Это внесло смущение в ряды рабочих. «Следующий день (10 августа. — Автор.) прошел в разных совещаниях кричных мастеровых у волостного правления», а «на третий день (11 августа. — Автор.), видя, что во всех прочих цехах начались работы», кричные мастеровые стали просить разрешения работать и им. Демидов дал милостивое согласие⁶⁰.

На Павловском заводе на сходках дважды зачитывались утвержденные графом платы и условия работы и дважды велись переговоры. Павловцы тянули, подписывать договор не соглашались, но продолжали работать, как они заявляли, «на старых условиях». Спокойствие оказалось обманчивым.

3 сентября «хотя мастеровые и вышли в завод, но к работам не приступили». Как установил ведавший этим заводом приказчик Калинин, «главными возмутителями общества мастеровых были замеченные и прежде в подстрекательствах горланы: Фрол Каменских, Петр Соколов, Филипп Лунев, Федор Васильев Чазов, Александр Коротаяев и Константин Мишланов и в особенности двое первых, имеющие значительное влияние на умы своих товарищей». Мастеровые собирались в кружки и возбужденно обсуждали положение, причем «горланы» перебегали от кружка к кружку. Увещевания приказчика и оказавшегося в заводском поселке оханского исправника «не имели никакого успеха, и заводское действие не могло быть тогда начато». Приказчик помчался за указаниями в Очер, к управляющему округом. Демидов предложил ему не сдаваться и не начинать работы иначе, как на условиях, утвержденных графом.

«В 4-е число поутру опять все мастеровые собрались к заводскому разряду и предъявили приказчику свои требования на высокие цены за работы, на что он отвечал решительным отказом и согласился допустить к работе не иначе, как по ценам, назначенным Вашим Сиятельством», — доносил графу Демидов.

Среди мастеровых начались колебания. Некоторые стали составлять артели для возобновления работ, хотя товарищи грозили им «общественным мнением и избиением».

Фрол Каменских с товарищами явился в Очер к самому Демидову и пытался вести переговоры с ним. Демидов припугнул их, прочитав секретное («конфиденциальное») предписание графа закрыть заводы в случае упорства мастеровых и сообщить о зачинщиках властям. Впрочем, с зачинщиками расправились сами. Как писал очерский управляющий, «за эти вредные для завода поступки Калинин (павловский приказчик. — Автор.) на основании предварительно сообщенного ему наставления отказал от господской работы всем поясненным (указанным выше. — Автор.) шести крикунам. Эта мера произвела сильное впечатление на всех прочих рабочих и дала им понять, что заводоуправление нисколько не дорожит самовольщиками и грубиянами, хотя бы они были самые искусные работники»⁶¹.

Таким образом, и на Очерском и, особенно, на Павловском заводах переход на новые условия труда прошел в острых столкновениях. На Очерском заводе в кричном цехе, на Павловском во всех цехах произошли короткие, слабо организованные стачки, легко подавленные строгановской администрацией. Ни на том,

ни на другом заводе рабочие предложенных им договоров не подписали как не подписали раньше и уставных грамот. Новые расценки и условия работы были приняты ими не как результат соглашения, а как продиктованные сверху и для них вынужденные. Они протестовали против этих условий, как умели. Слабая организованность помешала этому протесту стать действенным. И не только она.

Сказывался уже излишек рабочей силы, созданный мерами горнозаводчиков. Надеяться найти работу на других заводах становилось трудно, а вскоре сделалось совсем невозможно. Небольшая группа вельможных горнозаводчиков, сплоченная родственными и светскими связями, легко договорилась между собой. Граф С. Г. Строганов 10 марта 1863 года предписал главному управлению Пермского имения не допускать приема мастеровых с заводов других владельцев без письменного согласия заводоуправлений. Этот акт не был односторонним. Князь Лазарев сообщал своему Пермскому имению для руководства: «Графу Сергею Григорьевичу Строганову я дал слово не принимать в лазаревские заводы мастеровых из его имения»⁶².

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — могли с полным основанием сказать мастеровые, получившие такое освобождение от крепостной зависимости.

В начале 1863 года в Очере вновь произошли волнения.

По введенной вопреки их воле уставной грамоте очерцы обязывались ежегодно платить за 77,5 десятины усадебной земли 465 рублей. Мастеровые упорствовали и не делали раскладки общей суммы по дворам.

Мировой посредник Суворов собрал 26 марта 1863 года сход, на котором предложил произвести и подписать раскладку. Мастеровые шумно отказывались. Особенно активно вели себя Петр Гулин и Дмитрий Томилов. Они кричали: «Ребята! Раскладку не делать и не подписывать, а от земли отпираться», и «сход послушался того восклицания». При этом «Дмитрий Томилов... говорил — не подписывайте, ребята, потому что сам царь сказал, что кто к помещицкому делу не подпишется, тот умнее царя будет. На вопрос же, на чем основывал он свой слова, отвечал, что есть печатное, будет время — покажем». Сход дружно поддержал Петра Гулина и Дмитрия Томилова⁶³.

Мировой посредник действовал круто. Он тут же приказал предусмотрительно вызванным в Очер казакам взять Петра Гулина и Дмитрия Томилова и доставить их к судебному следова-

телю, который тоже оказался здесь. Однако сразу арестовать зачинщиков не удалось: мастеровые их отбили, при этом особенно решительно действовали Яков Чазов и Семен Мокрушин.

Сход оказался сорванным.

На дому у Дмитрия Томилова судебный следователь произвел тщательный обыск, «по которому оказалось, что какого-либо печатного, в котором бы сказано было, — кто не подпишется под какие помещичьи дела, тот умнее царя будет, ничего не найдено». Провел следователь и повальный обыск. Применено было и «священническое увещание». Свидетели, в подавляющем своем большинстве, не хотели говорить ничего, что могло бы повредить привлеченным к суду товарищам, а отделялись заявлениями: «не знаю», «не слышал», «не заметил», «все кричали»⁶⁴.

Когда дело дошло до Пермской палаты уголовного и гражданского суда (в мае 1865 года), вопрос об усадьбах повернулся уже по-другому, и подсудимые отделались штрафами.

А по-другому этот вопрос повернулся в результате закона 3 декабря 1862 года.

Пора рассказать о нем.

ЗАКОН 3 ДЕКАБРЯ 1862 года

В Петербург поступали с Урала тревожные вести.

Из Оренбурга (тогда это был центр огромной губернии, охватывавшей весь Южный Урал, Уфимская губерния выделилась из нее несколько позже) в министерство внутренних дел сообщали об отказе заводского населения от наделов и массовом стремлении выселиться на казенные земли. Проехавший по заводам член губернского по крестьянским делам присутствия от горного ведомства полковник Иваницкий находил настроение мастеровых таким, что «введение уставной грамоты с наделом за оброк поведет их немедленно к общему восстанию»⁶⁵.

Бурные события разворачивались на многих заводах Пермской губернии. Мастеровые протестовали против насильственного введения уставных грамот, требовали немедленного повышения заработной платы, отказывались производить раскладку земских повинностей и особенно — повинностей в пользу помещика. Пермское губернское по крестьянским делам присутствие в мае 1862 года сообщало: «Между мастеровыми появилось опасение

за их будущность, которое выразилось просьбами о переселении. Сделанное им разъяснение, что они не могут отказаться от усадеб, произвело общее неудовольствие, которое может иметь опасные последствия»⁶⁶.

Стремление мастеровых переселиться на казенные земли стало беспокоить и самих магнатов уральской промышленности.

Группа владельцев заводов, возглавленная Строгановым, обратилась в министерство финансов с запиской, в которой намечались меры успокоения мастеровых. Вместе с тем под предлогом заботы о процветании горнозаводской промышленности, от которой зависит и благосостояние мастеровых, владельцы заводов выговаривали себе множество льгот⁶⁷.

В министерстве финансов и министерстве внутренних дел началась разработка нового законодательного предположения о мерах по устройству быта мастеровых частных горных заводов. Она проходила под давлением растущего недовольства мастеровых и растущей тревоги местных учреждений.

14 октября 1862 года пермский губернатор Лашкарев, все лето и осень занятый подавлением волнений, телеграфировал в Петербург, что «для отвращения бедствия» необходимо «скорее разрешить ожидаемые льготы мастеровым»⁶⁸.

Произошел редкостный в практике правительственных учреждений случай: министр финансов Рейтерн уже 20 октября отправил губернатору ответ — последовавшее 19 октября высочайшее повеление о приостановлении сбора податей с мастеровых, причем пояснил, что закон о льготах еще не прошел всех надлежащих инстанций⁶⁹. Но и в высших инстанциях спешили. Главный комитет об устройстве сельского состояния — основное государственное учреждение, руководившее реформой, — отмечал невозможность «замедлить рассмотрение настоящего дела, не терпящего ни малейшего отлагательства»⁷⁰.

3 декабря 1862 года прошедшее все инстанции законодательное предположение было «высочайше утверждено» и стало законом «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов». Он явился известной уступкой мастеровым, направленной к тому, чтобы более или менее благополучно завершить реформу и осуществить основной замысел ее в отношении горнозаводского населения: удержать его при заводах.

По закону мастеровые, не получившие надела пахотной земли, но оставшиеся на прежнем месте жительства, освобождались

на шесть лет от всех казенных податей и земских денежных повинностей, а также от повинности рекрутской.

Владельцам горных заводов предлагалось воспользоваться льготой: в течение трех лет платить уменьшенные подати с металла и уменьшенные оброки с доменных и медеплавильных печей, с тем, однако, чтобы они предоставили мастерам усадьбы в собственность безвозмездно и предоставили им на определенный срок в пользование на льготных условиях покосы.

В случае закрытия завода владелец должен был о таком своем намерении предупредить за год мирового посредника и мастеровых и обеспечить последних на один год запасом хлеба. Мастеровым закрываемого завода предоставлялось право получить из заводской земли надел в высшем размере, установленном для крестьян той местности, в которой расположен завод.

Требования о предупреждении мастеровых и обеспечении их земельным наделом статьей 7-й закона распространялись и на те случаи, «когда заводчик предполагает уменьшить заводское действие и от такого уменьшения часть мастеровых, до этого времени у него работавших, останется без работы». По этой же статье имела право на надел не занятая уже сейчас на заводах часть мастерового населения⁷¹.

Министерство внутренних дел 8 декабря известило пермского губернатора телеграммой: «Утверждены льготы не имеющим пахотных наделов мастеровым...» и т. д. Содержание этой телеграммы губернское по крестьянским делам присутствие 9 декабря сообщило мировым посредникам своим журнальным постановлением, немедленно напечатанным. 11 декабря разослала свое указание казенная палата⁷².

Словом, все шло в высокой степени оперативно, как говорим мы теперь.

Предусмотренные законом общие меры «в видах удержания горнорабочего населения на месте настоящей их оседлости и отклонения их от переселения на казенные земли» (как говорилось в законе) были осуществлены и обеспечили некоторое успокоение. К тому же горнозаводчики не стали лишать мастеровых тех клочков сенокосной и пахотной земли, которыми они пользовались, но которые отказались получить в надел за высокую повинность. Земля эта осталась за мастерами «вследствие снисхождения заводоуправлений», как писалось позже.

Но совершенно не получила применения статья 7-я закона. По точному смыслу статьи следовало наделить землей ту часть

мастерового населения, которая с 1 октября 1862 года, то есть до издания закона, или «не обращалась уже в действительных заводских работах, или, по крайней мере, не значилась в заводских списках в числе потребных мастеровых».

Таких было очень много. Само губернское по крестьянским делам присутствие определяло излишек мастеровых против необходимого для заводской работы примерно в одну треть всего отнесенного к этой категории населения⁷³.

Однако буквально ни в одном случае не произошло наделения земель людей, оказавшихся для заводов лишними. Нет даже ходатайств самих мастеровых и представлений мировых посредников по этому поводу. Подлинный смысл второй части статьи 7-й закона был скрыт. Только много позже, уже в десятилетия XX века он разъяснялся в указах Правительствующего сената.

Закон предусматривал возможность переселения оказавшихся излишними мастеровых на свободные казенные земли при содействии правительства.

14 февраля 1863 года губернское по крестьянским делам присутствие в связи с ходатайствами о переселении, поступившими от мастеровых многих заводов, рассмотрело общий вопрос о переселении. Оно поручило мировым посредникам, «секретно и отнюдь не оглашая» («дабы не возбудить в народе желания к выселению, которое при настоящем напряжении умов мастеровых следует сдерживать»), выяснить, есть ли желающие переселиться мастеровые закрытых и предполагаемых к закрытию заводов. Тем самым применение закона ограничивалось: закон предусматривал и заводы, сократившие действие, а губернское присутствие обходило это молчанием.

В случае, если желающие переселиться окажутся, мировым посредникам надлежало выяснить, «может ли быть предоставлен им полный душевой надел из заводской дачи и согласен ли на то помещик». Этим обязательное наделение земель по крестьянской норме мастеровых даже закрытых заводов ставилось в зависимость от согласия помещика-заводовладельца. Если устроить мастеровых на землю ни в заводской даче, ни поблизости от нее нельзя, и переселение представляется необходимым, то мировой посредник обязывался выяснить, «в каком числе душ приблизительно, без вреда при том для горной промышленности»⁷⁴. Практически это означало, что мировые посредники должны были запрашивать заводоуправление о согласии от-

пустить с места жительства даже не работающих у них мастеровых.

К июлю 1867 года из Пермской губернии переселилось всего 16 партий мастеровых частных горных заводов — 1990 душ мужского пола⁷⁵. Это ничтожная доля людей, оставшихся без работы и желавших выехать на новые места.

Наконец, на всем протяжении шестидесятих годов, да и позже, в семидесятых, в Пермской губернии не произошло ни одного случая наделения мастеровых закрытых или сокративших производство заводов землей по закону 3 декабря 1862 года, хотя таких заводов были десятки. Эта мера, гарантированная мастеровым верховной властью, не была применена.

Своекорыстие помещиков-заводовладельцев было достаточно хорошо известно пермским чиновникам. Среди них находились люди, стремившиеся исполнять закон, не считаясь с чрезмерными, притязаниями заводчиков.

В делах губернского по крестьянским делам присутствия сохранился любопытный документ — «Мысли для привлечения заводчиков к заботам обо всем заводском населении». На нем пометка, *что записка эта* передана бывшим членом присутствия: И. М. Земленицыным, и дата — 8 марта 1863 года. Автор записки говорит о законе 3 декабря 1862 года и предупреждает: «Казалось бы, так благотельный и специальный закон должен бы заставить заводчиков, чтобы они позаботились об устройстве участи людей, которые прежде для них же несли тяжелые труды. Но, без сомнения, найдутся заводчики, которые не захотят пачать воли и желания правительства». Предуготворительный чиновник говорил о необходимости пояснения некоторых статей закона и предлагал «в предупреждение, чтобы заводчики не пользовались льготами неправильно», предоставлять им льготы не прежде, чем они дадут обязательство исполнять требования закона, особенно — предупреждать за год о сокращении или полном прекращении заводского действия⁷⁶.

Предложение не было принято, и все вышло так, как автор предугадывал: льготы заводчиков получили, а обращенные к ним требования закона и не подумали выполнять.

Много позже, в начале XX века, член совета министра внутренних дел Г. Г. Савич, ревизовавший крестьянские учреждения Пермской губернии, писал, что закон 3 декабря 1862 года «не был вовсе усвоен губернским по крестьянским делам присутствием» и что «это неразумие закона со стороны высшего к

губернии учреждения по крестьянским делам имело тяжелые практические последствия — в смысле полного лишения установленных законом мер действительного для жизни значения»⁷⁷.

Сказано несколько витиевато, но в основном правильно.

А как только минула острота момента, закон 3 декабря 1862 года начал подвергаться нападкам.

Вопрос о нем возник в 1865 году при подготовке нового Горного устава. Включать ли положения этого закона в устав, как включались многие другие законоположения прошедших лет?

Некоторые горнозаводчики не только протестовали против этого, но и поставили вопрос об отмене закона 3 декабря 1862 года вообще. При обсуждении проекта Горного устава в комиссии для пересмотра системы податей и сборов член-эксперт комиссии, оренбургский заводовладелец В. А. Пашков, подал особое мнение, в котором подверг закон критике. Он находил, что обязательство обеспечить земельным наделом рабочих завода при сокращении или прекращении заводского действия несправедливо в отношении заводчиков. «Нельзя не видеть в этом обязательного для заводчика выкупа признанного за мастеровыми права на работу, права, не обусловленного в свою очередь никакой лежащей на них обязанностью, и, следовательно, явно несправедливого правах. Указывая на практические трудности наделения мастеровых земель по атому закону, трудности, которые будут плодить «столкновения и неудовольствия, Пашков утверждал: «Едва ли этим мерам суждено будет когда-либо быть осуществленными»⁷⁸. Это было не столько предвидение, сколько объявление намерений горнозаводчиков.

Пашкова поддержал своим особым мнением другой член-эксперт податной комиссии — С. И. Мальцев, владелец Мальцевского горнозаводского округа в Брянском уезде Орловской губернии. Он откровенно писал, что закон 3 декабря 1862 года вызван лишь «желанием предупредить народные волнения и беспорядки» и, когда опасность их миновала, стал мерой не только ненужной, а и вредной⁷⁹.

Закон не был отменен. Но он не был и применен.

ПЕРМСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Не надо удивляться судьбе закона 3 декабря 1862 года. И другие законы, связанные с реформой, исполнялись лишь по-

стольку, поскольку на то было желание уральских помещиков-горнозаводчиков. Происходило так потому, что губернская администрация во главе с губернатором служила не столько закону, созданному помещиками как классом, сколько отдельным крупным помещикам-заводовладельцам, фактическим хозяевам губернии.

Военным губернатором, управляющим и гражданской частью и возглавлявшим губернское по крестьянским делам присутствие, в Перми во время реформы (в 1860—1865 годах) был генерал-майор Александр Григорьевич Лашкарев. Герцен в «Колоколе» за 22 мая 1862 года, в примечании к корреспонденции «Ссечение и убийство крестьян в Пермской губернии», писал о нем так: «Этот Лашкарев — ханжа, известный «Колоколу», один из самых вреднейших губернаторов, безумное самоуправство его переходит далеко общий губернаторский уровень»⁸⁰. Сообщив в следующем номере «Колокола» (за 1 июня) факт, уличавший Лашкарева в элементарной нечестности, которая привела к самоубийству одного из чиновников, А. И. Герцен обратился к министру внутренних дел с упреком: «Г. Валуев, ей-богу стыдно держать таких губернаторов»⁸¹. Но Валуев, несомненно, читавший «Колокол», не внял упреку, так как несколько иначе оценивал Лашкарева на общем губернаторском фоне. В его дневнике сохранилась такая запись за 13 июля 1862 года: «У меня были разные лица, между прочим пермский губернатор Лашкарев, один из несноснейших и пустейших губернаторов, а таких, увы, не мало»⁸².

Этот бездарный, но ретивый и ничем не смущавшийся губернатор, пустой фанфарон в генеральской форме, как раз и устраивал горнозаводчиков. Они знали, что любое их обращение к губернским властям будет принято с величайшим вниманием и исполнено с рвением.

Такое положение пермской администрации вызывало тревогу даже в некоторых звеньях правительственного аппарата, озабоченных поддержанием спокойствия в стране. В 1865 году офицер корпуса жандармов в секретном донесении в III отделение собственной его величества канцелярии писал: «Пермские губернаторы больше могут называться поверенными или управляющими своих патронов-помещиков, управляющими губернией исключительно в их интересах и видах, чем агентами своего государя и правительства»⁸³.

Однако, когда в 1864 году началось утверждение выкупных

сделок, машина губернской администрации не сработала достаточно четко.

Лашкарев не видел никаких оснований не утверждать выкупные сделки, поскольку уставные грамоты (вопреки заключению ревизовавшего в 1863 году их введение чиновника министерства внутренних дел Мордвинова) считались составленными правильно. Большинство членов губернского по крестьянским делам присутствия придерживалось этой же точки зрения и вообще покорно следовало за губернатором. Нашлись, однако, два честных чиновника, которые руководствовались служебным долгом и законом, а не стремлением угодить сиятельному горнозаводчикам и губернатору. Это были полковник Александр Иванович Антипов, представлявший в присутствии горное ведомство, и Павел Тихонович Лыкин, представлявший удельное ведомство. Они достаточно решительно заявили, что выкупные сделки ненадежны, так как сельские общества образованы непомерно большие, уставные грамоты составлены неправильно, что не гарантирует поступления выкупных платежей и может повести к ущербу для казны: казна выдаст помещику ссуду в размере 80 процентов выкупной суммы, а собрать денег с крестьян, не получивших точно отграниченного надела, не сможет, — убедительное свидетельство чему — массовый отказ крестьян Пермской губернии от уплаты оброка.

Антипов и ЛЫКИН настаивали на пересмотре состава обществ и уточнении наделов. В губернском по крестьянским делам присутствии они потерпели неудачу. Антипов обратился с запиской к министру внутренних дел Валуеву. Валуев запросил у губернского присутствия объяснения. Началось «Пермское дело» (так его называет Валуев в своем дневнике), дело весьма досадное и для титулованных уральских помещиков и для административного аппарата. Его постарались замять. Антипова и Лыкина устранили из губернского по крестьянским делам присутствия⁸⁴. Однако вмешалось министерство финансов, отвечавшее за выкупную операцию. По настоянию министра финансов М. Х. Рейтерна рассмотрение «Пермского дела» было перенесено из министерства внутренних дел в Главный комитет об устройстве сельского хозяйства.

В светском Петербурге нашлись люди, завидовавшие уральским магнатам и находившие, что они отхватывают чрезмерно большой кус от общего пирога. «До самого графа (Строганова. — Автор.), как он заявил потом официально, «доходили цир-

аудирующие по всему аристократическому Петербургу слухи», что «пермяки-помещики надули крестьян»⁸⁵.

Главный комитет об устройстве сельского состояния в конке 1864 года и начале 1865 года посвятил несколько своих заседаний «Пермскому делу». Нарушения закона в Пермской губернии были столь явными, что Валуеву, отстаивавшему позиции пермских помещиков и губернской администрации, пришлось нелегко. После заседания комитета 31 мая 1865 года он записал в дневнике: «Подобные заседания сильно подрывают здоровье»⁸⁶.

Но и большинство Главного комитета, учитывавшее интересы казны и государственного спокойствия, не хотело обидеть высокопоставленных помещиков. Было найдено компромиссное решение вопроса, сформулированное в пространных предложениях «Об уставных грамотах и выкупных актах по пермским имениям», которые получили 15 июня 1865 года «высочайшее утверждение»⁸⁷.

С губернатором-солдафоном Лашкаревым обошлись деликатно — перевели на службу в Петербург. На смену ему прислали Бернгарда Васильевича Струве.

Помещикам пришлось пойти на уступки. Не настойчивость нескольких честных чиновников и тем более не смена губернатора послужили тому основной причиной. Действовал более мощный фактор: крестьяне не платили. Недоимка по повинностям помещикам достигла в 1866 году в Пермской губернии 1,5 миллиона рублей, что составляло 154 процента годового оклада⁸⁸.

Граф Строганов в 1866 году совершил крутой поворот: дал своим доверенным в Пермском имении указание искать добровольного соглашения с крестьянами и идти во имя этого на увеличение надела и снижение оброчных, а следовательно, и выкупных платежей. Разумеется, это было сделано громко, и печать долго еще вспоминала «великодушный и беспримерный в истории крестьянского вопроса» благородный поступок «истинного аристократа», принявшего справедливое решение, хотя оно шло в ущерб его личным материальным интересам⁸⁹.

Благородство было вынужденным и расчетливым. Графу оказалось выгодно пойти на соглашение с крестьянами, гарантирующее ему немедленное получение от государства многомиллионной выкупной ссуды, а не ждать проблематичных платежей крестьян. Примеру С. Г. Строганова должны были последовать и другие помещики — Голицыны, Шуваловы, Лазаревы. В результате в Пермской губернии произошло существенное расши-

рение урезанных по уставным грамотам крестьянских наделов и уменьшение выкупных платежей 90. Но завершавшая реформу выкупная операция развернулась в Пермской губернии с большим запозданием — только со середины семидесятых годов⁹¹.

В шестидесятых годах волнения продолжались, и успокоение крестьян и мастеровых достигалось главным образом применением жестоких репрессий.

О новом губернаторе Струве говорили как о человеке мягком. Сын знаменитого астронома, он получил гражданское образование — кончил лицей — и состоял на гражданской службе. Правда, удача ему не сопутствовала. Служил он и в Иркутске при генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н. Н. Муравьеве, стал иркутским гражданским губернатором и через некоторое время вышел в отставку. Служил вице-губернатором и губернатором в Астрахани и вновь вышел в отставку⁹².

А тут назначение в Пермскую губернию, обширную и беспоконную. Видимо, считалось, что гражданский человек, правовед, умерит крайности и ликвидирует вопиющие беззакония, допускавшиеся Лашкаревым.

Так не получилось. Новый губернатор быстро проникся общим убеждением пермских чиновников, что население губернии «слишком опасно для правительства по склонности к бунтам и беспорядкам, по близкому соседству с Сибирью и поселенцами, по дикости нравов и грубости понятий»⁹³. А в апреле 1866 года прозвучал выстрел Д. В. Каракозова, и перепуганный Александр II в рескрипте от 13 мая в числе прочих подлежащих строгому преследованию преступлений назвал «возбуждение вражды против дворянства и вообще против землевладельцев»⁹⁴. Губернатор находился в постоянном страхе: а вдруг не доглядит и даст разгореться волнениям? Во избежание недогляда, он сосредоточил в своей канцелярии дела, которые по закону должны были решаться в других губернских учреждениях. Сам человек нерешительный, он стал опираться на людей, отличавшихся решительностью крайней. Такие нашлись прежде всего в полиции. Полиция пользовалась его неограниченным доверием. По первому же сигналу ей на помощь посылались войска, а иногда вместе с ними поспешал и сам губернатор.

Положение, сложившееся в Пермской губернии, стало смущать даже царское правительство.

В 1870 году в Пермь была назначена сенатская ревизия. Возглавил ее Павел Николаевич Клушнн, понаторевший в ревизи-

зиях сенатор, который был к тому же знаком с Пермью: в пятидесяти годах он недолго служил здесь губернатором. Ревизия продолжалась пять месяцев. Результаты ее поразили выдавших виды петербургских чиновников. Особенно возмутило их, что сведения об итогах ревизии проникли в печать. И кто разгласил их? Казалось бы, благонамереннейшие «Московские ведомости», которые редактировал верный и ревностный страж самодержавия М. Н. Катков. Газета посвятила в январе 1871 года две передовые статьи итогам пермской ревизии⁹⁵. Это был скандал. Профессор-литературовед, умеренный либерал А. В. Никитенко записал в своем дневнике 30 января 1871 года: «Большая конфузия в административной сфере по поводу напечатанных в «Московских ведомостях» статей о делах, чинившихся в Пермской губернии»⁹⁶.

Вслед за «Московскими ведомостями» о пермской ревизии заговорили и другие газеты, статья о ней появилась и в умеренно-либеральном журнале «Вестник Европы». Автор статьи, скрывшийся за инициалом «Ч.», назвал ее очень выразительно — «Дореформенная губерния»⁹⁷.

Картина вырисовывалась действительно ужасная.

«Тюрьмы и вообще все места заключения переполнены через край, так что пришлось для этой цели нанять частные дома», — сообщалось в «Вестнике Европы». «Заключение в тюрьме считалось в Пермской губернии нипочем», — замечали «Московские ведомости». Люди сидели месяцами и даже годами в ожидании не только следствия, но даже предварительного полицейского дознания. Сидели часто семьями, и по предложению губернаторши Анны Федоровны Струве был совершен акт особого попечения: арестантские дети отделены от родителей, с которыми они попали в тюрьму, и переведены в особое для них отделение (на 50 человек), что ограждало их от влияния «преступных родителей»⁹⁸.

За три года (1867—1869) в губернии было привлечено к следствию 65 785 человек. Из них 30 184 человека — почти половину — пришлось вовсе освободить от суда, 24 376 человек были «оставлены под подозрением», но за отсутствием сколько-нибудь достаточных улик не понесли наказания по суду, и лишь шестая часть обвиненных осуждена судом (данные «Московских ведомостей»).

Сечение розгами производилось в массовом порядке, часто без приговоров сельских судов, просто по предписанию исправника или другого полицейского чина.

Широко применялась высылка «вредных для общества людей» в Сибирь по приговорам сельских сходов, «продиктованным уездными и губернскими властями» (слова «Московских ведомостей»), а иногда и прямо в административном порядке. «За последние три года сослано в Сибирь порочных членов общества 2340 душ обоего пола, в том числе добровольно следовавших женщин и детей 874 души». Полиция проявляла особое внимание к дорожной повинности и питейным заведениям. Здесь можно было поживиться, сорвать взятку.

«Заботы полиции, — писали «Московские ведомости», — возбуждались также ходом дел на тех частных заводах, где дела были запутаны и с рабочими дурно рассчитывались. Вместо того, чтобы настаивать на удовлетворении законных требований и тем самым прекращать замешательства, полиция раздувала волнения и немилосердно карала мнимых бунтовщиков».

«Вестник Европы» также отмечал, что особыми симпатиями полиции пользовались частные заводы. «Полиция строго держалась правила: кто не люб заводу, тот значит вреден, или как подстрекатель, или как раскольник, или даже как возмутитель».

В этих условиях не могло быть и речи о добросовестном применении закона 3 декабря 1862 года.

Бернгард Васильевич Струве должен был еще до окончания ревизии, в октябре 1870 года, выйти в отставку. Вместе с семейством, в котором к тому времени появился еще один сын — Петр, он уехал в Петербург.

В начале восьмидесятых годов, в пору нового усиления реакции, Б. В. Струве делал попытки оправдаться ссылками на трудности реформы в Пермской губернии, которая, «как доказывает история, всегда представляла весьма восприимчивую почву для всех попыток к возбуждению внутренних неурядиц»⁹⁹. Но государственной службы ему больше не предлагали.

Что побудило в 1871 году реакционные «Московские ведомости» сетовать на «все ужасы и злодеяния, ставшие нормальным порядком» в Пермской губернии?

Иностранная хроника «Московских ведомостей» была заполнена в это время сообщениями из Франции. Военный разгром привел к крушению Второй империи. У власти встало временное правительство Тьера. Но и оно не могло справиться с положением. В Париже зрело возмущение рабочих масс. И газета ультра-реакционера Каткова делала из пермской ревизии вывод о необходимости иметь повсеместно в стране ответственную, даль-

новидную и находящуюся под постоянным контролем администрации. «Безответственность чиновников, — писала газета, — есть характеристическая особенность французских порядков. Всем известно, до чего она довела тамошнюю администрацию» (читай — империю Наполеона III), — таким многозначительным намеком заканчивали «Московские ведомости».

Умеренно-либеральный «Вестник Европы» интересовала иная сторона дела. В заключение статьи «Дореформенная губерния» констатировалось: «Это управление не могло не отразиться на хозяйственных условиях губернии». Обновления их не произошло. «Огромные дачи частных заводов, занимающие пространства сотни тысяч десятин, сосредоточивают горное дело в руках нескольких владельцев, задерживая правильное развитие промышленности, устраняя всякую возможность конкуренции и преграждая путь новым деятелям в то время, как огромные части тех дач лежат нетронутыми».

Умудренный опытом провинциальной жизни М. Е. Салтыков-Щедрин замечал в «Отечественных записках», что сенатские ревизии назначались в исключительных случаях, когда нельзя было скрыть, что в результате административного разгула «в какой-нибудь губернии жить делалось невозможно». Но он спрашивал: «Пермская губерния представляет ли исключение относительно незащищенности жизни, или ту же самую незащищенность можно встретить (если поискать прилежно) и в других однородных с нею местностях, как, например, в губерниях: Пензенской, Курской, Орловской, Калужской, Рязанской и т. д.»¹⁰⁰. Он видел, что крепостнические порядки живы во всей России.

Переполнение в шестидесятых годах пермских тюрем оказалось благоприятным для ссыльного революционера Василия Васильевича Берви (Н. Флеровского), которому в 1866 году разрешили вернуться из Сибири в Россию и поселиться в Вологде. Он вспоминал позже: «В Перми острог оказался до того переполненным, что нас куда-то было поместить, и нам дозволили нанять в городе частную квартиру. Дождаться отправки (пароходом. — Автор.) пришлось довольно долго, и мы успели отдохнуть»¹⁰¹. Впечатления, полученные им в Перми, а возможно, и кое-какие сведения, сообщенные пермскими знакомыми, помогли написанию одной из центральных глав его знаменитой книги «Положение рабочего класса в России» — главы «Горный рабочий», построенной целиком на материалах Пермской губернии.

Берви-Флеровский рисовал в своей книге невероятно тяже-

лое положение рабочих горных заводов и находил вполне естественным, что «пермский заводской работник ожесточен и склонен к беспорядкам». Он писал о чудовищном произволе чиновников, целая иерархия которых возвышается над трудовым народом. «Рабочий, над которым такая могучая организация, чувствует себя совершенно беззащитным». Он указывал на вред монополий в горном производстве, которые не дают развнаться производительным силам и держат рабочих в условиях, вызывающих чудовищно высокую смертность. Он делал вывод: «Спасти Россию от всех этих бедствий можно только передачей промыслов и заводов в руки заводских артелей», и находил, что рабочие готовы управлять производством¹⁰².

Он был во многом наивен, молодой русский социалист-утопист. Не так прост был путь к спасению России от бедствий, путь к коммунизму. Мучительны были самые поиски этого пути. Особенно на Урале. Уж очень тугой узел завязала здесь «великая» реформа шестидесятих годов.

*Земля — мать, подает
клад.*

Русская пословица

*В рабстве спасенное
Сердце свободное —
ЗОЛОТО, золото
Сердце народное.*

Н. Некрасов

В результате ревизии сенатора Клушина администрация в Пермской губернии была обновлена. Она стала несколько осторожнее.

И только. Противоречия, порожденные крепостническим характером буржуазной реформы, не были, да и не могли быть разрешены никакой сменой чиновников. Вершителями судеб горнозаводского Урала остались сиятельные помещики-заводовладельцы.

В условиях капиталистического развития страны быстро выявилась слабость возвращенной на крепостном труде и сохранившей многие пережитки прошлого горной промышленности Урала. Кризис ее, который назревал еще до реформы, стал в шестидесятых годах явным. Один за другим закрывались заводы, особенно медеплавильные.

Строгановские предприятия благополучно пережили потрясения этого кризиса.

Летом 1867 года Пермское нераздельное имение посетил крупный

русский экономист В. П. Безобразов. Он нашел, что строгановские заводы «в хозяйственном отношении стоят впереди всех частных заводов на Урале». Хотя «в чисто техническом отношении эти заводы и уступают некоторым другим», «о это «только вследствие крайней расчетливости, с которой вводятся здесь все технические усовершенствования, устраняется всякая заводская роскошь, к которую в промышленном отношении невозможно не одобрить». Строгановские заводы, отмечал академик, выдержали небывало тяжелый для уральской промышленности кризис, «значительно усилили свое производство и достигли даже удешевления заводской стоимости металлов, сравнительно с последними годами обязательного труда»¹.

Снижения себестоимости -Металлов при «крайней осторожности» в отношении технических усовершенствований удалось достигнуть за счет резкого сокращения числа рабочих в подсобных цехах и произведенного в 1862 году увеличения «уроков» (норм) при весьма сдержанном повышении заработной платы.

ЗАБОТЫ, ТРЕВОГИ, ХОДАТАЙСТВА, ТРЕБОВАНИЯ МАСТЕРОВЫХ

Население, зачисленное в общества мастеровых и юридически обезземеленное, было успокоено во время реформы льготами по закону 3 декабря 1862 года. Но льготному сроку подходил конец, цены на продукты росли, а заработки не повышались. Мысль мастеровых стала обращаться к земле.

Первыми на строгановских заводах начали хлопотать о ней очерцы. 12 ноября 1867 года, собравшись на сход, они, как говорится в приговоре, «обсуждали, как нам с семействами прочнее обеспечить свою будущность, когда кончится 6-летняя льгота, и пришли к следующему заключению, что нам без собственных участков полевой земли трудно будет жить»². Составленная доверенными просьба к графу и графине получила категорический отказ³.

Доверенные мастеровых Н. И. Чудинов и А. Я. Чазов обратились в губернское по крестьянским делам присутствие. В прошении содержалась развернутая мотивировка ходатайства: «При этом имеем честь объяснить... что о наделении полевыми угодьями [вынуждают просить... следующие обстоятельства: во-1-х, значительное сокращение ныне, против прежних лет, в Очерском

заводе поденных, столярных, кузнечных и других работ и, напротив, увеличение народонаселения, которому без работы и без земли совершенно нечем питаться; во-2-х, также значительное сокращение заводских работ и на соседственных заводах других владельцев — Нытвенском и Юго-Камском, на которых мастеровые Очерских заводов могли бы приобретать вольные заработки (заработки на заводе своего помещика мастеровые, видимо, не считали вольными. — Автор.); в-3-х, приближается платеж казенных податей и государственных земских повинностей, так как шестилетняя льгота для мастеровых кончится с наступлением 1869 года; в-4-х, весьма скудные урожаи в здешней местности хлебов несколько лет сряду и дороговизна оного и всех вообще жизненных продуктов; и в-5-х, что остающиеся без работы мастеровые Очерского завода и не пользующиеся поэтому от помещицы полевыми земельными угодьями доходят ныне до 1/3 всего населения, от которых нельзя ожидать в будущем исправной уплаты подушной подати»⁴.

2 июля 1868 года губернское по крестьянским делам присутствие рассмотрело прошение и ответило очерским мастеровым отказом в каком-либо содействии, заявив, что мастеровые, «отказавшись от надела... навсегда потеряли право на содействие правительства в приобретении в собственность земельных угодий посредством выкупа»⁵.

Губернское по крестьянским делам присутствие лгало: закон 3 декабря 1862 года давал ему основания оказать помощь очерским мастеровым.

Весной 1871 года Очерское окружное правление произвело широкую замену и урезку предоставляемых мастеровым покоев. Волостное правление в письме управляющему Очерским округом сообщало, что мастеровые требуют вместо отнятых земель повышения заработной платы. Рабочие в данном случае не настаивали на земле, они хотели любым способом сохранить свой жизненный уровень, и так весьма скромный⁶.

А положение становилось все более тяжелым.

На кричных фабриках Очерского завода ввели, без какого-либо повышения заработной платы, выковку более трудоемких легковесных кричных кусков и усилили их браковку. Начался постеленный пересмотр в сторону увеличения уроков «на других фабриках. Высказываясь по поводу возможности дальнейшего понижения заработной платы, один из членов главного управления Пермского имения Строгановых писал, что «убавка

заработной платы может иметь последствием понижение и без того весьма и весьма невысокого физического, умственного и нравственного развития рабочих и вместе с тем понижение заводской производительности»⁷.

Очерские и павловские мастеровые стали настойчивее требовать повышения расценок и переходить к стачечной борьбе.

14 марта 1873 года кричные рабочие Очерского завода отказались выковывать по существующим расценкам дощатое и полосовое железо и пытались начать стачку. Она была сорвана: зачинщиков уволили, а для успокоения остальных фабрику перевели на выделку лучше оплачиваемых сортов железа. В апреле доверенные кричных мастеровых Андрей Скорынин и Михаил Бессонов подали новое прошение об увеличении платы за изготовление дощатого и полосового железа — на этот раз главному управляющему Пермским именованием. В мае 1873 года расценки были многоповышены⁸.

Мастеровые Павловского завода еще в августе 1872 года стали просить о повышении платы за выделку кровельного железа, то есть на основной для завода работе. Они повторяли свою просьбу несколько раз. Очерское правление успокаивало их обещанием составить и внести на утверждение графа новый «штат», то есть новые уроки и платы. Они разрабатывались, конечно, без какого-либо участия мастеровых⁹. Соблюдая хозяйский интерес, очерская администрация увеличила уроки (нормы) на более широком круге работ, чем платы (расценки). В результате на выделке некоторых сортов железа произошло не повышение, а понижение заработков, в чем мастеровые убедились при получении первых же расчетов по утвержденным графом новым «штатам». Больше пострадали рабочие плющильного цеха. Их недовольство поддержали и другие¹⁰.

На пасхе в Павловском заводе были сходки. Мастеровые решили подать через доверенных прошение главному управляющему округом П. Я. Бушуеву и объявить ему, что прекратят работу, если тот «не сойдется с ними в платах добровольно». Бушуев, вместо спокойного разговора с мастеровыми, «стал, — как они рассказывали позже, — нас страшить, что отберет от нас пашни и покосы, не будет отпускать лес даром», словом, указал в самой грубой форме на зависимость мастеровых от помещика-заводовладельца.

8 апреля 1874 года никто из рабочих плющильного и катального цехов на работу не вышел.

Мастеровые держались решительно. «С особенной силой они нападали на то, что новый штат составлен без их согласия». Они собирались на сходы и вырабатывали общие требования. Для того чтобы забастовка была дружной, они на одном из первых сходов решили помогать бедным и большесемейным работникам пособиями за счет общества от двух до трех рублей в неделю. Бушуев начал сдавать в аренду соседним крестьянам покосы, которыми пользовались мастеровые. Вместе с тем он, с согласия приехавшего в Очер члена главного управления Н. А. Рогова, пошел на некоторые уступки, и 26 апреля работы в основных цехах Павловского завода возобновились. Забастовка закончилась частичной победой рабочих¹¹.

Земля, оставшаяся на огромных пространствах вокруг заводов в собственности и в полном распоряжении помещика-заводовладельца, служила постоянным средством давления на мастеровых.

При переходе от крепостного к вольному труду следовало установить договорные отношения между работодателями и рабочими. Но договоры найма заключались в редких случаях. Мастеровые уклонялись от их подписания, справедливо усматривая в предлагаемых им заводоуправлениями пространных документах новую кабалу.

Заводоуправления же были заинтересованы в том, чтобы зафиксировать обязательства рабочих. Нашелся выход: заносить их в правила работы мастеровых и печатать в расчетных книжках. Правда, мастеровые на многих заводах отказывались принимать и расчетные книжки, но это уже не важно: правила объявлены, ты на заводе работаешь, значит, ты их принял.

В 1874 году были отпечатаны типографским способом «Правила работы мастеровых и перечень мер взыскания за проступки, совершаемые во время работы на Павловском заводе». Они начинались следующим заявлением: «Мастеровые Павловского завода, желающие пользоваться бесплатно до 1881 года лесным довольствием в указанном в уставной грамоте размере и отведенными в последнее время пашнями и покосами, должны исполнять следующее».

Дальше следовали 23 правила, сгруппированные в три раздела: «О выходе мастеровых на работу», «Об ответственности за неисправное выполнение работ» и «Об ответственности за повреждение машин». О какой-либо ответственности и обязанностях заводской и вотчинной администрации — ни слова.

В пункте 1-м говорилось: «Мастеровые в возрасте с 18 до 53 лет обязаны отрабатывать на заводе не менее 200 рабочих дней в году; не исполнившие этого ограничиваются по усмотрению заводского начальства в бесплатном пользовании пособиями (то есть пашнями, покосами и лесным довольствием. — Автор.), а неработающие вовсе лишаются этих пособий».

Что касается платы за работу, то о ней говорилось в пункте 7-м так: «Платы за работы и вычеты за нарушения по работам показаны в штатном положении и приложении к нему, которым мастеровые обязаны подчиняться»¹².

Естественно, что после объявления этих «Правил» павловские мастеровые начали хлопотать о земле. 13 октября 1874 года они приговором своего схода уполномочили на это Фрола Каменских и Льва Шелепова. Уполномоченные жаловались на трудности существования мастеровых в условиях далеко не полной занятости на заводе и просили главное управление исходатайствовать у графа земли, чтобы дать возможность необеспеченным заводским заработком людям «пристроиться к домохозяйственной постоянной жизни»¹³.

Прошение пошло на отзыв в Очерское окружное правление. А оно сочло и занятость мастеровых на заводе, и размеры предоставляемой им земли достаточными. Об отводе какой-либо земли мастеровым в постоянное пользование, по мнению окружного правления, «не может быть и речи»¹⁴. О законе 3 декабря 1862 года, который давал основание павловским мастеровым не просить, а требовать земли, — ни слова.

От земельных ходатайств мастеровых администрация строгоновского имения отписывалась в это время легко. Больше тревожили забастовки.

Грозной оказалась стачка кричных рабочих Очерского завода, разразившаяся весной 1875 года.

В это время обе кричные фабрики Очерского завода были переведены на выковку сутунки, расценка на которую оказалась для рабочих невыгодной. 10 марта кричные мастеровые забастовали, а 11 марта подали управляющему заводом и округом П. Я. Бушуеву заявление об условиях, на которых согласны работать. Управляющий считал, что мастеровые были «подстрекаемы главнейше своими доверенными Федором Мокрушиным и Михаилом Бессоновым». 2 апреля управляющий округом доносил главному управлению, что мастеровые «продолжают упорствовать в выходе на работы дляковки кричных кусков». Он

стал опасаться, как бы «с открытием навигации мастеровые не разошлись на другие заводы» и не пришлось из-за отсутствия сутунки остановить сварочно-катальную фабрику¹⁵. От павловских мастеровых тоже стали поступать «заявления о прибавке плат и разные претензии». Они спрашивали, в частности, как им будут платить, если завод остановится не по их вине (из-за отсутствия металла, который доставлялся из Очеры)¹⁶.

Бушуев вновь угрожал рабочим лишить их сенокосных и пахотных земель и прекратить отпуск леса. Вместе с тем он предложил кричным мастеровым возобновить изготовление тех сортов железа, расценки на которые они считали приемлемыми. На сходе это предложение было с возмущением отклонено. Кричные мастеровые начали сдавать инструмент, демонстрируя тем самым свою решимость продолжать стачку. Администрация была вынуждена пойти на уступки. 30 апреля, после продолжавшейся семь недель забастовки, работа в кричных фабриках Очерского завода возобновилась¹⁷.

Спокойствие в округе оказалось недолгим. 26 июля доверенные от общества мастеровых Павловского завода Петр Ефимович Чазов и Василий Ильич Чазов подали заявление управляющему округом о повышении плат. Управляющий отговаривался ссылками на ранее сделанную прибавку. Завод вскоре встал на обычный сенокосный перерыв. Вопрос оставался нерешенным. А 12 августа 1875 года, когда Павловский завод пускался в действие, рабочие плющильного цеха не вышли на работу. Рабочие катального цеха их не поддержали. Забастовка, продолжавшаяся почти месяц — до 9 сентября 1875 года, кончилась поражением рабочих¹⁸.

Очерские мастеровые постепенно накапливали опыт стачечной борьбы. Дело не только в успехе некоторых стачек. Рабочие стали приглядываться к борьбе, которую вели их товарищи на других заводах. 11—18 ноября 1874 года бастовали кричные мастеровые Добрянского завода, и некоторый их успех подтолкнул очерских кричных мастеровых в начале следующего года заявить администрации свои требования. А после продолжительной и успешной стачки кричных мастеровых Очеры бастовали в мае 1875 года (с 18-го по 20-е) рабочие пудлингового цеха Добрянского завода. В заявлениях рабочих стали появляться ссылки на уроки и платы, существующие на других заводах.

В семидесятых годах в Очерском округе борьба за наделение землей переплеталась со стачечной борьбой за повышение

заработной платы, причем эта последняя выдвинулась на первый план. Мастерские выступали преимущественно с чисто пролетарскими требованиями и прибегали к пролетарской форме сопротивления эксплуататорам.

Экономическая обстановка семидесятых годов этому благоприятствовала. В стране увеличивался спрос на кровельное железо, на толстый железный лист (кубовое железо), на чугунное литье. На юге металлургия еще не развернулась, и в семидесятых годах удельный вес Урала в производстве чугуна и железа даже несколько повысился. В 1874 году главное управление Пермского имения, представляя графу на утверждение новые платы рабочим за дощатое и полосовое железо, писало, что платы следует повысить ввиду «большого спроса на рабочих листокального производства на сторонние заводы» для «предупреждения перехода мастерских» к другим заводоладельцам¹⁹. В 1875 году главное управление предписало заводоуправлениям умеренными уступками предупреждать возникновение новых стачек²⁰. Вот до чего доходило дело!

ВРЕМЕННООБЯЗАННЫЕ НАВЕЧНО

В восьмидесятых и особенно в девяностых годах темпы роста уральской черной металлургии повысились. Однако доля ее в общероссийском производстве металла стала быстро падать, так как стремительно росла металлургия на юге страны. При этом рост производства на Урале происходил за счет небольшой группы реконструируемых и новых (Чусовской, Надеждинский) заводов. Из строгановских предприятий в эту группу вошел только Добрянский завод, на котором появились мартеновские печи и новое прокатное оборудование. Небольшие металлургические заводы свертывались, не выдерживая конкуренции с дешевым южным металлом. Росла безработица.

На Очерском заводе в конце семидесятых годов малопродуктивный способ передела чугуна на железо в кричных горнах был потеснен более производительным пудлингованием. Потребность в рабочих сократилась. Администрация ввела работу на три смены, а это повлекло понижение заработной платы: расценки были сдельными — с пуда железа.

Усилились прижимки с землей и лесом. В конце семидесятых годов в кругу строгановской администрации обсуждался путем

конфиденциальной переписки вопрос о том, как бы перевести мастеровых с «бесплатного» отпуска лесных материалов на отпуск по обычной таксе и с «бесплатного» предоставления сенокосов на аренду. Было решено действовать с осторожной постепенностью: постоянно и с усердием работающим мастеровым отпускать лес по-прежнему бесплатно, другим, занятым на заводах, — по пониженной таксе и лишь порвавшим с заводами — по полной таксе; с переводом же сенокосов на аренду вообще повременить до тех пор, пока мастеровые не будут приучены платить за лес¹. И постепенно мастеровых приучали платить за дрова, за строевой лес, сначала за тот, что отпускается сверх положенного, потом, по пониженной таксе, за всякий лес. Землю же отбирали, как только человек переставал работать на заводе. Все это вновь и вновь выдвигало вопрос о земле.

В 1881 году очерские мастеровые решились обратиться со своими нуждами к губернатору. Их доверенный Алексей Степанович Пашихин писал, что при введении уставной грамоты «мастеровые почти все постоянно были в заводских работах, а потому не имели надобности ни в каком другом промысле, кроме работ при заводе», теперь же «вопреки надежде мастеровых... в заводских работах обращается... только третья часть всего населения мастеровых, а остальная по излишеству занимается разными вольными работами и имеет необходимую надобность в хлебопашестве». Доверенный просил губернатора «исходатайствовать где следует... надел земельных угодий, по крайней мере по 3 десятины на ревизскую душу»¹².

В то же время очерцы и павловцы, вместе, через своих доверенных Чазова и Верецагина, ходатайствовали перед графом об отводе дополнительных усадеб в дар и полевой земли на выкуп. Граф 30 сентября 1882 года ответил отказом, заявив: «По закону о майорате отчуждать землю я не имею права, да и надобности в этом не вижу, в интересах же мастеровых, из которых работающие на заводе пользуются ныне землей бесплатно, при наделении же землею и выкупе оной должны были бы внести правительству выкупные платежи»²³.

Кто-то навел павловских мастеровых на мысль, что земля может быть получена по закону 3 декабря 1862 года. Они стали ходатайствовать перед губернскими властями о наделении землей на основании этого закона.

27 июня 1883 года губернское по крестьянским делам присутствие признало, что закон 3 декабря 1862 года к мастеровым

Паловского завода не может быть применен, поскольку, по сведениям, собранным неперменным членом Оханского уездного присутствия, на Павловском заводе сокращения заводского действия не произошло²¹.

В 1855 году мастеровые Очерского завода вновь просили графа Строганова через своих доверенных Афанасия Федоровича Бушуева и Федора Александровича Мокрушина о наделении землей. Ответа на это прошение попросту не последовало²⁵.

В 1888 году очерские мастеровые повторили свою просьбу. «В настоящее время, — писали их доверенные, — каждым из мастеровых, работающим на заводе, средним числом получается от 5 до 15 рублей в месяц, находясь при этом на работе в месяц до 2 недель, заработка эта далеко не обеспечивает существование занятых в заводе мастеровых, не говоря уже о неработающих»²⁶. Доверенные очерских мастеровых просили полного надела — по 6 десятин на наличную душу в собственность за выкуп при содействии правительства, причем ссылались на циркуляр министерства внутренних дел от 13 мая 1858 года. Об этом циркуляре, его любопытном происхождении и судьбе ходатайства очерцев следует сказать чуть подробнее.

28 декабря 1881 года недавно вступивший на престол император Александр III подписал указ сенату об обязательном выкупе наделов. Все бывшие помещичьи крестьяне с 1 января 1883 года причислялись к разряду крестьян-собственников. Александр III ссылаясь в указе на волю родителя своего, который, «освобождая бывших помещичьих крестьян от крепостной зависимости и устанавливая обязательные, в смысле переходной меры, поземельные отношения их к помещикам, имел в виду, что отношения сии должны со временем прекратиться», и заявлял, что сам он считает «по завету и примеру незабвенного родителя нашего священным долгом заботиться о благосостоянии наших верноподданных всякого звания и состояния»²⁷. Через двадцать лет после манифеста 19 февраля 1861 года появилась видимость завершения реформы.

«Всякого звания и состояния», — говорилось в указе, как и в манифесте 19 февраля 1861 года. Значит, император заботится и о мастеровых!»

Указ вызвал волну их ходатайств о наделении землей. Под напором снизу Пермское губернское по крестьянским делам присутствие на заседании 25 февраля 1882 года сочло, что «дальнейшее оставление в обязательных отношениях горнозаводских

мастеровых из крепостных людей несообразно с высочайшею волею государя императора, выраженною в указе», и обратилось к министерству внутренних дел с запросом — не следует ли временнообязанных мастеровых Пермской губернии с 1 января 1883 года причислить к разряду крестьян-собственников и совершить выкуп всех состоящих в пользовании этих людей земель с пособием от правительства»²⁸.

Министерство внутренних дел запросило мнения министерства финансов и министерства земледелия и государственных имуществ. Началась переписка. Были затребованы сведения с мест. Возник вопрос — о каких наделах может идти речь? О переданных мастеровым по уставным грамотам? Но они ничтожны, сводятся к усадьбам и покосам и не обеспечивают исправной уплаты государству выкупных платежей. О таких наделах, которые обеспечивали бы выполнение обязательств по выкупу? Но разве можно принудить заводовладельцев дать такие наделы? Министерство финансов высказалось категорически против применения к мастеровым указа 28 декабря 1881 года²⁹.

И через шесть лет после запроса в Пермь пришел циркуляр министерства внутренних дел от 13 мая 1888 года, в котором утверждалось, что положение 28 декабря 1881 года об обязательном выкупе наделов на мастеровых частных горных заводов распространено быть не может. «Содействие правительства в выкупе наделов возможно и желательно только тогда, когда с ходатайством об этом обратятся обе стороны, при действии ли завода или при его закрытии, безразлично»³⁰. Таким образом, согласие владельца завода ставилось непременным условием выхода мастеровых из обязательных к нему отношений.

Очерские мастеровые сделали попытку использовать даже и эту небольшую возможность. Через своих доверенных М. А. Бояршинова, А. Ф. Бушуева и других они, сославшись на циркуляр от 13 мая 1888 года, обратились с ходатайством к графу С. А. Строганову о наделении их землей из расчета по 6 десятин на наличную душу, с тем чтобы произвести выкуп этой земли при содействии правительства³¹. Граф не ответил. Тогда доверенные решили обратиться за содействием в министерство внутренних дел, от которого исходил циркуляр.

На их просьбу, посланную уже в 1889 году, товарищ министра внутренних дел Плеве ответил 15 июня того же года письмом пермскому губернатору, содержащим краткое разъяснение: «Так как на точном основании вышеназванного циркуляра ми-

нистерства внутренних дел предоставление на выкуп земель зависит от доброй воли владельца земли, как ее собственника, то по настоящему предмету никакого содействия со стороны министерства оказано быть не может, о чем имею честь покорнейше просить ваше превосходительство приказать объявить просителям»³².

Вот так и дошло до очерских мастеровых царское попечение о «верноподданных всякого звания и состояния». Царем и богом над ними оставался по-прежнему сиятельный заводовладелец.

Через несколько лет, в 1895 году, министерство внутренних дел запросило губернаторов, каковы результаты применения его циркуляра от 13 мая 1888 года.

Пермский губернатор отвечал, что циркуляр был применен только в некоторых заводах, совсем прекративших свое действие, и что «желание населения получить и приобрести в собственность земельный надел... встречалось заводууправлениями не сочувственно»³³.

ПОЗИЦИЯ ГРАФА С. А. СТРОГАНОВА И ПЕРМСКИЕ ВЛАСТИ

Единственным оставшимся у мастеровых частных заводов способом получить землю и порвать полукрепостнические «обязательные отношения» могло служить применение закона 3 декабря 1862 года.

Но ходатайства о его применении наталкивались на упорное сопротивление помещиков-заводовладельцев и государственного аппарата помещицкой России.

Позиция, которую занимал в этом вопросе в восьмидесятых и девяностых годах новый владелец Пермского майоратного имения граф Сергей Александрович Строганов, достаточно характерна для всех магнатов уральской горной промышленности.

Два слова об этом новом владельце.

Его готовили к тому, чтобы достойно продолжить дело знаменитых предков, так же, как готовят наследника-цесаревича вступить на престол. Он получил юридическое образование и имел степень кандидата юридических наук. Он приучался вникать в государственные дела и в молодые годы делал политические заметки, свидетельствующие о строго консервативном направлении его мысли (заметки эти сохранились в Строгановском

архиве). Дед посылал его в Пермское имение практически знакомиться с делами. Кроме того, разумеется, — светское воспитание в кругу близких к императорскому трону людей, приучавшее молодого наследника строгановских богатств чувствовать себя столпом империи, опорой государя и смотреть на всех прочих, сверху вниз.

Как и дед, Сергей Александрович стремился выглядеть человеком высоких принципов. Защищая свои материальные интересы, он всегда ссылаясь на обязанности дворянина поддерживать порядок в государстве и воспитывать людей в покорности закону и монарху.

Это отвечало духу времени. Волна революционного прилива, поднявшаяся в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов, была отбита силами крепостнической реакции. Помещичья монархия Александра III стала энергично укреплять позиции землевладельческого дворянства и возрождать дореформенные порядки. В речи к волостным старшинам, представлявшим на его коронации многомиллионное крестьянство, Александр III потребовал строгого соблюдения сословной иерархии, произнеся ставшие знаменитыми слова: «Слушайтесь ваших предводителей дворянства».

Признанным вождем реакции выступил воспитатель нового императора обер-прокурор святейшего синода К. П. Победоносцев. Ярый противник реформ шестидесятых годов, злобный враг свободы, гласности и печати, поборник монархического и строго-сословного строя, он вдохновил Александра III и его ближайшее окружение на серию контрреформ. Она началась с Положением об усиленной и чрезвычайной охране», которое предоставляло губернаторам огромные права для борьбы с крамолой, включала новый закон о печати, новое положение о земстве (которое ставило земские учреждения в полную зависимость от дворянства и местных правительственных властей), положение о земских начальниках и закончилась уже в 1893 году законами, укреплявшими власть общины над личностью крестьянина.

Мрачная, казалось, даже беспросветная пора. Отчаяние закрадывалось в души многих интеллигентов, еще недавно веривших в светлое будущее России. Одни из них обратились к малым делам на ниве просвещения и здравоохранения, чтобы хоть ими служить народу. Другие, покорно следуя велениям времени, быстро привыкали жить «применительно к подлости».

В этих условиях граф С. А. Строганов самую постановку

вопроса о наделении мастеровых земель расценивал как потрясение основ.

Оставим на время Очерский округ и перенесемся в Билимбаевский (того же Пермского имения), откуда в Очер поступал чугун. Ходатайства билимбаевских мастеровых о земле несколько раньше вызвали принципиальные декларации графа.

В первые годы после реформы жизнь в Билимбае шла более или менее благополучно. Население, записанное в мастеровые, но далеко не полностью занятое в заводских цехах, зарабатывало на постройке барж для сплава по Чусовой, на перевозке грузов по Сибирскому тракту, который проходил вблизи поселка. С постройкой Уральской горнозаводской дороги (она была открыта на всем протяжении в 1879 году) значение Чусовой и Сибирского тракта как грузовых магистралей стало быстро падать. Заработки билимбаевцев сократились. Завод не рос. Многие мастеровые остались совсем без дела.

В 1884 году доверенные мастеровых Билимбаевской волости обратились к пермскому губернатору с просьбой о помощи.

В волости насчитывалось в это время 3277 душ мужского населения, из них 2446 в возрасте от 12 до 65 лет, «то есть годные к работе», а заводу нужно было 1719 человек, но не на полную работу, на полную же — 1000 человек.

Сторонних заработков после проведения железной дороги почти не стало. Ехать в другие места, например на золотые прииски, трудно, и работа на стороне далеко не всегда приносит доход, которым можно хоть сколько-нибудь обеспечить семью. «Прежде чем отправиться на заработки, каждый попробует отбить у товарища работу, явившись в заводскую контору с заявлением об убавке платы за ту работу. Вследствие такой конкуренции цены на работу в Билимбаевском заводе стоят весьма ничтожные и в последнее десятилетие нисколько не увеличились, несмотря на вздорожание хлеба и других жизненных продуктов. Из существующих сведений видно, что в 1870 году пуд ржакон муки стоил 45 копеек, а ныне до 1 рубля 50 копеек».

«В последнее время прасолы не стали давать в долг; тогда само заводоуправление заступило место прасола и отпускает хлеб в долг довольно свободно, через это рабочие вошли в неплатные долги перед заводоуправлением, работают за всякую предложенную, хотя бы низкую, цену; словом, безысходно ставят себя в то же крепостное состояние, из которого волею в бозе почившего монарха недавно были освобождены».

«Из всего вышеизложенного извольте усмотреть, ваше превосходительство, — говорилось в заключение прошения, — положение жителей завода самое безвыходное: бедность, нищета, а отрада — слезы... 20 лет бьемся с нуждою, ходя с нею рука об руку; наконец бедность превозмогла, и доверители наши нашлись вынужденными ухватиться, как за якорь спасения, за хodataйство вашего превосходительства».

В самом конце прошения сделана еще приписка, уже без писарских витиеватостей:

«Цены на жизненные продукты вздорожали, нам уже не по силам. Наоборот, цены на работы совершенно унизились так, что кто получал 90 копеек, а в настоящее время 30 копеек.

Гибель наша неизбежна!!...»³⁴.

Такова была жизнь на старом уральском заводе, считавшемся, кстати, одним из благополучных и благоустроенных³⁵.

Жизнь заставляла билимбаевцев думать о земле. Они считали справедливым, чтобы землю дал владелец завода. «Этим граф Строганов исправил бы ту несправедливость, что при составлении уставной грамоты зачислил нас всех мастеровыми и никому не дал звания сельских работников», — писали они.

Добиться справедливого решения оказалось невозможным, несмотря на многократные обращения мастеровых к уездным и губернским властям, к председателю Государственного совета великому князю Михаилу Николаевичу, наконец, на «высочайшее имя», то есть к государю императору. Все (в их числе и министерство внутренних дел, к которому пошло обращение на «высочайшее имя») ссылались на волю графа Строганова. А он занял непримиримую позицию, обоснованию которой отвел большое место в письме пермскому губернатору от 28 октября 1884 года. Граф писал:

«Частный вопрос о наделении землею билимбаевских мастеровых должен быть рассмотрен не с одной только стороны экономического положения означенных мастеровых, но также и с принципиальной точки зрения значения в государстве права поземельной собственности и влияния на общественное понятие об этом праве постоянных переделов земли вопреки существующим законам.

С этой точки зрения я энергично поднимаю свой голос против предполагаемой меры, которая еще больше пошатнет сбивчивые понятия мастеровых о значении права поземельной собственности и утвердит в них убеждение, что земля, считающаяся

за помещиками, составляет собственность последних до тех только пор, пока мастеровые в ней не нуждаются».

Граф опасался, что пример билимбаевцев подтолкнет и мастеровых других заводов. Он видел уже признаки этого: «На принадлежащем мне Добрянском заводе мастеровые, подстрекаемые темными личностями, собирались (только собирались! — Автор.) подать прошение (только прошение! — Автор.) о наделении их земель сверх положенной уставными грамотами». «Не может подлежать сомнению, — запугивал он губернатора, — что весть о наделении землею билимбаевцев послужит сигналом к дальнейшим волнениям между мастеровыми прочих заводов»³⁶.

Позиция крупнейшего землевладельца губернии возымела действие на местные власти. 16 октября 1892 года губернатор, отклоняя очередное прошение билимбаевцев, предписывал екатеринбургскому исправнику: «В заключение прошу вас, милостивый государь, иметь наблюдение за деятельностью главного руководителя партии недовольных существующими порядками Терентия Семенова Митрофанова и в случае проявления им какого-либо подстрекательства к дальнейшему незаконному ходатайству донести мне для принятия соответственных обстоятельств дела мер»³⁷.

Не меньшее возмущение графа С. А. Строганова вызвали своим ходатайством о земле павловские мастеровые. В 1889 году они выбрали четырех доверенных, которым получили ходатайствовать о земле. Двое избранных, Михаил Верещагин и Андрей Бессонов, подали 24 марта 1890 года прошение губернатору, в котором рисовали тяжелое положение мастеровых. На работу попадает только четвертая часть желающих. «Оставшиеся без работ отыскивали работу на других заводах, продавали имущество, но, не найдя, возвращались разоренными». Доверенные вновь просили о шестидесятником земельном наделе³⁸.

Губернатор препроводил прошение непременно члену Оханского уездного по крестьянским делам присутствия для доствления сведений, необходимых при решении дела. Это стало известно графу Строганову, и он разразился письмом к пермскому губернатору, в котором со столичных высот разъяснил политику торжествующих крепостников и помещичьего государства.

«Реформы, предпринятые правительством в области местной администрации, — писал граф, — доказывают, что им признана необходимость положить конец той распущенности, которая про-

изошла от передачи власти выборным лицам и учреждениям. В среду мастеровых, более развитых по сравнению с крестьянами, еще скорее проникли и сильнее поддерживались те веяния, которым государю императору благоугодно было положить конец словами, обращенными к волостным старшинам во время священного коронования. А потому смею думать, что ваше превосходительство разделяете мое убеждение, что должен быть положен конец тем из претензий мастеровых, которые не подлежат удовлетворению»³⁹.

С кем вы, господин губернатор, — с верными слугами престола или с либералами? — так ставил вопрос граф Строганов.

Опасения графа относительно действий местной администрации были необоснованны. Рассматривавший ходатайство мастеровых неприменный член Оханского уездного присутствия оказался старательнейшим слугой графа. Его донесение губернатору по делу павловских мастеровых, поданное 17 сентября 1890 года, — образец лакейского усердия. Оказывается, он защищал интересы графа и до получения графского письма, и до подачи мастеровыми заявления губернатору.

Когда в 1889 году мастеровые избрали доверенных для ходатайствования земли, он пытался убедить их в незаконности такого ходатайства. Двое доверенных, писал он, «урезонившись данными мною... всем доверенным указаниями и разъяснениями законоположений, отказались от данного им доверия». Двое других, Бессонов и Верещагин, не отступились. Они, писал неприменный член, «в бытность мою в Павловском волостном правлении на предъявленные им вопросы и внушения отвечали неприличными выражениями, оскорбляющими самое место, власть и владельца, за что я вынужден был приказать старшине арестовать Бессонова для восстановления тишины и порядка, нарушенных им неистовым криком и позицией наступательного свойства, выражавшею внушительный протест на мои толкования закона и прав обоюдных отношений владельца и мастеровых».

Таким образом, неприменный член подкрепил свое толкование закона арестом осмелившегося не согласиться с ним мастерового. Несмотря на все старания чиновника-лакея, заявление было подано, губернские власти и даже сам граф им обеспокоены.

Пересланное ему губернатором ходатайство мастеровых неприменный член находил «неподлежащим даже рассмотрению. Он считал благосостояние павловских мастеровых вполне доста-

точным я даже излишним. «Население мастеровых Павловского завода, — писал этот не очень грамотный, но зато усердный чиновник, — всесторонне эксплуатирует избыточно для себя самый завод, а также и вотчину графа Строганова по всем отраслям производительности и имущественного ее богатства». Вот как! Не граф эксплуатирует своих мастеровых, не он пользуется богатствами своей вотчины, а мастеровые стали здесь эксплуататорами!

Усердный чиновник предлагал «уничтожить самый приговор-полномочия, а доверенным Верещагину и Бессонову, по неблагонадежности их, воспретить ходатайствовать по всем общественным делам», на будущее же позволять выборы доверенных только с разрешения непременного члена уездного присутствия⁴⁰.

25 сентября 1890 года мастеровым был объявлен отказ в их просьбе от 24 марта о наделении землей.

В 1897 году павловские мастеровые вновь обратились с прошением «об обеспечении их наделом или работами»⁴¹.

4 декабря 1900 года (то есть через три года!) земский начальник, ввиду необеспеченности работами возросшего числа мастеровых Павловского завода, признал их просьбу о земле подлежащей удовлетворению. Это решение было обжаловано доверенным заводовладельца в Оханский уездный съезд.

20 марта 1902 года (то есть через полтора года!) Оханский уездный съезд земских начальников, отметив, что «экономическое положение населения Павловского завода не имеет твердого основания», отклонил жалобу строгановского доверенного и утвердил постановление земского начальника. Это решение было обжаловано доверенным Строганова в губернское присутствие.

29 октября 1902 года Пермское губернское присутствие в порядке рассмотрения жалобы приняло свое постановление по делу павловских мастеровых. Оно признало, что закон 3 декабря 1862 года в данном случае не может быть применен, поскольку действие Павловского завода не сократилось⁴².

Таким образом, мастеровые Павловского завода три раза — в 1882, 1890 и 1897 годах — обращались к местным властям с ходатайствами о наделении их землей. Власти в лице губернского по крестьянским делам присутствия, а затем просто губернского присутствия столько же раз отвечали им отказом, находя неприменимым к этому случаю закон 3 декабря 1862 года «Об обеспечении горнозаводского населения частных горных заводов».

Павловские мастеровые решили обратиться в Правительствующий сенат.

Это было уже в новый век, в новых условиях.

ЗАКОН СУЩЕСТВУЕТ. ЗАКОН НЕ ДЕЙСТВУЕТ

Мы рассказали, и то неполно, историю ходатайств о земле мастеровых трех строгановских заводов: Очерского, Павловского и Билимбаевского. Подобных историй можно рассказать множество. Десятилетиями тянулись земельные дела мастеровых Полазненского, Пожевских, Кизеловского, Сергинских, Михайловского, Уфалейских, Сысертского, Сылвенского, да почти всех частных на праве полной собственности заводов.

Единственным путем получить землю и порвать полукрепостнические «обязательные отношения» мог служить для мастеровых частных на праве полной собственности заводов закон 3 декабря 1862 года. Но ходатайства о его применении ни к чему не приводили. Они путешествовали от мирового посредника (позднее — неперменного члена уездного по крестьянским делам присутствия и еще позднее от земского начальника) до губернского по крестьянским делам присутствия (позже просто губернского присутствия), доходили до министерства внутренних дел и Правительствующего сената, отсылались обратно в губернию, а толку никакого не было.

За все время после издания закона 3 декабря 1862 года в Пермской губернии произошло только два случая наделения мастеровых частных заводов по этому закону: на Рождественских заводах Пермикина и на Хохловском — Лазарева.

Рождественские заводы (Верхне-, Средне-, и Нижне-Рождественские) в Осинском уезде Пермской губернии, принадлежавшие полковнику П. А. Демидову, свернули свое железоделательное производство в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. В 1873 году их купил коллежский ассессор Г. М. Пермикин, один из новых предпринимателей, чьи руки потянулись в те годы к Уралу. Ничего хорошего для заводов он не сделал и умер. Заводы попали в распоряжение опекуна — графа М. М. Стенбока.

Мастеровые Рождественских заводов, отказавшиеся принять полевую землю по уставной грамоте за высокий оброк, по мере

того, как заводы замирали, все настойчивее ходатайствовали о предоставлении им права на рощисты и о полном крестьянском наделе. В 1881 году Пермское губернское по крестьянским делам присутствие признало за ними право на получение надела на основании закона 3 декабря 1862 года «и состоявшегося вследствие сего добровольного соглашения между опекуном... и мастерами*». Это было выгодно для опекуна и казны. Долги, числившиеся за Пермикиным в банке, уменьшались на выкупную сумму — на 218 тысяч рублей, и казна перечисляла их на бывших мастеровых⁴³.

Хохловский завод был основан в XVIII веке как медеплавильный, но в том же веке, в связи с истощением руд, перестроен в железоделательный. Ко времени реформы он входил в Пермское имение Лазаревых и постепенно терял значение: переработка чугуна Кизеловского завода сосредоточивалась на ближе расположенном и развивавшемся Чермошском заводе. В 1866 году Хохловский завод совсем закрылся. Оставшиеся без работы мастера долго ходатайствовали о наделении землей. Лишь через двадцать с лишним лет — в 1888 году был составлен дополнительный акт, по которому хохловцы получали крестьянский надел на основании закона 3 декабря 1862 года на наличные души (их оказалось меньше, чем ревизских) ».

Наделение со ссылкой на закон 3 декабря 1862 года производилось в XIX веке (сказать «было произведено» — нельзя) еще в одном случае — на Всеволодо-Вильвенском заводе. Этот чугуноплавильный и железоделательный завод, расположенный в Соликамском уезде, принадлежал наследникам А. В. Всеволожского и хирел. Перешел к акционерному обществу с французским капиталом (оказавшимся дутым) и продолжал замирать. В 1875 и 1884 годах завод совсем останавливался. Мастеровые ходатайствовали о применении закона 3 декабря 1862 года, просили о переселении, но получали отказ.

В 1875 году, во время первой остановки Всеволодо-Вильвенского завода, в его поселке (который назывался в то время и ло-старому—Шабурным) побывал путешествовавший по Уралу столичный журналист Василий Иванович Немирович-Данченко. Он описал жизнь мастеровых в очерке «Шабурное— завод голый*».

«— Мы уже в аду. Хуже не будет! — говорят здесь крестьяне. И подлинно, во всю мою жизнь я ужаснее уголка не видел. Это действительно нечто потрясающее, в полном смысле слова.

Завод бездействует... Население без хлеба. Скот съеден давно, что может быть продано — продано. Хлеб не сеют, потому что, во-первых, не на чем, а второе — нечем».

«Есть такие, которые под влиянием тоски, голода ходят как помешанные или совсем оскотинились, кидаются на всякую падаль, собак переели всех».

«— Помирать бы, братцы, пора... — говорит один.

— То беда, что умираем тихо.

— Сразу бы!»

А владельцы завода не давали ни земли, ни согласия на переселение мастеровых.

«Какой мерой можно отплатить за это разорение его виновникам?» — спрашивал столичный журналист, в те годы совсем далекий от революционных кругов⁴⁵

В 1890 году Всеволодо-Вильвенский завод совсем встал. Тогда, по соглашению сторон, со ссылкой на закон 3 декабря 1862 года, было произведено наделение общества мастеровых землей по полной крестьянской норме (в Соликамском уезде — 7 десятин), однако не по числу наличных или ревизских душ (ревизских числилось 750), а на условно принятые 360 ревизских душ, то есть в половинном примерно размере. Когда двумя годами позже общество мастеровых стало ходатайствовать о наделении землей на полное число ревизских душ, новый владелец завода — знаменитый Савва Морозов — категорически отказал в этом и, больше того, стал оспаривать законность ранее состоявшегося соглашения, а Правительствующий сенат прошение мастеровых отклонил⁴⁶. Ходатайства мастеровых этого завода о земле продолжались до 1908 года⁴⁷. В 1911 году поземельное устройство мастеровых Всеволодо-Вильвенского завода не было еще закончено⁴⁸.

Закон 3 декабря 1862 года продолжал существовать. Но он не действовал. Ходатайства мастеровых совсем закрытых и сокративших число занятых рабочих заводов наткнулись на глухую стену сопротивления. Помещики-заводовладельцы оставались хозяевами края. Губернская администрация покорно служила их интересам. Правительственные инстанции их поддерживали.

Положение несколько изменилось в первые годы XX века. Об этом пойдет рассказ дальше. Сейчас же отойдем от конкретных земельных дел и задумаемся над общим вопросом — что побуждало уральских мастеровых ходатайствовать о земле, в чем социальный смысл их земельных требований.

ХАРАКТЕР АГРАРНЫХ ТРЕБОВАНИИ МАСТЕРОВЫХ

Требование земли на разных заводах, да и на одном и том же заводе в разное время звучало не одинаково.

На новых, капиталистически организованных предприятиях — Чусовском, Надеждинском — его почти не было слышно. Равнодушными к земле оставались рабочие Лысьвенского завода. Он свернул доменное производство, жил привозным чугуном, реконструировал железоделательное производство, развивал металлообработку и обеспечивал работой не только местных, а и пришедших. Лысьвенское заводууправление охотно продавало землю рабочим с рассрочкой платежа. «Землю-то в крошнях* не унесешь», — шутили отвечали на такие предложения шуваловской администрации многие лысьвенцы⁴⁹. Да и на старых, не подвергавшихся полной реконструкции металлургических заводах просьбы и требования земли затихали, когда завод обеспечивал заработок, и становились настойчивыми и громкими, когда завод вынуждал «гулять» по две недели в месяц.

А так происходило все чаще и чаще.

Во всех прошениях, ходатайствах и жалобах мастеровых звучит один и тот же мотив: завод нас не обеспечивает, дайте нам возможность найти применение своим рукам, дайте землю, на которой могли бы прокормиться вытолкнутые с завода люди.

Безработица была тяжелейшим бичом для всего горнозаводского населения. На Урале появился своеобразный термин, встречающийся в официальных бумагах, — «безработность населения» («Безработность населения выросла», «Высокая безработность...»)

Горнозаводчики и особенно золотопромышленники в конце XIX века отвергали широко признанное положение о постоянной, явной и скрытой, безработице на Урале и попрекали заводских мастеровых, что они не идут в курени — заготавливать дрова, и на прииски — копать землю и мыть золото. Но работа там была сезонной, а условия труда и жизни — ужасными. «Золото моем — голосом моем», — говорили о себе промысловики. Перейти на такую сезонную работу значило превратиться из мастерового в бездомного зимогора. И мастеровые до последней возможности бойкотировали курени и прииски.

О постоянном гнете «безработности» свидетельствуют про-

---

* Крош и я — заплочная берестяная корзина-котомка.

цитированные выше прошения мастеровых. Приведем некоторые объективные цифровые данные, характеризующие положение на строгановских заводах, о которых мы говорили (Очерском, Павловском, Билимбаевском), к концу XIX века.

В Очере жило в 1897 году 4715 человек, причисленных к обществам мастеровых (Очерскому и Зареченскому). Мужчин в рабочем возрасте насчитывалось 1318. Из них было занято на заводе 799 человек и не занято 519, или 39 процентов работоспособных мужчин. Занятые работали укороченными сменами и далеко не полный месяц: в кричном и сварочно-катальном цехах по две недели в месяц, в пудлинговом — по три недели. Бывало, что завод останавливался не только на обычный сенокосный месяц, а еще из-за недостатка воды в пруду ранней весной.

На Павловском заводе жило в 1897 году 2366 человек, причисленных к обществу мастеровых. Мужчин в рабочем возрасте насчитывалось 696. Из них было занято на заводе 537 и не занято 159, или 23 процента всех работоспособных мужчин. Безработица была несколько меньше, чем в Очере. Но занятые на заводе вынуждены были «гулять» не меньше, чем очерцы.

Особенно высокой была «безработность» в Билимбаевском округе: процент не занятых на заводе и в рудниках работоспособных мужчин доходил там до 41, да и занятые «гуляли» по неделе и по две в месяц⁵⁰.

«Гулевые смены» были на подавляющем большинстве заводов. Из 88 действовавших в 1899 году в Пермской губернии заводов только на 22 (правда, это были главным образом крупные заводы) не практиковались «гулевые смены»⁵¹.

Говорили обычно не «занятые на заводе мастеровые», не «работающие на заводе», а «обращающиеся в заводских работах». Мастерской, оставленный без земли на том основании, что он нужен заводу, только «обращался в заводской работе»: две недели работал, две гулял. Эти гулевые недели мастеровые называли «голодными».

На заводах с «голодными неделями» требование земли и становилось настоящим.

На совсем закрытых заводах оно звучало как крик о спасении. Для их населения требование земли было прежде всего требованием компенсации за утраченную заводскую работу, для которой они во время реформы были оставлены обезземеленными. Некоторые из бывших мастеровых всерьез решали заняться сельским хозяйством и, если получить землю рано или поздно уда-

валось, становились крестьянами. В обычные села превратились со временем бывшие заводы — Молебский, Тисовский, Нердвинский. Рождественские и т. д. Другие хотели воспользоваться землей, чтобы хоть как-то поправить свое благосостояние: продать лес, продать или сдать в аренду землю, оставить хозяйничать на земле семью, а самим отправиться искать заработка в другие места. Так и происходило. Горнозаводчики, возражая против наделения землей по закону 3 декабря 1862 года, говорили: рабочие все равно крестьянствовать не станут — и приводили в пример Хохловский завод Лазаревых. Действительно, мастера этого закрытого завода, получив после долгих проволочек землю, в том числе и под лесом, по приговору схода продали значительную часть леса, что позволило им досрочно внести выкупные платежи и помогло желающим продолжать заводскую работу переехать на новые места⁵².

На действующих заводах мотивы, по которым возбуждались ходатайства о земле, были также различными.

И здесь имелись люди, не обеспеченные работой на заводе и потому склонные перейти к сельскохозяйственному труду. Были и мелкие предприниматели, для которых получение обществом мастеровых земли сулило расширение предпринимательской деятельности, возможность шире и многообразнее эксплуатировать одноклассников.

Но на действующих заводах основную массу мастеровых составляли рабочие, занятые, хотя и не полностью, на производстве. Приговоры по земельному вопросу постановлялись сходами обществ мастеровых обычно единогласно, при несомненном, часто и активном участии рабочих.

Что побуждало их ходатайствовать о земле?

Стремление бросить завод и перейти к сельскому хозяйству? Несомненно, нет.

Высказывалось мнение, что требование земли со стороны рабочих было формой борьбы за повышение реальной заработной платы. Историки, делающие такое заключение, исходят из того, что земля, предоставляемая помещиком-заводовладельцем своим рабочим, служила натуральной частью заработной платы. Это положение верно. Вывод же из него делается неверный.

Крайне редки просьбы и требования простого расширения существующего землепользования на прежней основе «снисхождения» со Стороны заводовладельца. Мастеровые требовали наделения землей и выкупа этой земли с помощью государства. Не

просто земли, а земли, освобожденной от повинностей перед помещиком-заводовладельцем. Земля же, перешедшая в собственность мастеровых, переставала служить натуральным, крепостническим по своему характеру довеском к денежной заработной плате, довеском, который оказался крайне обременительным.

Требование земли, как справедливо заметил Я. Б. Рабинович, диктовалось стремлением рабочих «выйти из кабальной зависимости от заводовладельца»⁵³, расчистить заводскую почву от крепостнических пережитков, мешавших развертыванию борьбы за повышение заработной платы и улучшение условий труда.

Об уральских мастеровых пишут, что они были «привязаны к земле».

Это не точно. В. И. Ленин употреблял это выражение, однако чаще, особенно в «Развитии капитализма в России», писал о привязанных к заводу дешевых рабочих, о привязанном к заводу населении, просто о прикрепленных рабочих.

Об уральских рабочих до сих пор говорят иногда как о владельцах земли, утверждают, что они были наделены усадьбами и небольшими участками полевых угодий.

В том-то и дело, что во время реформы рабочие подавляющего большинства уральских заводов получили в собственность только усадебные участки. Полевые угодья (главным образом сенокосные и очень ограниченное количество пахотных) находились лишь в их пользовании. При этом в постоянном пользовании — меньшая часть этих угодий, которая была принята мастерами по уставным грамотам, а во временном, целиком зависящем от усмотрения заводской администрации, — большая часть угодий, предоставлявшаяся, как говорилось, «по снисхождению заводовладельцев» (фактически же взамен соответственного повышения заработной платы при переходе на «вольные платы»).

Мастеровые подавляющего большинства заводов являлись только пользователями оставшейся в собственности и полном распоряжении заводовладельцев полевой земли. Землепользование их было подворным, а не общинным и уравнительным. Общества мастеровых земель не распоряжались, переделов не производили и не могли производить.

На частновладельческих на праве полной собственности заводах такое может сохраняться вплоть до Октябрьской революции. В казенных горных округах закон 12 марта 1877 года, а в посессионных горных округах закон 19 мая 1893 года признали право мастеровых на все участки полевой земли, нахо-

дьянся в их фактическом пользовании. Это было лишь общим признанием. Оно не ликвидировало борьбы на аграрной почве. В соответствии с законами следовало провести землеустройство. А это процесс очень сложный. Надо зафиксировать размеры участков, подлежащих отводу мастеровым, по возможности свести их в крупные массивы, чтобы избежать чересполосицы, согласовать проект землеустройства между сторонами, отграничить отводимые мастеровым участки в натуре, выдать владенные записи. В округах казенных заводов землеустройство началось раньше, осуществлялось быстрее и к 1917 году было в основном закончено.

В округах посессионных заводов рабочие признавались собственниками земли с 1908 года, а до этого, в течение 15 лет после издания закона, они имели лишь право постоянного пользования своими земельными участками. Заводуправления сохраняли право обмена почему-либо приглянувшихся им участков мастеровых на другие участки и широко пользовались этим правом. Они запрещали мастеровым рубить лес, выросший у них на покосах, а сами рубили этот лес. Они запрещали мастеровым добывать руду, считая себя владельцами всех недр посессионной дачи. Острая борьба продолжалась. Землеустройство мастеровых посессионных округов не было полностью закончено и ко времени Октябрьской революции.

Известное различие казенных, посессионных и частновладельческих на праве полной собственности горных округов в отношении землеустройства должно учитываться⁵⁴. Посессионные округа раскинулись в восточных уездах Пермской губернии, по восточному склону Урала. В ее западных уездах, на территории современной Пермской области, посессионеров не было. Здесь хозяйничали вотчинники: Строгановы, Всеволожские, Абамелек-Лчзаревы, Шуваловы, Голицыны. И земельное положение мастеровых принадлежавших им заводов оставалось особенно тягостным.

Земля, предоставляемая мастеровому лишь постольку, поскольку он работает на заводе, служила средством, привязывающим его к заводской работе. Крестьянин, владеющий надельной землей, мог оставить семью в деревне, а сам с разрешения общества отправиться в город на заработки. Мастеровой, бросая «свой» завод, немедленно лишался и клочка полевой земли. Он был привязан к заводу.

Наделение землей рвало эту цепь, оно позволяло уходить с завода.

Принято говорить, что свой дом, огород, участок покоса удерживали уральского рабочего на месте, делали его малопо-движным.

Конечно, свой дом, свой огород было жалко бросать. Они удерживали от переезда. Кроме того — куда ехать? Кругом на десятки верст раскинулись владения того же помещика-заводовладельца. Ехать искать работы надо за десятки, а то и за сотни верст. Ехать не в город (кроме Перми, Екатеринбурга и Кунгура, в городах губернии промышленности не было), а в такой же заводской поселок с одним заводом. А если там нет работы? Опять перебираться за сотни верст, в другой такой же поселок?

Пермская губерния была первой в стране по проценту рабочих, занятых на предприятиях, которые расположены вне городов. Здесь таких рабочих, по данным 1902 года, было 95 процентов. Следующей шла Московская губерния, в которой на предприятиях, расположенных вне городов, было занято 60 процентов рабочих⁵⁵.

Вместе с тем Пермская губерния была первой в России по удельному весу крупного помещичьего землевладения.

По данным переписи 1877 года, 447 владельцам на праве личной собственности, главным образом дворянам, принадлежало в губернии 7 миллионов 733 тысячи десятин земли. Средний размер частного землевладения в губернии был 17 300 десятин. Следующей за Пермской по средним размерам частного землевладения шла Оренбургская губерния — там этот размер определялся в 3412 десятин, то есть был в пять раз меньше.

Цифра 17 300 десятин еще не определяет действительной картины. Из 7 миллионов 733 тысяч десятин земли, находившейся в личной собственности 447 владельцев, 7 миллионов 659 тысяч десятин, то есть 99 процентов, принадлежало всего 42 владельцам, каждый из которых имел в среднем по 182 тысячи десятин земли⁵⁶. Вот это-то и были уральские магнаты.

Куда пойти? На десятки и сотни верст тянутся владения того же помещика. А если и есть поблизости другой, то и он свертывает на своих заводах производство. «Других заработков поблизости никаких нет», «В окружности нет никаких заработков», — эти выражения постоянно повторяются в ходатайствах о земле.

Не просто «власть земли» удерживала уральского мастера-вого в своем заводском поселке, а власть феодального землевладения, сковывавшая производительные силы Урала.

Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, объехав в 1895 году Урал, признал в своем всеподданнейшем докладе безвыходность положения мастеровых: «Принимая же во внимание, что заводовладельцам принадлежат обширнейшие земли вокруг заводов, иногда в несколько сот тысяч десятин, и что никаких других земель, кроме заводских, поблизости нет, крестьяне, лишенные возможности арендовать земли где-либо на стороне и не имея других источников существования, тем самым вынуждаются работать на заводах своих бывших владельцев и принимать все предписываемые ими условия. Весьма естественно, что это нередко служит причиной обостренных отношений между заводовладельцами и населением...»⁵⁷.

Ликвидация земельной зависимости от заводовладельца-помещика, а вместе с тем обеспечение работой на земле не занятой на заводе части мастерового населения создали бы лучшие условия для борьбы за увеличение заработной платы, для общего повышения благосостояния рабочих.

Рабочие были заинтересованы в развитии сельского хозяйства, заинтересованы в том, чтобы их соседи, вместо того, чтобы отбивать от них заводскую работу, приложили руки к земле.

Общее положение в губернии не способствовало дешевизне продуктов питания и устойчивости цен на них. Крупное помещичье землевладение препятствовало развитию сельского хозяйства края. Помещичьи земли были в 1877 году распаханы всего на 2,3 процента, крестьянские же на 47,5 процента. Пермская губерния была губернией помещичьего землевладения, но крестьянской запашки. На малых наделах (а у бывших владельческих крестьян — не у государственных — они оставались в Пермской губернии малыми) крестьяне не могли нормально при уровне техники того времени вести земледелие. «На малых наделах всюду распаханно больше, чем допускается разумною хозяйственной системой, а так как таких наделов в губернии большинство, то значит по всей губернии нарушено нормальное отношение угодий. Результатом этого является истощение почвы и периодические неурожаи», — писал один из местных исследователей земельного вопроса В. Г-ль⁵⁸.

Недостаточность земельных наделов крестьян при обилии пустующих земель была причиной слабой обеспеченности горно-заводских уездов Пермской губернии хлебом и другим продовольствием. Это убедительно доказано в работе пермского статистика Е. И. Красноперова «Сельскохозяйственные нужды Перм-

ского края», вышедшей несколькими выпусками в 1880—1881 годах. Цены на хлеб в горнозаводских центрах были неустойчивыми. Прасолы пользовались любыми подходящими обстоятельствами, чтобы взвинтить их. Это и толкало заводское население заниматься земледелием. Одни из добровольных корреспондентов Е. И. Красноперова писал, что «хлебопашество помогает заводскому населению временно, или в самую дорогую пору, то есть весной и осенью, избавиться от разорительной эксплуатации местных прасолов»⁵⁹.

Позже, уже в новом веке, правление общества сельского хозяйства, существовавшего на Мотовилихинском казенном заводе, в одном из своих докладов общему собранию писало так: «В развитии сельскохозяйственной промышленности заинтересованы не в меньшей степени, чем сельские работники, и заводские рабочие Мотовилихи, так как с развитием сельскохозяйственной промышленности будут удешевляться продукты потребления, будет сокращаться армия безработных, своей конкуренцией в предложении труда способствующая уменьшению заработной платы, будет повышаться покупательная способность населения»⁶⁰. Это были здравые соображения.

Сказанного для выяснения характера аграрных требований уральских рабочих еще недостаточно.

Когда говорят о рабочем, не порвавшем связи с землей, обычно имеют в виду рабочего, только-только выходящего из крестьян: разорившегося крестьянина, который сдает свой наделный клочок земли в аренду соседу-кулаку, а сам уходит на заработки в город, недавнего крестьянина-кустаря, превратившегося в процессе развития кустарной промышленности в рабочего крупного предприятия. Это человек, ставший рабочим в результате капиталистического развития на протяжении относительно короткого времени. Социальное положение его изменилось, в психике же осталось еще много старого, крестьянского.

Уральский мастеровой — иной социальный тип. Он и вчера не был крестьянином. Его отец, его дед, а иногда и прадед работали на заводе. Для него работа с огнем и металлом, в большом заводском коллективе — не новое, а постоянное, потомственное занятие. Он связан с землей: семья работает на огороде, часто у него есть корова, и он косит для нее сено. Однако сельское хозяйство, которым он занимался, не было и не становилось товарным. Уральский мастеровой продавал свою рабочую силу, а не молоко от своей коровы, не овощи со своего огорода. Связь

уральского металлиста с сельским хозяйством ближе и непосредственнее, чем у подмосковного текстильщика, который живет при фабрике, а в деревне, при надельной земле, оставил семью, но эта связь по своему происхождению, а отчасти и социальному содержанию, иная.

ПРАВО НА ЗЕМЛЮ И ПРАВО НА ТРУД

Когда рабочий лишался заработка на заводе, его мысль обращалась прежде всего к какому-либо промыслу, а не к сельскому хозяйству, заняться которым он серьезно не мог просто потому, что земли-то в его распоряжении не было.

В восьмидесятых и девяностых годах прошлого века в Пермской губернии происходит быстрый рост кустарной промышленности. Она развивается, в частности, в поселках тех заводов, которые не обеспечивают зачисленных в общества мастеровых людей работой.

Кустарная перепись, проведенная Пермским земством в 1894/95 годах, учла в Очере 68 и в Павловском 15 кустарно-промышленных заведений. В них был занят 171 человек, в том числе 61 наемный рабочий⁶¹.

На Казанской научно-промышленной выставке 1890 года очерские кустари были представлены изделиями из металла: П. А. Чудинов и братья А. А. и П. А. Гусевы выставили ручные молотилки, А. Г. Балахонов — чугунные части к ручным молотилкам, А. А. Чудинов — ручную сеялку и т. п.⁶². Очерские молотилки обратили на себя внимание и заслужили одобрение.

Ручную молотилку Ланца привез в Очер в 1886 году М. В. Бурдин. Мастеровые П. А. Чудинов, братья П. и А. Гусевы заинтересовались ею и сделали такую же, с той разницей, что всю станину изготовили из железа. Занялись изготовлением молотилок и другие мастеровые. Вначале «крестьяне недоверчиво» даже с суеверием относились к молотилке, считая за грех обрабатывать хлеб машиной, а не руками, как это было раньше». Однако соображения хозяйственной выгоды «побудили крестьян «опуститься грехом»⁶³, и молотилку стали брать. Некоторая конкуренция между кустарями способствовала совершенствованию молотилки: она становилась легче на ходу. Все же крутить ее «ручную было трудно. И вскоре кустари начали делать к молотилке конный привод.

Крестьянское окружение способствовало развитию промысла. Напомним сказанное в главе «Тугой узел»: дружный отказ крестьян платить повинности в пользу помещика, что грозило срывом и выкупной операции, заставил графа Строганова не только не производить отрезков от старого надела, но даже прибавить к нему. Земские статистики, давая в конце XIX века характеристику Оханского уезда, писали: «Наделные земли бывших владельческих крестьян представляют как бы оазисы, вкрапленные большими или меньшими участками и отрубам в общей площади частновладельческих земель...» И дальше: «В майорате гр. Строганова оазисы крестьянских наделов значительно больше»⁶⁴. Сельское хозяйство в округе развивалось, крестьянство дифференцировалось, и это сказывалось на Очере. Он стал торговым центром для ряда окрестных волостей.

Апологеты старого, крепостнического Урала хвалились демократическим характером изделий его промышленности, ее работой не на казну, а на широкий рынок. «Урал удовлетворял потребление преимущественно простонародной массы, изготовляя продукты применительно к ее несложным потребностям и вкусам», — писал секретарь Совета съездов горнопромышленников Урала Штейнфельд в 1897 году. И позже, продолжал он, «Урал не погнался за дорогими казенными заказами рельсов, паровых машин, морских бронь и механических изделий, он по-прежнему фабриковал скромное шинное и кровельное железное, котлы, топоры и ухваты»⁶⁵. Но простонародная-то масса не была такой уж простой, и жизнь ее не стояла на месте. И мастеровой люд оказывался более чутким к крестьянскому спросу, чем помещики-заводовладельцы и управители заводов.

В Курашине, где замер медеплавильный завод, кузнец Н. П. Паисов создал легкую, производительную и обеспечивавшую хорошее рыхление почвы одноральничную соху «курашимку», которая получила широкое распространение в Пермской и соседних губерниях. Изготовление «курашимки» дало мастерам заработок. На закрытом Саранинском заводе стали делать молотилки и веялки, на закрытом Камбарском — телеги и т. п.

Гнала в кустарный промысел безработица. Заработки здесь были хуже, чем на заводе. Все же и загнанный нуждой в жалкую кузницу уральский мастеровой проявлял свойственные ему настойчивость, изобретательность, талант.

Решиться перейти к кустарному труду на действующем заводе было нелегко. Бывший очерский мастеровой Василий Пав-

лович Чудинов записал в своих воспоминаниях: «Не безынтересно отметить отношение управления завода к начавшим подниматься в девяностых годах кустарям. Тем, которые работали у себя на дому или в своих кузницах, заводоуправление отказывало... от работы на заводе, и многие, конечно, боясь лишиться постоянного заработка, прекращали свою работу на дому»⁶⁶.

Главные препятствия развитию мелкой промышленности ставила помещичья собственность на землю. Для металлообрабатывающих промыслов, наиболее близких мастерскому люду, нужны были металл и уголь. Хорошо, если металл отпускался со «своего» завода. А везти его издалека? И где приобретать уголь или дрова для его выжиги? По мере того, как заводы «обрубались», то есть вырубали близкие леса, помещичья администрация все менее и менее охотно отпускала лес своим мастерам.

Легче выходили из положения люди хоть с каким-нибудь капиталом.

В 1890 году основал в Очере свое предприятие Андрей Григорьевич Балахонов. Он завел вагранку и начал отливать чугунные части к ручным молотилкам, в которых нуждались другие кустари, снабжать чугунным литьем окрестные мельницы и т. п. Чугун он покупал на Баранчинском казенном заводе, скупал чугунный лом у крестьян, а в качестве топлива использовал кокс — тогда новинку в уральском хозяйстве. Кокс пышно именовали «великим демократизатором промышленности». Дрова, древесный уголь — топливо аристократическое, потому что леса во владении помещиков. Но этот лес ближе к крестьянину и мастерскому. А кокс — топливо относительно демократическое: надо обладать некоторым капиталом, чтобы купить его на запас и привезти из Перми, со складов предприимчивого пароходчика Любимова. Кокс помогал не кустарю-одиночке, а таким предпринимателям, как А. Г. Балахонов, который с самого начала нанимал четырех рабочих⁶⁷.

В 1887 году в комиссию по исследованию кустарной промышленности в России, работавшую в то время при министерстве финансов, от имени мастеровых Нижне-Сергинского завода обратился мастерской П. Д. Бабушкин, который просил разъяснить, какими же кустарными промыслами могут заниматься оставшиеся без заводских работ мастера. Он сообщил при этом, что наиболее близкие мастерам «кузнечные, слесарные, ножевые и проч. производства не могут здесь привиться от разных причин, но главным образом от трудности приобретения горючего мате-

риала, так как заводские крестьяне не имеют лесного надела». Письмо было написано П. Д. Бабушкиным 19 февраля 1887 года, в годовщину отмены крепостного права, которая навела автора на горькие размышления.

Бабушкин усматривал выход из тяжелого положения в предоставлении мастеровым наделов с лесом, что дало бы возможность заниматься огнедействующими ремеслами. «Заводской народ вообще более склонен к фабричным или ремесленным производствам, чем к сельскому хозяйству, между тем заводскому крестьянину заняться ни тем, ни другим стало негде»⁶⁸.

Предприимчивый сосед П. Д. Бабушкина — литейщик и слесарь Ф. Ф. Ананьин поставил на окраине селения Нижне-Сергинского завода вагранку и создал чугунолитейное заведение, успешно работавшее ряд лет. Вагранка была устроена на предоставленном обществу мастеровых выгоне. Ананьин скупал у окрестных крестьян чугунный лом и приобретал чугун на заводах. Последнее было трудно: заводы отказывали. И в девяностых годах Ананьин начал ставить рядом с вагранкой доменную печь, рассчитывая на руду, которую согласились поставлять крестьяне со своих наделных земель⁶⁹. Такой дерзости со стороны недавнего мастерового уже не могли допустить. Ананьин, как деликатно говорится в одном описании его предприятия, «встретил... препятствия... с формальной стороны дела»⁷⁰.

Формальные основания для запрета были.

Проект Горного положения, служивший с 1806 года законом, и Устав горный 1857 года устанавливали, что в казенных заводских округах дозволяется заводить различные предприятия, при существенной оговорке. «Из сего исключаются все те мануфактуры и фабрики, которых все производство главнейше основывается на огненном действии, требующем дров и угля, также лесопильные мельницы и торговля лесом», — гласила статья 394-я Устава горного⁷¹.

Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, предоставляло всем право «открывать и содержать на законном основании фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения», «производить ремесла в своих селениях» и т. п.⁷². Однако статья 11-я Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов делала изъятие из этого общего правила: «Не дозволяется устраивать в заводских селениях такие промышленные заведения, в которых производство основывается главнейше на огненном действии (требующем дров

и угля), а также воспрещается устройство лесопильных мельниц и производство торговли лесом»⁷³.

Этот запрет прямо и непосредственно относился к заводским дачам казенных заводов. Частные заводовладельцы распространяли его и на свои округа, пользуясь аналогией с казенными, к которой часто прибегали и в судах, и в правительственных учреждениях при рассмотрении вопросов, возникавших на частных горных заводах. Были и прямые юридические основания для осуществления такого же, как в казенных округах, запрета. Статья 575-я Устава горного гласила: «При заводах частных людей, владеющих оными на правах полной собственности, всякие промыслы не иначе могут быть отправлены, как с согласия самого заводчика»⁷⁴.

Владимир Ильич Ленин несколько раз (в статье «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», в книге «Развитие капитализма в России», в статье «Замечательное дело») отмечал то обстоятельство, что уральские горнозаводчики препятствовали созданию мелких металлообрабатывающих предприятий. «...Урал и по сию пору сохраняет незыблемые традиции «доброго старого времени», и отношение к мелкой крестьянской промышленности стоит здесь в полной гармонии с той «организацией труда», которая обеспечивала заводы прикрепленным к месту заводским рабочим населением», — писал Ленин в 1897 году⁷⁵.

Кустарные промыслы все же росли. Их рост свидетельствовал не об успехах противостоящего капитализму «народного производства», как считали либеральные народники, а об отсталости ведущей отрасли уральской промышленности — горнозаводской, неспособной ни занять рабочую силу, ни удовлетворить растущий крестьянский спрос.

Какое вопиющее противоречие было в том, что в стране, идущей по пути капиталистического развития, рабочие вынуждались переходить с крупных, мануфактурного и фабричного типа предприятий в мелкие мастерские, чтобы и здесь терпеть эксплуатацию! На языке либеральных народников это громко именовалось «переходом к самостоятельным формам труда».

Какое вопиющее противоречие в том, что в богатейшем крае — на Урале — трудолюбивые и умелые руки потомственных рабочих не могли найти себе сколько-нибудь достойного применения!

Богатства Урала лежали рядом: железные и медные руды,

соляные залежи, каменный уголь, бескрайние леса, реки, а южнее — и плодородные земли. Они были близки и недоступны, точно заколдованы злым волшебником. «Не смей трогать их, — не твое, барское», — говорили людям, освобожденным от крепостной зависимости и «облагодетельствованным» императорским попечением.

И ходили по рабочим поселкам нищие и пели песню о том, как господь бог хотел одарить убогих золотой горой, да сказал ему Иван Златоуст:

«Уж ты, господи, бог — царь небесный!
Не давай-ка им гору золотую,
У горы будет много душегубства,
Еще больше того кроволитья.
Как зазнают богатые люди,
Обалтынят * все пестрые власти...
Уж ты дай им имя святое.
Они станут же по миру ходити...»⁷⁶.

И эта песня получала отзвук в сердцах мастеровых.

В самом деле, зазнали богатые люди Строгановы про прикамскую соль, и стало почти все Прикамье строгановским. Узнал Никита Демидов про железные руды, и стал чуть не весь, восточный склон Урала демидовским.

Хотя соизволил император Петр I дать всем и каждому волю добывать руды и плавить металл на любых землях, «дабь» божье благословение под землею втуне не осталось»⁷⁷, но недолго продержалась эта воля. И завладевшие Уралом богатые/люди многое держали втуне.

Своеобразное, преломленное в другой среде, отражение получили мысли, зревшие в головах уральских мастеровых, в статье П. Лохтина «Горнозаводское хозяйство на Урале», опубликованной в 1876 году в журнале «Вестник Европы». Он писал:

«Да, если поездить да пожить на Урале и вникнуть в смысл уральской жизни, то неутешительное о нем составишь понятие. Везде будешь видеть одно и то же: массы руд, неистощимые богатства горной природы, обилие горючего материала, значительные и дешевые движущие силы, и рядом с этим население многолюдное, способное, жаждущее работы и почти голодающее среди этих богатств природы, занимающееся всякими случайными и маловажными промыслами и почти не участвующее а главным — в горном».

---

* Обалтынят — задарят.

Отмена крепостного права не улучшила положения уральского горнозаводского люда. Произошло это, по мнению П. Лохтина, потому, что на Урале принципы реформы 1861 года не были проведены последовательно. «Освобождая крестьян из-под крепостного права, правительство в высшей степени разумно связало их освобождение с наделением их землей; таким образом оно не только освободило крестьян от прежней зависимости в юридическом или нравственном отношении, но и обеспечило их в отношении материальном», — писал П. Лохтин, идеализируя реформу.

На Урале коренным делом для населения было дело горное, оно давало пропитание. «Очевидно, что если бы принцип освобождения крестьян от крепостной зависимости был проведен на Урале со всей последовательностью и соответственно местным условиям быта и природы, то население следовало бы наделить частью заводских дач, с правом отыскивать и добывать руду и другие минеральные богатства, обжигать уголь, выплавлять и добывать металл, отдавать леса и рудники в аренду, предавать уголь, руду и ископаемые вещества и т. п.». Автор приходил к выводу: «Выкуп части заводских дач населением является поэтому и логически и фактически необходимым: его требуют и природные условия Урала и основные принципы реформы освобождения крестьян»⁷⁸.

П. Лохтин рассчитывал, что среди населения найдутся предприниматели, что при ликвидации монополии на землю и ее недра легче будет создавать новые заводы, что можно будет привлечь к этому делу и небольшие местные капиталы, имеющиеся, например, у прасолов.

Земля нужна для всякого труда, в том числе и для промышленного. Уральские мастеровые, борясь за землю, боролись против тягостной для них во всех отношениях монополии помещиков-заводовладельцев.

Земля, как писал Карл Маркс в «Капитале», является и всеобщим предметом человеческого труда и всеобщим его средством⁷⁹. В земельных требованиях уральских рабочих она выступает в этом, широком, ее определении как предпосылка приложения всякого труда.

Должно быть принято во внимание еще одно обстоятельство. Когда производство сокращалось и нависала угроза остановки завода, первым стремлением рабочих было продлить действие завода, сохранить привычный заработок. Это стремление

выливалось в наивные формы: рабочие сами ходатайствовали о заказах для завода, жаловались на нерадивого управляющего и т. п. Часто с ходатайствами о заказах обращались в правительственные органы рабочие казенных заводов: Ижевского, Боткинского, Мотовилихинского и других. Выступали с подобными ходатайствами и рабочие частных заводов. Владелец Суксунского округа А. П. Демидов прогорел, и Молебский завод, в числе других, оказался в руках конкурсного управления, которое долго не могло его продать. Мастеровые просили министра внутренних дел «понудить конкурсное управление продать заводы в более благонадежные руки для дальнейшего продолжения работ на заводе, чем и дать населению от работ на заводе пропитание»⁸⁰. Рабочие заводов Ревдинского округа, проданных Ратькову-Рожнову, жаловались министру земледелия и государственных имуществ (продажа была произведена этим министерством), что новый владелец не оправдывает их надежд на увеличение производства и разоблачали его намерение превратить Ревдинский горнозаводский округ в лесное имение⁸¹. Рабочие добивались хороших, рачительных хозяев для своих заводов.

Среди уральских рабочих было широко распространено убеждение, что только труд дает право на землю, что земля может оказаться в частном владении лишь по праву трудовой заимки. Поскольку помещик-заводовладелец свертывает производство, перестает производительно использовать землю, он лишается и права на нее.

Право на землю в таком широком понимании было близко к праву на труд, которое выдвинули в качестве своего лозунга парижские рабочие в 1848 году. Близость этих формул отмечал Владимир Ильич Ленин⁸². Как и «право на труд», формула «право на землю», — писал он, смутно выражает «действительное историческое содержание борьбы»⁸³. Она несет груз мелкобуржуазных иллюзий. Но она имеет и реальное содержание, причем развивающееся. Утверждение уральскими рабочими своего права на землю включало не только общедемократическое антифеодальное требование освобождения земли и вместе с нею промышленности от крепостнических пут, а и мечты о лучшем, справедливом строе.

Смутные надежды мастеровых уловил путешествовавший по Уралу в 1875 году публицист В. И. Немирович-Данченко. Рисуя безвыходное положение Пожевских заводов, заброшенных в эти годы их владельцами — Всеволожскими, он писал: «Несмотря на

все, в местном населении живет неистребимая вера в лучшее будущее... Казна откроет особые заводы, собственно для них. обойденных работников, и станет платить им не поденную плату, а сколько выйдет примерно с барыша завода»⁸⁴.

Казна не торопилась открывать такие заводы. И протесты рабочих против свертывания производства принимали иногда острый характер волнений. Совет съездов горнопромышленников Урала в 1903 году отмечал: «Совету известны случаи беспорядков, возникших по поводу неудовлетворения требований рабочих о восстановлении производства железа, прекращенного несколько лет назад»⁸⁵.

Владельцы заводов были далеко, не показывались на Урале годами и десятилетиями. Они постоянно оставляли заводы без оборотных средств, так как задирали из заводских касс все, что можно и что нельзя. Производство направляли более или менее свои люди — выходцы из местных мастеровых. Приезжим был обычно один только управляющий заводом. Казна также была равнодушна к своим заводам, интерес к ним возрастал лишь в предвоенное и военное время.

У рабочих возникла мысль: нельзя ли вообще обойтись без хозяев и вести дело своими силами, на свой риск?

В 1867 году замиравший казенный Нижне-Туринский завод был передан артели рабочих, созданной при содействии начальника Гороблагодатского горного округа инженера В. А. Грамматчикова. Артель выпускала железные и медные изделия и просуществовала сравнительно долго⁸⁶. Однако, после того как В. А. Грамматчиков ушел с поста начальника Гороблагодатского округа, прекратилась и деятельность этой артели, как и других, созданных несколько позже в Верхне-Туринском и Кушвинском заводах⁸⁷.

В 1870 году, во время длительных волнений рабочих Сергинско-Уфалейского округа, причиной которых являлось резкое сокращение производства при необеспеченности населения земельными наделами, мастеровые Козинского и Верхне-Сергинского заводов заявили желание выкупить заводы с рассрочкой платежа на 37 лет и установить на них свое управление⁸⁸.

В восьмидесятых годах была создана и работала артель на остановленном казенном Воткинском заводе⁸⁹.

Не будем чрезмерно строги к кооперативным иллюзиям, которые питали уральские рабочие и сочувствовавшие им интеллигенты. Вспомним, что страстную проповедь кооперативных

форм промышленного производства вела вся плеяда представителей русского утопического социализма, начиная с Н. Г. Чернышевского. Ее вели и члены русской секции Первого Интернационала, опираясь на «Учредительный манифест Международного товарищества рабочих»⁹⁰.

В программе наиболее передовой в России восьмидесятых годов политической группы — группы «Освобождение труда», в обоих ее вариантах (1884 и 1887 годов), содержалось требование «государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.)»⁹¹.

Да, доведенные до отчаяния полуграмотные мастеровые хивших уральских заводов не поднялись выше иллюзий, разделившихся группой «Освобождение труда». Хорошо и то, что в ужасном положении они сохраняли веру в возможность осуществления справедливости, в светлое будущее и в свои силы. Что касается иллюзий, то жизнь, хотя и замедленно двигавшаяся на Урале, рассеивала их.

Мы часто повторяем, что Россия выстрадала марксизм, что передовая русская интеллигенция долгим и мучительным путем поисков пришла к нему. Поиски пути шли и в рабочей среде. Чего только не пробовали уральские мастеровые! Как только не изворачивались они! И всюду на их пути непреодолимым препятствием вставляли помещичьи латифундии.

В 1894 году в Петербурге вышли «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» Петра Бернгардовича Струве, сына известного нам пермского губернатора, молодого и быстро входящего в моду ученого. Уже по этой книге можно заметить, что автор ее с барским пренебрежением третирует не только народничество, а и русский народ. Проповедуя под видом марксизма вульгарный экономический материализм, П. Б. Струве утверждал, что это учение «просто игнорирует личность как социологически ничтожную величину» и что такое устранение личности из социологии есть необходимый момент «стремления к научному познанию»⁹². Предпочитая общие рассуждения о прогрессивности капитализма анализу конкретного материала о его развитии в России, П. Б. Струве видел источник бедности народа только в историческом наследии натурального хозяйства и связанной с этим культурной беспомощности масс. Он игнорировал важнейший пережиток крепостничества в

русской экономической жизни - помещицы латифундии. Мысль о демократическом и тем более революционном пересмотре реформы 1861 года была ему чужда. (Он звал не к борьбе, а к подчинению естественному ходу вещей. «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму», — заканчивал П. Б. Струве свою книгу⁹³

Легко было петербургскому баричу говорить эти слова.

Тяжело было уральским рабочим выносить эту выучку, в которой капиталистические методы переплетались с крепостническими. Не могли они, подобно Струве, игнорировать личность — не видеть мук своих отцов, братьев, детей, своих товарищей, обреченных на голод и унижения.

Не хотели они принимать на свои плечи всю тяжесть капиталистической перестройки промышленности и освобождать косных заводладельцев-феодалов от каких-либо потерь. Смутно, очень смутно, но сознавали мастеровые, что не безразлично для них, каким именно путем пойдет дальше капиталистическое развитие Урала, сознавали свою заинтересованность в возможно более демократическом пути.

Уральские мастеровые в конце XIX века в подавляющей массе своей были еще проникнуты верой в справедливость высших властей. Они часто оказывались по-детски наивны. Но они все же искали путей, которые вывели бы их из тисков двойной — крепостнической и капиталистической — эксплуатации.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ БОРЬБЫ

*Чтоб свергнуть гнет
рукой умелой,
Отвоевать свое
добро, —*

*Вздувайте горн
и куйте смело.
Пока железо горячо.*

.И интернационал'

НА ПОДЪЕМЕ

В первые годы XX века в течении земельных дел павловских, очерских, билимбаевских мастеровых произошел некоторый перелом. Строганов и другие помещики-горнозаводчики не отступили, но вынуждены были начать маневрировать.

Перелом был вызван несколькими причинами. Основная из них — изменения в социально-политической жизни страны. События в далеких от Очеры местах — создание Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», петербургские стачки 1896—1897 годов, поддержанные рабочими студенческие демонстрации, возникновение «Искры» и ее русских организаций, Обуховская оборона, первомайские демонстрации и стачки в 1902 году, всеобщая стачка на Юге России в 1903 году — все это сказывалось и на ходе земельных дел уральских мастеровых. Рабочий класс стал гегемоном освободительного движения в России, и оно поднималось на более высокую степень.

В борьбу включались новые и новые отряды рабочего класса. На Урале со своими требованиями выступали обычно рабочие отдельных цехов, но ведущих: листопрокатных, листобойных, кричных, пудлинговых, мартеновских, — причем забастовка, вспыхнувшая в одном цехе, в ряде случаев перебрасывалась в другие. Стачки происходили на таких крупных предприятиях, как Мотовилихинский пушечный завод и новый Чусовской металлургический завод, а также на предприятиях негорнозаводских отраслей промышленности в городах Екатеринбурге и Перми. На некоторых заводах, даже находившихся под угрозой ликвидации, забастовки носили упорный характер. Доведенные до отчаяния рабочие Михайловского завода Сергинско-Уфалейского горного округа за десятилетие бастовали одиннадцать раз. Все-го в Пермской губернии с 1890 по 1899 год включительно произошло 46 забастовок, в том числе в 1899 году — 12 (подсчеты Д. В. Гаврилова) ¹. В 1900—1902 годах бастовали рабочие на Миньярском, Чусовском, Катав-Ивановском, Белорецком заводах. Особенно крупными событиями были стачки в Мотовилихе в феврале 1903 года и в Златоусте в марте того же года. Последняя закончилась кровавой расправой с рабочими.

Во второй половине девяностых годов возникают социал-демократические группы в Уфе, Екатеринбурге, Перми и Кунгуре, а в первые годы нового века в основных центрах Урала — Уфе, Екатеринбурге и Перми — создаются комитеты РСДРП «искрочского» направления.

Стаечная борьба на Урале разворачивалась в трудных условиях. Владельцы небольших, технически отсталых заводов, пользуясь стачками как предлогом, закрывали предприятия.

В заводских округах постоянно возникали конфликты на аграрной почве, часто весьма острые. Доходность многих заводов (в том числе строгановских) падала. А лес дорожал. И заводская администрация стремилась поправить дела за счет лесных доходов, в частности приучить местное население платить за лес, а не рубить его самовольно. В Строгановском имении, кроме порубочных билетов, ввели билеты на сенокосение в лесу, билеты и жетоны на пастьбу скота, билеты на охоту, рыбную ловлю, заготовку моха, сбор грибов, сбор ягод ². Во время реформы помещики-горнозаводчики постарались в крестьянские наделы лесов не включать. Да и были эти наделы — повторим — островками среди барской земли. Куда ни повернись, везде графское или княжеское добро. В донесениях С. А. Строганову его

служащие обо всем населении заводских поселков и округов писали «жители вашего имения». И это было близко к действительному положению. Охрану лесов усилили. В Пермском имении Строганова к началу XX века ее довели до 750 человек. Особые бляхи выделяли лесных сторожей как людей должностных. Они были вооружены.

Несмотря ни на что, порубки и самовольное сенокошение не прекращались. Шла постоянная необъявленная война. Секретарь Совета съездов горнопромышленников Урала Штейнфельд жаловался: «Охрана частновладельческих лесов на Урале поставлена в неблагоприятные условия. Здесь промысел воровства леса организован самым устойчивым образом: ежегодно в местные суды поступают дела о формальных сражениях порубщиков с лесной стражей»³. В 1900 году толпа рабочих до полусмерти избивала управителя Шемахинского завода Шелегова и лесообъездчиков, пытавшихся воспрепятствовать вывозу нарубленного леса. Когда некоторые рабочие были арестованы, толпа требовала их освобождения, угрожая сжечь заводскую контору и перебить всех служащих. В 1901 году алапаевские рабочие оказали вооруженное сопротивление полицейским властям, пытавшимся отобрать лес, нарубленный без разрешения в заводской даче⁴. Подобные столкновения были на Урале постоянными.

На вооружении уральских мастеровых сыздавна состоял экономический террор. В заводских округах были свои «разбойники», мстившие за издевательства над рабочим человеком (вспомним предания о таких «разбойниках», переданные Д. Н. Маминым-Сибиряком). Буйная заводская молодежь избивала, чаще «в темную», особо ненавистных мастеров. На грани XIX и XX веков, несмотря на повышение общего уровня рабочего движения, террор на Урале усилился. Старые, полукрепостнические формы угнетения обуславливали и соответствующие им формы сопротивления масс. Корреспондент с Урала писал в «Искре» в 1903 году: «Экономический террор — старое средство борьбы уральских рабочих — и теперь, конечно, употребляется в еще больших размерах: чуть ли не каждую неделю слышишь, что на том или другом заводе пущены в ход поджог, пуля, динамит или бомба»⁵.

Террористические акты совершались не только против заводских управителей, лесничих, мастеров, а и против полицейских чинов, которые им помогали. Распевали в заводских поселках залихватскую частушку:

Мы урядника бивали.
Станового ладим бить.
Нам с тобою, друг-товарищ.
Голов буйных не сносить⁶.

Иногда мастеровые пытались выселить неугодных им заводских администраторов, обычно — вновь приехавших и наводивших порядки построже.

Обществам мастеровых, как и сельским обществам, было предоставлено право принимать приговоры о выселении своих «нежелательных членов». Мировые посредники, уездные исправники, а затем земские начальники часто навязывали обществам такие приговоры, позволявшие выселять «порочных», по мнению администрации, людей. Рабочие пытались повернуть это оружие против своих притеснителей.

В январе 1898 года сход общества мастеровых Кыштымского завода, на котором присутствовало 1215 человек, принял приговор об удалении из Кыштыма главноуправляющего горным округом горного инженера, статского советника П. М. Карпинского, «как человека вредного для общества, стесняющего крестьян в сенокосных угодьях, в рубке леса и неправильно принимавшего от них руду, уголь и другие материалы». Свое ходатайство мастеровые мотивировали, в частности, тем, что Карпинский возбудил судебные дела почти против всех членов общества⁷. Приговор, разумеется, был отменен. Но сам П. М. Карпинский в записке «О земельных отношениях в заводах Кыштымского горного округа» высказывал обоснованное опасение, что «земельная неурядица» будет вести к повторению острых конфликтов⁸. Случай с П. М. Карпинским — один из ряда подобных.

Заводская администрация оказывалась иногда в осадном положении. На Майкорском (Никитинском) заводе управитель завода немец Оберг увольнениями неугодных ему рабочих, запретами на пользование лугами, лесом и прудом так обострил в последние годы XIX века отношения с рабочими, что появлялся на заводе только в сопровождении двух полицейских стражников, а около своего дома поставил пушку, из которой по ночам делались предупредительные выстрелы⁹.

На некоторых заводах в дни выдачи заработка управители сидели в своих кабинетах, имея за спиной вооруженного стражника, а то и двух. Кунгурский уездный исправник докладывал губернатору: отношения между мастеровыми Кыновского завода и управителем Я. Ф. Бушуевым настолько напряженны, «что

при каждой выписке управителем Бушуевым рабочим денег к муки для предупреждения могущих произойти между ними инцидентов присутствуют полицейский урядник и стражники»¹⁰. Надо ли разяснять, что они сдерживали не Бушуева, часто глумившегося над рабочими?

Попытки уральских мастеровых улучшить свое бытовое положение часто носили сугубо мирный, летиционно-просительный характер. Чтобы эта сторона дела, достаточно полно отраженная в документах, не вводила в заблуждение относительно характера уральских рабочих, не следует игнорировать аграрно-заводской террор, в котором проявлялся высокий накал ненависти к эксплуататорам-крепостникам.

Разразившийся в первые годы XX века кризис в сбыте металла еще более ограничил возможности стачечной борьбы. А растущая безработица заставляла рабочих задумываться о том, как жить дальше. Корреспондент «Искры» с Урала писал:

«И мучительным, долгим путем вырабатывается в сознании рабочих убеждение, самопроизвольное или под влиянием неведомыми путями распространяющихся идей: «Если не могут нам помочь царь небесный и земной, так остается нам самим о себе промышлять! Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не стачками — на Михайловском заводе рабочие забастовали, но управление закрыло завод и рабочие разбрелись кто куда в поисках работы...». «Не нужно экономической борьбы! Нужна революция!» — писал осужденный на каторгу Киселев в своем письме ко всем рабочим, и эти слова выражают все распространяющееся убеждение все большей массы. И первые зарницы приближающейся живой грозой уже блестят на нашем свинцовом небосклоне...»¹¹.

Российская социал-демократическая рабочая партия учитывала в своих документах и практической работе особенности развития России, ее отдельных районов и, в частности, аграрные требования и аграрную борьбу горнозаводского населения Урала.

Владимир Ильич Ленин в 1899 году в «Проекте программы нашей партии», обосновывая необходимость аграрной ее части, замечал: «В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натываемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда. Вопросы о выкупных платежах, о круговой поручке, об арендной плате — живо интересуют сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских,

напр.. рабочих, в среду которых тоже начала проникать социал-демократическая пропаганда и агитация)»¹².

В Программе РСДРП, принятой II съездом, содержалось требование «учреждения крестьянских комитетов», и не только для возвращения сельским обществам отрезков от наделов, а и вообще «для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства»¹³.

Горнозаводским рабочим Урала была посвящена статья «Залами агитации на Урале», опубликованная в «Искре» в 1903 году. Автор ее упрекал революционные организации Урала в том, что они развертывают свою деятельность почти исключительно среди наиболее близких к городской интеллигенции рабочих капиталистически организованных предприятий, расположенных в Перми и Екатеринбурге, и недостаточно внимательны к несравненно более многочисленным горнозаводским рабочим, занятым на крупных, но разбросанных по губернии заводах. Он рисовал тяжелое положение этих рабочих, непрерывную борьбу в горнозаводских округах и приходил к такому выводу:

«Все есть в этой атмосфере борьбы: есть сознание и недовольство своим положением, есть желание улучшить его, есть известное боевое настроение, организованность и даже конспиративность, нет только полной сознательности и прочной организации, которая смогла бы повести и направить это движение по революционному руслу». Программой этого движения может быть и должна стать программа Российской социал-демократической рабочей партии. Вокруг этой партии надо спланировать рабочих, чтобы «вывести наше уральское рабочее движение на широкое поле революции». «Будем же организовываться, — призывал автор, — разовьем при помощи нашей организации самую широкую политическую агитацию и используем для последней даже наши крепостнические пережитки»¹⁴.

В аграрных требованиях и аграрной борьбе уральских мастеровых проявился в эти годы тот решительный, боевой демократизм, который Ленин умел и учил товарищей по партии выделять из-под шелухи мелкобуржуазных иллюзий и предрассудков. Направленные против ситятельных латифундистов требования земли отражали потребности капиталистического развития страны, такого крупного ее района, как Урал. Вместе с тем они были и непосредственно связаны с интересами развития рабочего движения.

Уральские рабочие не представляли собою в начале XX века вполне однородной массы. Были среди них занятые заводским трудом и не имевшие своего дома, — это главным образом приезжие из других районов страны, а также с закрытых или сокративших свое действие уральских заводов. Были рабочие, для которых основой существования служил заводской заработок, ко- торые имели свой дом, приусадебный участок, пользовались покосом, держали корозу. Наконец, на заводах с обильными гулевыми сменами имелись и такие, которые совмещали работу на заводе с сельскохозяйственным трудом или кустарным промыслом. Это, действительно, полукрестьяне и полукустари. Они больше других бросались в глаза, как своего рода уральская экзотика, но относить к этому типу всех рабочих уральских гор- ных заводов, безусловно, неправильно.

Совмещение заводской работы с сельскохозяйственной при полной занятости на заводе просто невозможно. Такое совме- щение мог мысленно рисовать только человек, далекий и от заво- да и от поля. Тип рабочего, занятого на заводе всего полмесяца, и то при укороченном рабочем дне, и вынужденного искать сред- ства к существованию в занятиях земледелием или кустарным промыслом, неизбежно был переходным. Производительность труда такого рабочего оказывалась низкой и на крупном про- мышленном предприятии (на что в XX веке стали жаловаться инженеры), и в сельском хозяйстве, и в кустарном промысле. Он не мог обеспечить человеческого существования себе и своей семье. Мечтой его было заняться чем-либо одним. Условия за- водских латифундий затрудняли выход из положения: они не да- вали возможности полноценно работать на заводе, в то же время ставили пользование землей в зависимость от заводской работы, они затрудняли занятия наиболее близкими промыслами — ме- таллообработкой, да и деревообработкой.

Рабочий класс всюду рождался в процессе борьбы против феодальных форм эксплуатации. На Урале эту борьбу приходи- лось вести самим мастеровым как борьбу за землю, против все- властного крупного сеньюрального землевладения. Общая, объ- ективно существующая цель ее — разрушить или, по крайней ме- ре, размыть это землевладение — была выше тех частных наме- рений, которыми руководствовались жители заводских поселков, требуя передачи им полевых угодий и леса в собственность. Но так постоянно бывает в процессе исторического развития.

В большевистских газетах высказывалось убеждение, что на-

деление уральских мастеровых земель ускорит дифференциацию горнозаводского населения, будет способствовать сплочению рабочего класса и успехам рабочего движения. В корреспонденции «С Урала», помещенной в 1905 году в «Новой жизни», говорилось: «Если бы заводским рабочим Урала были отведены достаточные земельные наделы, то часть из них бросила бы работу на заводе и занялась бы земледелием, зато другая всецело посвятила бы себя заводской работе, причем тотчас исчезла бы та нищенская заработная плата, которая теперь тормозит всякое развитие производительных сил Урала»¹⁵. Эти же соображения повторялись в «Звезде» в 1911 году¹⁶.

Борьба за наделение земель уже пестрых по своему составу обществ мастеровых была борьбой за ускорение формирования и сплочения рабочего класса, которые тормозились на Урале сильными пережитками крепостничества.

ВЛАСТИ ОБЕСПОКОЕНЫ

Царские власти не могли игнорировать обострившееся недовольство рабочих и всего горнозаводского населения Урала, особенно в связи с общим подъемом рабочего движения в стране и появлением политической партии рабочего класса.

В канцелярии пермского губернатора в 1897 году было заведено, во исполнение министерского циркуляра, особое дело «О деятельности правительственных властей во всех случаях проявления каких-либо признаков волнения в рабочей среде»¹⁷. По «высочайшему» повелению от 1 февраля 1899 года об усилении надзора в районах промышленных заведений страны численность полиции в горнозаводских районах Пермской губернии была увеличена в три раза¹⁸.

В политических обзорах, подготовлявшихся губернским жандармским управлением, стали сильнее звучать тревожные нотки. Озабоченность сложившимся на заводах положением четче других выразил помощник начальника Пермского губернского жандармского управления по Красноуфимскому и Кунгурскому уездам ротмистр фон Оглио (под его надзором находился ряд хронически неблагополучных заводов Суксунского и Сергинско-Уфалейского округов и считавшийся благополучным Кыновской завод графа Строганова).

«Обращает на себя внимание крайнее озлобление заводского

населения на администрацию заводов, держащую, в большинстве случаев, это население в ежовых рукавицах и зачастую крайне неблагоприятно пользующуюся его полной зависимостью от заводских работ», — замечал фон Оглио в обзоре за 1898 год¹⁹.

В обзоре за следующий, 1899 год он писал: «Издавна привычное властями видеть в чиновнике своего врага, готового из-за личных выгод выжать из него последние соки; привыкшее, благодаря тем же властям, смотреть на закон как на источник доходов власть имущих; не раз убедившееся, что власти играют законом как пешкой, пользуясь им исключительно во вред населению и никогда не применяя его там, где закон этот говорит о защите крестьянина или рабочего, — население привыкло бояться всякого закона»²⁰.

Достаточно прозорливый жандармский офицер делал вывод о необходимости разрядить напряженные отношения мерами общего порядка. «Такое ненормальное положение, — заканчивал он свой обзор за 1899 год, — требует детального изучения и самых радикальных мер, если желательно, чтобы грозное для самого населения и заводских рабочих учение социал-демократов, попав на вполне подготовленную почву, не принесло бы и сюда тех же несчастий, которыми ознаменовались последние годы в промышленных и заводских центрах запада и юго-запада России»^{*}.

Местная администрация оказывалась в затруднительном положении. На земских начальников падала совершенно непосильная работа по разрешению аграрных конфликтов. Дела о самовольном сенокосении и самовольных порубках возникали в горных округах ежегодно не сотнями, а тысячами. В Очерском «круге в 1901 году было зафиксировано 3866 самовольных лесных порубок, в 1902 году — 2970, всего же по нераздельному имению Строгановых ежегодно около 20 тысяч»²¹. В округе Сергинско-Уфалейских заводов число протоколов о самовольном сенокосении и порубках доходило до 6 тысяч в год²². При крайней запутанности аграрных отношений в горнозаводских округах, особенно посессионных и бывших посессионных, перешедших в полную собственность, и резком расхождении многих законов с на-

---

^{*} Проявленное в эти годы относительное здравомыслие не помешало фон Оглио позже, в 1906—1907 годах, когда он стал подполковником и был переведен в Пермь, жестоко подавлять любые проявления недовольства рабочих с помощью полиции, жандармерии, казаков и ингушей. Тогда он получил прозвище «фон Оглобли». Гибкость не свойственна жандармской службе.

родным правосознанием справиться с этим потоком дел оказывалось невозможно.

Некоторые из правительственных чиновников приходили к выводу, что следует, пока не поздно, развязать узел земельных отношений на Урале, пойти в этом вопросе на уступки горнозаводскому населению и тем самым обеспечить спокойствие, необходимое для развития горнозаводской промышленности. Эти взгляды нашли выражение в записке пермского вице-губернатора Б. П. Цехановецкого, составленной им в 1902 году. Цехановецкий был новым в Перми человеком, не свывшимся с уральскими порядками²³. В то время развернулись работы по землеустройству в казенных и посессионных горных округах на основе законов 1877 и 1893 годов, и Цехановецкий сосредоточил внимание на частных на праве полной собственности заводах. Он констатировал:

«Земельная необеспеченность и полная земельная зависимость мастеровых от заводоуправлений создает массу аграрных мелких проступков в виде земельных захватов, самовольных поправ и лесных порубок...». Представители местных властей по долгу службы должны постоянно защищать нарушаемые мастеровыми права помещиков-заводовладельцев. В результате они «являются в глазах населения всегдашними защитниками интересов заводоуправлений, что не может не отозваться на доверии к ним сельского населения». «Наконец, земельная необеспеченность и земельная зависимость мастеровых от заводоуправлений создает... удобную почву для успешной революционной пропаганды и опасность для общественного спокойствия...». Вице-губернатор предлагал завершить поземельное устройство мастеровых частных горных заводов независимо от сокращения их деятельности или закрытия (то есть не по закону 3 декабря 1862 года) и для этого издать дополнительный законодательный акт, подобный тем, которые были изданы для казенных и посессионных горных округов²⁴.

Записка Цехановецкого пошла на отзыв главному начальнику Уральских горных заводов и владельцам заводов. Все соглашались, что положение ненормально, что необходимы меры общего порядка, но при этом делали такое количество оговорок, что общее согласие с содержащейся в записке постановкой вопроса теряло всякий смысл²⁵.

Положение дел на Урале заботило и высшие правительственные органы. В 1903 году корреспондент из Перми писал в «Иск-

ре»: «Урал в настоящее время сильно беспокоит правительство. Хроническая распря заводских рабочих и крестьян с графами, князьями и просто Колупаевыми все чаще и чаще приобретает острый характер. Поводов к этому, конечно, масса, так как хищнические инстинкты уральских магнатов до последнего времени не имели границ. Даже русские «законы» их не удовлетворяют и посему подкупы и насилие царят везде. Местное губернское присутствие, не говоря уже о полиции и земских начальниках, толкует законы в угоду магнатам. Да и центральная власть не отставала...». «Так было до последнего времени, — продолжал корреспондент, — но теперь, когда оппозиционное настроение грозит вылиться в бунт, правительство, по-видимому, увидело, какую агитационную роль играют все эти бьющие в глаза отступления от закона»²⁶. Корреспондент писал, как о признаке озабоченности правительства, о приезде на Урал чиновника министерства внутренних дел Г. Г. Савича с ревизией местных учреждений по наделению крестьян и мастеровых землей.

Член совета министра внутренних дел Г. Г. Савич, на материалы которого мы уже ссылались, опытный и деятельный чиновник, сумел рассмотреть дела крестьянских учреждений губернии начиная с 1861 года. Он констатировал, что вообще дел землеустройства бывших крепостных, «начатое почти полвека тому назад, до сих пор не приведено к завершению» и что корни крепостного права «не вполне еще извлечены из Уральского хребта». При этом, по его словам, «дело земельного обеспечения» мастеровых и сельских работников частновладельческих заводов «находится в наихудшем положении», от чего особенно страдают рабочие сокративших действие и закрывшихся заводов²⁷.

Летом 1904 года на Урал был командирован еще один чиновник министерства внутренних дел — помощник управляющего земским отделом С. С. Пестржецкий «для изучения на месте возможных способов устройства быта» горнозаводского населения частных горных заводов. В письме от ГО июня 1904 года, предупреждавшем губернатора о приезде Пестржецкого, необходимость, такого изучения мотивировалась сокращением уральской горной промышленности и закрытием ряда заводов. В мотивировке содержалась существенная для нашей темы деталь: «Некоторые горнозаводчики, как, например, граф Строганов, имея намерение в ближайшем будущем сократить или даже вовсе прекратить деятельность принадлежащих им на Урале на праве собственности горнозаводских предприятий, сами возбуждают вопрос о

дополнительном наделении землей приписанного к их предприятиям населения»²⁸.

Вот те на! Оказывается, сам граф озабочен наделением мастеровых, сам просит министерство внутренних дел помочь ему в этом. Но почему он не может удовлетворить их настоячивых просьб и без помощи министерства? Почему не может быть применен закон 3 декабря 1862 года, предусматривающий как раз случаи сокращения и прекращения заводской деятельности?

Дело в том, что в январе 1904 года Пермское губернское присутствие по предложению министра внутренних дел обсудило вопрос о земельном обеспечении горнозаводского населения частных горных заводов. Это было уже после ревизии Г. Г. Савича и после того, как вице-губернатор Б. П. Цехановецкий развил свои мысли о необходимости срочно наделить мастеровых частных заводов землей. Мнение губернского присутствия оказалось очень решительным. Приняв во внимание, что население поселков частных горных заводов выросло вдвое и что почти треть его не занята на заводах, присутствие сочло, что необходимо применить закон 3 декабря 1862 года ко всем частным заводам, вне зависимости от сокращения или прекращения заводского действия, причем наделить мастеровых по числу наличных душ, так как «наделение землею по числу ревизских душ представляется в настоящее время анахронизмом». В том же духе высказались несколько позже Уфимское и Оренбургское присутствия²⁹.

Тогда же, 31 января 1904 года, Пермское губернское присутствие, после долголетней проволочки, на основании предложения, сделанного указом Правительствующего сената еще 7 декабря 1896 года (!), вновь рассмотрело ходатайство мастеровых Очерского завода, признало его заслуживающим удовлетворения и определило наделить их землей по 6 десятин на наличную душу. Подобные решения присутствие приняло также по делам мастеровых Билимбаевского и Полазненского заводов³⁰. Разумеется, они были обжалованы владельцами в сенат.

У горнозаводчиков возникла общая тревога. Что если придется наделять мастеровых закрываемых заводов по наличным душам?

В министерстве внутренних дел сиятельные помещики-горнозаводчики всегда находили поддержку.

9 июня 1904 года министр В. К. Плеве, который уже перевел чрезмерно активного Цехановецкого в более спокойную губернию, в письме к пермскому губернатору А. П. Наумову разъяс-

нил, что постановление присутствия по делу Очерского завода ошибочно и что «при отводе наделов должно быть принимаемо в основание не число наличных, а число ревизских душ»³¹.

И в те же дни на место был командирован С. С. Пестржецкий.

В недрах главного управления землеустройства и земледелия и министерства внутренних дел началась разработка законопроекта о наделении земель мастеровых частных горных заводов, которым можно было бы успокоить их и заменить слишком щедрый, по мнению горнозаводчиков, закон 3 декабря 1862 года. Вот граф Строганов (Очерский и Павловский заводы которого начали приносить к этому времени не прибыли, а убытки), а за ним и министерство внутренних дел и заботились о новом законе, который позволял бы закрывать заводы, не терпя большого ущерба в землях.

МОГУЧИЙ УСКОРИТЕЛЬ

Между тем в стране разворачивались события, ускорившие ход истории и, казалось, приблизившие решение аграрного вопроса на горнозаводском Урале.

Тяготы русско-японской войны, неудачи, которые терпели в ней царские армия и флот, усилили революционное брожение в стране. 15 июля 1904 года был убит министр внутренних дел В. К. Плеве, один из самых злостных реакционеров, охотно прибегавший к провокациям для того, чтобы подавить революционное движение. На его место был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, известный своим либерализмом. Царизм, почувствовав, что почва под его ногами колеблется, стал искать союза с буржуазией, и, как показали события конца 1904 года, буржуазия охотно отвечала на заигрывания правительства помещиков, была готова пойти на союз с ним во имя сохранения «спокойствия» в стране.

Рабочий класс помешал этой сделке за его счет.

Всеобщей забастовкой в Петербурге начался 1905, революционный год.

Волны забастовок и демонстраций прокатывались по стране. Возникли первые Советы рабочих депутатов. Начались восстания на флоте и в армии. Поднималась на борьбу деревня. Летом возник Крестьянский союз.

Идиллические (и, как мы видели, глубоко ошибочные) представления либеральных народников о жизни уральских рабочих, якобы застрахованных от бедствий капитализма своей связью с землей, диктовали вывод об их консерватизме. Этот вывод разделяли и некоторые, мало знакомые с Уралом социал-демократы. Когда в России началась революция, высказывалось даже опасение, что Урал может стать русской Вандеей, то есть оплотом контрреволюции.

На III съезде РСДРП, в апреле 1905 года, уральский делегат Дашин (В. Ю. Фридолин) выступил с убедительным опровержением этого опасения. Он говорил, в частности, что буржуазия боится решить в свою пользу аграрный вопрос на уральских заводах и что напряженность аграрных отношений увеличивает революционные настроения в заводской среде. «Давно пора перестать смотреть на Урал, как на отсталый сонный край, не способный двинуться, — утверждал Дашин. — Политическая стачка в Лысьве, многочисленные стачки по разным заводам, разнообразные признаки революционного настроения, вплоть до аграрно-заводского террора в самых разнообразных формах, мелких стихийных демонстраций — все это признаки, что Урал накануне крупного революционного движения. Что это движение примет на Урале форму вооруженного восстания, это весьма вероятно»³².

Забастовки на Урале раньше других разразились на крупных, капиталистически организованных заводах — Чусовском, Лысьвенском, Березниковском содовом, Мотовилихинском. Руководили ими социал-демократы большевики. 14 мая по улицам Перми прошла революционная демонстрация. В Моговилихе возник Совет старост — Совет рабочих депутатов, который возглавили большевики. 10 июля в Мотовилихе, на Вышке, состоялся большой политический митинг, разогнанный казаками. Пермский большевистский комитет РСДРП призвал рабочих к вооружению.

Втягивались в борьбу и коллективы рабочих разбросанных по обширной губернии горных заводов.

Не было спокойно на интересующих нас Очерском и Павловском заводах. Как только до Прикамья докатилась весть о событиях 9 января в Петербурге, голос мастеровых зазвучал тверже. 16 января мастеровой Павловского завода Прохор Ефремович Чазов в лавке, при людях, грозил полицейскому уряднику Рудакову: «Ты должен жить с нами заодно и держать нашу сторону, при выписке нам в разряде вперед денег под работу

предлагать приказчику... Орехову выписывать более... а то прозойдет такой же бунт, как в Петербурге»³³.

В Николин день — 9 мая, когда в Очере происходила традиционная весенняя ярмарка, группа из 15—20 рабочих, собравшаяся на сенной площади, двинулась демонстрацией по главной улице к пруду, причем Федор Прокопьевич Балахонов развернул и нес красное знамя. Демонстранты были разогнаны конной полицией, которая уже появилась к тому времени в Очере³⁴.

Очерские и павловские рабочие добились в 1905 году прибавок к заработной плате на общую сумму 15 тысяч рублей³⁵. Рабочие механического цеха Очерского завода в подкрепление своих требований в конце 1905 года бастовали³⁶.

В августе 1905 года в лесу около Очера была обнаружена прикрепленная к сосне рукописная листовка:

«Крестьяне!

По всем большим городам, селам и заводам теперь бунтуют рабочие и крестьяне, потому что нет терпенья: помещики, кулак» да чиновники грабят и мучают народ. Вы должны тоже бунтовать, чтобы поддержать рабочих: управители, земские начальники, попы, лесничие и полиция делают, что хотят.

Бейте в зубы Ерему и членов *, не платите подати!

Долой самодержавие!

Рабочие»³⁷.

Эта наивная листовка по всем признакам дело рук одного лица.

Революционность уральских рабочих именно в связи с тем, что в этом обширном крае сохранились сильные остатки крепостничества, была нередко примитивной, зачастую в ней доминировал общедемократический протест, ей не хватало пролетарско-классовой сознательности. Это ставило сложные задачи перед социал-демократическими организациями Урала, работавшими к тому же в условиях слабой связи с центром и недостатка интеллигентных сил.

В Очере осенью 1905 года распространялись большевистские листовки³⁸, но своя социал-демократическая организация сложилась там только в начале 1906 года. Летом она выпустила несколько листовок, провела сходки рабочих, работала и среди

---

* «Ерема» — Еремен Николаевич Мальцев, в то время окружной лесничий (свидетельство очерского краеведа А. В. Нецветова), «члены» — видимо, другие члены Очерского окружного правления Строгановского майората.

крестьян и пользовалась возрастающим влиянием, но к концу года считалась разгромленной³⁹.

Однако летом 1907 года Очерская группа РСДРП вновь заявила о себе листовкой по поводу разгона II Государственной думы и нового избирательного закона. Листовка интересна, в частности, тем, что в ней выразительно проявилась сильная общедемократическая струя в рабочем движении на Урале. Старая, идущая от шестидесятых годов XIX века формула революционного народничества — «Земля и воля!» — оказалась в листовке, выпущенной социал-демократической группой в Строгановском феодальном заповеднике, чуть ли не центральной. «Народ хочет земли и воли, а вся земля и воля в руках помещиков», — говорилось в ней. Листовка призывала «организоваться для дальнейшей борьбы за землю и волю вокруг социал-демократической рабочей партии»⁴⁰. И в этом призыве была правда: в России исторический процесс шел так, что покончить с остатками крепостничества, осуществить лучшие чаяния «Земли и воли» и «Народной воли» оказался способен только рабочий класс, возглавляемый своей политической партией.

Под воздействием революционных событий царизм должен был прибегать к новым маневрам. 6 августа 1905 года, в день объявления манифеста о законосовещательной Думе (Булыгичской), наряду с другими мерами, направленными на успокоение страны, император возложил на главное управление землеустройства и земледелия «завершение поземельного устройства горнозаводского населения»⁴¹.

Земельные требования мастеровых все более беспокоили самих горнозаводчиков. Осенью граф Строганов разрешил главному управлению Пермского имения вступить с мастеровыми в переговоры о земле и попытаться достигнуть соглашения с ними⁴². А 24 сентября в предписании своей главной петербургской конторе он написал даже так: «В настоящее время важнее, чем когда-либо, употребить все меры, чтобы ускорить наделение заводских мастеровых землею»⁴³.

Так высказывался не только Строганов.

В ноябре 1905 года Совет съездов горнопромышленников Урала, «обсудив современное тяжелое положение на Урале и все усиливающееся влияние социал-демократической пропаганды на горных заводах», обратился к пермскому губернатору с рядом просьб, в том числе «об оказании содействия скорейшему окончанию поземельного устройства на Урале, так как дальнейшая

затяжка этого важного дела угрожает отягчением и без того уже очень смутного положения на Урале»⁴⁴.

В Совете съездов горнопромышленников Урала разрабатывалась записка о поземельном устройстве, в которой магнаты Урала рисовали себя пламенными сторонниками скорейшего наделения мастеровых землей.

В Строгановском имении дело шло своим чередом.

9 и 10 августа 1905 года состоялись переговоры в Очере «с доверенными мастеровых при особо выбранном комитете от них»⁴⁵. Доверенные согласились на наделение по 6 десятин па ревисскую душу с добавкой еще некоторых участков земли. Расчеты показали, что придется по 7,2 десятины на ревисскую душу. В главной петербургской конторе не спешили подтвердить это соглашение. Больше того, оттуда пришло указание строго учитывать интересы заводов.

Очерские и павловские мастеровые, после манифеста 17 октября, потребовали уже по 9 десятин на ревисскую душу и назначения минимального выкупа — десять рублей⁴⁶. 16 ноября главное управление Пермским имением решилось отправить в Петербург донесение, в котором настойчиво предлагало идти на уступки мастеровым: дать по 9 десятин на ревисскую душу за минимальный выкуп. Без этого, как писало главное управление, «вести дальнейшие переговоры, особенно при нынешнем смутном времени, совершенно бесполезно и небезопасно». «Чтобы успокоить заводское население, необходимы жертвы», — посмели написать из Ильинского⁴⁷.

В Петербурге решили умиротворить мастеровых не реальными уступками, а заявлением графа. Из главной петербургской конторы пришло в Ильинское, в главное управление, письмо с выражением графской воли: «Его сиятельство высказал, что он очень желает в скорейшем времени наделить мастеровых землею, успокоить их, чем сохранить хорошие отношения и улучшить их»⁴⁸.

«Манифест» графа был объявлен мастеровым, но не подействовал на них.

События в стране становились все более бурными. В Москве началось вооруженное восстание. Восстания вспыхнули в ряде городов и заводских поселков страны, в их числе в Мотовилихе, не столь далекой от Очеры.

Строгановской администрации пришлось с этим считаться.

В Пермь для переговоров с доверенными мастеровых отправился сам Сергей Александрович Римский-Корсаков, генерал-

майор, управляющий главной Санкт-Петербургской конторой по делам графа Сергея Александровича Строганова.

23 декабря 1905 года он телеграфировал из Перми:

«Приехал 21. Застал Конюхова, Невзорова, Мальцева, Кузнецова, Филатова, Гилева (руководящий состав находившегося в Ильинском главного управления Пермским имением. — Автор.), выехавших сюда из опасения насилий. Заводы работают. Происходит сильное хищение лесов, особенно в Иньвенском, Очерском, Ильинском округах, насилия над лесной стражей. Положение очень обостренное. Войск нет. Депутаты мастеровых еще не приезжали»⁴⁹. Позже, вернувшись в Петербург, Римский-Корсаков писал графу в Париж, что после того как демонстранты в Перми повели губернатора Наумова, без галosh и шляпы, освобождать арестованных из тюрьмы (то есть после 18 октября), в Перми наступили «полное безначалие и общая растерянность»⁵⁰.

31 декабря начались переговоры с доверенными мастеровых всех заводов. Римский-Корсаков соглашался наделить очерцев и лавловцев по 9 десятин на ревизскую душу. Кыновлян удалось успокоить обещанными уступками. «Гораздо труднее иметь депо с мастеровыми остальных заводов, — писал Римский-Корсаков, — очерские, например, предъявляют желание получить по 12 десятин на наличную душу, что, безусловно, не выполнимо»⁵¹.

Римский-Корсаков обещал договориться с графом о размере возможных уступок.

Уже к отъезду С. А. Римского-Корсакова из Перми положение здесь во многом изменилось. По всей губернии было введено положение чрезвычайной охраны. Жандармерия вылавливала участников подавленного вооруженного восстания в Мотовилихе. 4 января в Пермь прибыл полк оренбургских казаков. Была резко увеличена численность полицейской стражи. Сплачивались силы реакции. 8 января состоялось организационное собрание русско-народной монархической партии⁵².

И в 1906 году с мастеровыми заговорили иначе.

Главное управление Пермским имением, петербургская контора по делам графа С. А. Строганова стали пугать рабочих, что, предоставив им землю, граф закроет заводы⁵³.

Тщетно пытались доверенные очерских и павловских мастеровых связаться с самим графом. Лишь в декабре 1907 года главная петербургская контора написала главному управлению Пермским имением, что на представление по вопросу о наделении очерских мастеровых «его сиятельство положил следующую

резолуцию: «До выяснения законодательным путем самых оснований, на которых будет производиться наделение мастеровых землею, нельзя входить в обсуждение подробностей»⁵⁴.

Тем и закончился благородный порыв графа безотлагательно наделить мастеровых землей. Благородство было порождено страхом перед революционными событиями 1905 года. Прошел страх, укрепились, особенно после 3 июня 1907 года, уверенность в том, что правительство его в обиду не даст, — растаяло и благородство.

В годы первой революции очерские рабочие не были еще достаточно организованы. В требованиях земли они выступали преимущественно старой, сословной организацией — обществом мастеровых, в котором к тому времени были и хозяйчики кустарных мастерских, и торговцы, и подрядчики, часто влиявшие на тон и характер прошений о земле.

Анализируя причины поражения революции, Владимир Ильич Ленин не обходил и слабостей рабочего движения. «Мы видим слабость рабочих (а еще более крестьян), — писал он по поводу событий конца 1905 года, — в том, что они недостаточно решительно, недостаточно широко, недостаточно быстро перешли к наступательной экономической и вооруженной политической борьбе, которая неизбежно вытекала из *всего* хода развития событий...»⁵⁵.

В руках помещиков-горнозаводчиков сохранилась вся их земельная собственность. А в Пермской губернии она, в отличие от подавляющего большинства других губерний, где дворянские поместья в ходе капиталистического развития дробились, переходили в руки купцов и крестьян, к 1905 году по сравнению с 1877 годом (годы переписи землевладений) даже несколько выросла. В 1905 году в руках 99 дворян было сосредоточено 6 миллионов 721 тысяча десятин земли, при этом 6 миллионов 645 тысяч десятин приходилось на долю 52 дворян, среднее землевладение которых составляло, таким образом, 128 тысяч десятин земли. У 77 купцов и почетных граждан было 557 тысяч десятин земли, причем 529 тысяч — в руках 7 купцов и почетных граждан, среднее землевладение которых составляло, таким образом, 76 тысяч десятин. По сравнению с 1877 годом землевладение купцов несколько уменьшилось. Соответственно выросло землевладение торгово-промышленных товариществ (сказался процесс акционирования). 13 таким товариществам в 1905 году принадлежало 1 миллион 449 тысяч десятин земли, причем 1 миллион

448,9 тысячи десятин земли находилось у 9 товариществ, среднее землевладение которых составляло 161 тысячу десятин. В Пермской губернии на долю 52 дворян, 7 купцов и 9 торгово-промышленных товариществ приходилось 8 миллионов 623 тысячи десятин. Эти 68 крупных владельцев имели земли больше, чем 520 тысяч крестьянских дворов в своих наделах и личной собственности⁵⁶.

«Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России», — писал В. И. Ленин в 1907 году, рассматривая возможные пути аграрного развития России⁵⁷. «Помещичья собственность была и остается величайшей несправедливостью», — говорил он позже⁵⁸. На Урале эта несправедливость была вопиющей.

Социал-демократические большевистские организации Ураля помогали рабочим учитывать опыт борьбы. Областная конференция РСДРП, проходившая в феврале 1906 года, обсудив вопрос «Условия жизни крестьянского и горнозаводского населения на Урале», отметила, что переход земель и лесов в руки народа и осуществление свободы горного промысла могут быть достигнуты только революционным путем, и рекомендовала местным организациям «вести агитацию за образование по заводам революционных комитетов, которые в момент вооруженного восстания смогли бы взять власть в свои руки и осуществить эту меру в полном объеме»⁵⁹.

В конце 1906 — начале 1907 года происходили аграрные волнения в Нижне-Тагильском и соседних посессионных округах. Землеустройство по закону 1893 года, которое проводил Уральский поземельноустроительный отряд, руководимый старшим сыном бывшего пермского губернатора Михаилом Бернгардовичем Струве, затянулось, а закон толковался в пользу горнозаводчиков*. Население Нижне-Тагильского округа пыталось взять дело в свои руки. Оно расширило состав землеустроительных комиссий, которые должны были принять проект надела, комиссии эти вышли из-под попечения земских начальников и под влиянием социал-демократов заявили свои требования, далеко выходявшие за рамки закона 1893 года⁶⁰.

---

* М. Б. Струве закончил свою карьеру на Урале тем, что пошел служить в правление Нижне-Тагильского горного округа, видимо, оценившее его способности.

На Уральской областной конференции РСДРП в феврале-1907 года при рассмотрении вопроса о безработице говорилось, что для ликвидации сохраняющихся на Урале крепостнических отношений необходима конфискация всех земель и заводов, а в момент такой конфискации необходимо, «чтобы выбранные всеобщим голосованием заводские комитеты взяли управление заводами в свои руки»⁶¹.

Вместе с тем эта конференция предложила партийным организациям рассеивать распространенные в уральской заводской среде иллюзии, будто и при существующем строе можно успешно вести крупное заводское производство на кооперативных началах.

Большевики звали к революционной борьбе, которая смела бы горнозаводские латифундии.

А в это время П. Б. Струве, окончательно порвавший с марксизмом и перешедший в лагерь реакции, усиленно проповедовал плодотворность прусского пути развития капитализма, иначе говоря сохранения и постепенной перестройки на капиталистический лад помещичьих имений. Он проклинал в печально-знаменитых «Вехах» все массовые народные движения и призывал к покорности — сейчас уже не законам экономического развития, а монархическому государству.

УРАЛЬСКИЙ ВОПРОС

«Успокоение», которое наступило после подавления революции 1905—1907 годов, не было на Урале ни полным, ни длительным. Уже в 1908 году Урал снова начинает беспокоить царское правительство, на этот раз в связи с особенностями экономического кризиса в его горной промышленности.

Кризис начала XX века оказался для деятелей уральской металлургии полной неожиданностью. Главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский в 1899 году в брошюре «Перспективы уральской горной промышленности» гордо отметил мысль об опасности конкуренции Юга, хотя тот и обогнал Урал. Там промышленная горячка, связанная с открытием Криворожского железорудного месторождения. Но оно скоро будет исчерпано. Рост уральской металлургии носит более ровный и здоровый характер. По расчетам П. П. Боклевского, Юг сможет дать через 10 лет — в 1908 году — лишь 85,5 миллиона пудов чугуна, а Урал на древесном угле — 100 миллионов пудов, в слу-

чае же получения экибастузского кокса и того больше — 158 миллионов пудов⁶².

На очередном съезде, в 1901 году, уральские горнопромышленники, как сообщалось в отчете, «поделились друг с другом приятными впечатлениями касательно текущего положения уральской железной промышленности». Считавший себя знатоком уральского горного дела В. Д. Белов выступил в Обществе для содействия российской промышленности с докладом, в котором утверждал, что причина кризиса — в «европеизме» южной металлургии и что Урал, в отличие от Юга, располагает «прочной организацией русских предприятий, не боящихся никаких европейских кризисов»⁶³.

Действительно, на Урале затруднения в сбыте почувствовались несколько позже. Когда же кризис наступил, он оказался здесь несравненно более глубоким и длительным. В то время, как Юг уже переживал новый крутой подъем, на Урале производство исходного продукта — чугуна — продолжало падать. Позорно плохим пророком оказался главный начальник Уральских горных заводов Боклевский. В 1908 году (прогноз на который он делал) Юг дал 117,4 миллиона пудов чугуна, а Урал только 35,8 миллиона пудов, значительно меньше, чем десятилетие назад⁶⁴. И в 1908 году в новой своей брошюре «О мерах к развитию уральской горной промышленности» П. П. Боклевский, не вспоминая о своих прежних прогнозах, с горечью констатировал: «С 1901 года на Урале начался затяжной кризис в железной промышленности, который продолжается и до сих пор»⁶⁵, и говорил о Юге как об опасном и могучем сопернике. Таким же плохим диагностом оказался В. Д. Белов: рушились как раз специфически уральские предприятия, заводы с «барскими замашками», как тогда говорили. Новый же подъем железоделательного и чугуноплавильного производства на Урале принесли капиталистически организованные, либо реорганизованные на капиталистической основе металлургические предприятия.

Уральские горнопромышленники стали на своих съездах и в записках жаловаться на кризис, на конкуренцию Юга, выпрашивать помощи и защиты у правительственных органов.

Правительство беспокоили не только эти просьбы. К 1908 году положение в горнозаводских округах Урала вновь обострилось. 19 октября 1908 года пермский губернатор А. В. Болотов обратился к министру внутренних дел П. А. Столыпину с докладной запиской, в которой рисовал достаточно правдивую картину.

«За последние годы в горной промышленности на Урале замечается прогрессивный упадок, очень печально отражающийся на экономическом положении населения. За короткий период времени сократили действие обширные заводы Сысертского округа — Д. П. Соломирского и наследников Турчанинова и Кыштымского округа — Кыштымского акционерного общества. Затем в не менее обширных заводах Сергинско-Уфалейской товарищества за три последние года расчеты с рабочими все время производились неаккуратно, а ныне по делам этого товарищества учреждается администрация. Наконец, ныне задерживаются расчеты рабочих и служащих в огромных, главнейших на Урале Нижне-Тагильских заводах наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато, считавшихся до сего самыми богатыми и устойчивыми»⁶⁶.

Да, пошатнулся даже Нижне-Тагильский горный округ. На ней к середине 1909 года висело не менее 12 миллионов рублей долга⁶⁷. А об этом округе на Урале сложилась поговорка: «Все можно сделать, нельзя только Тагил разорить»⁶⁸.

Страдали прежде всего рабочие. Выдача заработка задерживалась месяцами, его выдавали купонами в заводские лавки и лавки частных торговцев, наконец — просто железом, залежавшимся на заводских складах. Катастрофически росла безработица.

Настроение рабочих вновь стало сильно беспокоить губернское жандармское управление. Оно, «в целях предупреждения волнений», предприняло своими силами обследование положения на заводах. Хотя на вопросы управления от полицейских чинов поступило много просто бестолковых ответов, в 1910 году была сочинена докладная записка, не очень грамотная, но содержащая некоторые верные наблюдения. В ней констатировалось развитие «крайнего недовольства в среде заводского населения», причина которого не только тяжелое положение заводоуправлений, «но также и крайне несправедливое, а подчас и незаконное отношение этих заводоуправлений к рабочим, совсем не считаясь с их полной необеспеченностью». В записке говорилось, «что обозленная натура горнозаводского рабочего... естественно поддается подмывающей мстительной проповеди даже доморощенного социалиста...» А есть не только доморощенные, — замечали жандармы дальше в своем обзоре, — в губернии много политических ссыльных, уследить за поведением которых практически невозможно»⁶⁹.

Словом, губернские власти в 1908—1910 годах стали повторять мотивы, уже известные нам по документам конца XIX — первых лет XX века.

Урал становится в 1908—1910 годах предметом внимания в столице—Петербурге. В 1908 году Общество горных инженеров в Петербурге слушает и обсуждает доклад горного инженера П. А. Голубева «К вопросу о современном положении уральской железной промышленности»⁷⁰, в марте 1909 года императорское Русское техническое общество — доклад С. Фармаковского «Горнозаводские дела Урала»⁷¹, в октябре 1909 года Общество горных инженеров — доклад инженера В. Я. Александрова о положении уральской промышленности⁷².

В связи с запросами в Государственной думе и рекомендациями группы ее депутатов министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев, заинтересованный в том, чтобы успокоить общественное мнение, командировывает летом 1909 года на Урал профессора-экономиста И. Х. Озерова и горного инженера А. Н. Митинского⁷³. Быстро вернувшись из поездки (Озеров пробыл на Урале меньше месяца), они дают статьи и интервью московским и петербургским газетам. Митинский тотчас же выпускает книгу «Горнозаводский Урал», Озеров чуть позже — книгу «Горные заводы Урала». В начале 1910 года на нескольких заседаниях Общества горных инженеров в Петербурге по докладу А. Н. Митинского обсуждаются его выводы и выводы профессора Озерова⁷⁴.

Недавно оскандалившийся, но легко меняющий свои взгляды знаток Урала В. Д. Белов выступает с серией статей, а затем, в 1910 году, с книгой «Кризис уральских горных заводов». Местный реакционный деятель Л. Е. Воеводин отвечает И. Х. Озерову и А. Н. Митинскому на их предложение ликвидировать окружающую систему хозяйства книгой «Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии», в которой вопреки неоспоримым фактам прославляет старый, крепостнический строй этой промышленности и призывает вернуться от мареновского производства железа к кричному⁷⁵. Статьи о кризисе уральской горной промышленности появляются в толстых журналах, столичных газетах и в большом обилии — в местной уральской печати.

В 1909 году уральские дела дважды обсуждаются в Государственной думе: 30 апреля в связи с разъяснениями министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева на запрос о зло-

употреблениях в расчетах с рабочими в Нижне-Тагильском горном округе⁷⁶ и 16 октября в связи с запросом о залоге в кредитных учреждениях посессионных земель⁷⁷. Оба запроса были сделаны больше чем за год до этого группой депутатов социал-демократов и трудовиков. Разумеется, обсуждение в третьиоюньской Думе этих запросов практических результатов не дало.

Нового в анализ положения уральской горной промышленности все эти обсуждения и литературные выступления не внесли. Читателю, знакомому с ленинским «Развитием капитализма в России», они дают только дополнительный фактический материал.

Неосуществленность или незаконченность реформы 1861 года на Урале признают многие занимающие официальное положение лица.

Об этом пишет в 1908 году ревизор главного управления землеустройства и земледелия М. Б. Струве: «Мастеровые. Этот разряд населения... в настоящее время представляется земельно неустроенным, продолжая пользоваться земельными угодьями или безденежно или в форме годичных аренд»⁷⁸.

Это в том же 1908 году признает Пермское губернское присутствие, рассмотревшее в административном заседании 26 апреля материал о земельной обеспеченности мастеровых частных горных заводов⁷⁹.

Об этом пишут приезжавшие на Урал профессор Озеров и горный инженер Митинский. И. Х. Озеров: «Была сделана на Урале большая ошибка: население до сих пор не наделено землей»⁸⁰. А. Н. Митинский: «Вся беда земельного вопроса Урала состоит в том, что ликвидация крепостных отношений в нем произведена неудачными специальными законами, а в главной части просто еще не произведена»⁸¹.

«Отличие в порядке землеустройства горнозаводского населения от других разрядов населения заключалось в том, что оно... землеустройства не получило вовсе», — признал в 1910 году Совет съездов горнопромышленников Урала в докладной записке о наделении мастеровых частных горных заводов⁸².

Мы не говорим здесь уже о демократической печати, для которой признание крепостнического характера отношений на горнозаводском Урале стало к этому времени общим.

Даже на столбцы официальных «Пермских ведомостей» проникают «крамольные» мысли. В статье «Чем болеет Урал», появившейся в газете в начале 1910 года, писалось так:

«Свободный труд здесь, на Урале, не существовал и о нем боялись говорить, а боялись потому, что боялись лишиться рабочих рук. Такое положение вещей продолжает быть и до сего времени, главным образом, у большинства на частновладельческих заводах. Для посессионных заводов хотя и действует закон 19 мая 1893 года, но мастеровые еще далеко землей не наделены. Наделение населения казенных горных округов далеко не закончено. Словом, и там, где, казалось бы, настал момент ликвидации земельных отношений между заводовладельцами и населением, все-таки до окончательного раскрепощения населения еще далеко»⁸³.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ЗАКОНЫ;

Казалось бы, все говорит о необходимости срочно наделить, землей горнозаводское население, особо позаботившись о мастеровых частных на праве полной собственности заводов. Признают такую необходимость представители властей. Признают ее горнозаводчики. Все более настойчиво требуют земли мастеровые.

28 марта 1910 года 33 члена Государственной думы внесли «Законодательное предположение о наделении землей уральских мастеровых и сельских работников казенных, посессионных и частновладельческих горных заводов».

О положительной работе в III Думе для социал-демократов-большевиков не могло быть и речи. Но В. И. Ленин считал целесообразным систематическое противопоставление в Думе реакционной правительственной политике требований социал-демократической программы-минимум, особенно по вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс, — рабочему и аграрному — и использование права внесения запросов и законодательных предположений.

Запросы и законодательные предположения могли вноситься не менее чем тридцатью депутатами. А социал-демократическая фракция в III Думе, избранной на основании реакционного третьейиюньского закона, в обстановке террора, далеко не достигала этого числа. В. И. Ленин считал возможными и целесообразными выступления социал-демократической фракции вместе с трудовиками — «Трудовой группой» в Государственной думе, представлявшей мелкобуржуазную демократию.

Таким совместным выступлением и было указанное законодательное предположение, получившее в печати название «Уральского земельного законопроекта». Активно готовили его депутаты Думы от Пермской губернии — примыкавший в те годы к большевикам социал-демократ Н. М. Егоров и трудовики К. М. Петров (Петров 3-й) и Ф. Ф. Кондратьев.

Законопроект, назначение которого было агитационным, имел большую вступительную часть. В ней рисовалось тяжелое положение рабочих и крестьян Урала и критиковались исходящие от горнозаводчиков и из правительственных кругов предложения об урегулировании земельного вопроса на Урале. Корень зла законопроект усматривал в сохранении крепостнических пережитков. «Воспитанная на почве крепостнических отношений и продолжающая питаться ими уральская горнозаводская промышленность в корне парализована этим строем крепостнических отношений. Перестройка в основе того экономического базиса, на который она опирается, единственно в состоянии оживить ее, привлечь новые капиталы и вместе с тем дать почву для горнозаводского населения в его борьбе за лучшие условия существования»⁸⁴.

Законопроект предлагал довести надел покосной и пахотной земли до 8 десятин на наличную душу и дополнительно дать по 2 десятины выгона и по 3 десятины леса, всего, следовательно, по 13 десятин на наличную мужскую душу, причем всему горнозаводскому населению — и мастеровым и сельским работникам — всех горных округов.

Уральский земельный законопроект не был принят всерьез большой прессой. Писали о нем мало. Все же благодаря «Звезде» и местным уральским газетам, отнесшимся к нему с заинтересованностью, он стал известен.

Член III Государственной Думы Н. М. Егоров выступил а большевистском журнале «Просвещение» со статьей, в которой затрагивал этот законопроект. Он писал, что законопроект породил у некоторых уральских работников надежды на широкое наделение землей, в связи с чем раздаются голоса о нецелесообразности в настоящее время для рабочих идти на применение закона 3 декабря 1862 года, по которому можно получить значительно меньше земли.

«Но нужно ведь понимать, — писал Н. М. Егоров, — что решение таких социальных вопросов, как увеличение земельной площади безземельного и малоземельного крестьянства, лежит

не столько в недрах законодательных учреждений, сколько, прежде всего, в недрах самого народа и зависит, главным образом, от его самостоятельности и организованности». «Принимая во внимание современное политическое положение масс, с одной стороны, и социальный состав Государственной думы, с другой, с уверенностью надо сказать, что справедливые требования населения в законодательных учреждениях не пройдут»⁸⁵. Автор статьи советовал поэтому там, где это представляется возможным, «вырывать из цепких рук заводоладельцев те земельные площади, которые дает нам этот закон», то есть закон 3 декабря 1862 года.

Законодательная инициатива III Государственной думы была, как известно, на практике крайне ограничена. Законопроекты, исходившие от левых фракций, легко замораживались с помощью октябристов, да и кадетов, в многочисленных подкомиссиях и комиссиях. Так произошло и с Уральским земельным законопроектом. Его похоронили в земельной комиссии, которая не решилась прямо отвергнуть проект, но заявила, что его следует привести в соответствие с законами... 1861 года.

Но был же другой законопроект! Совсем не «левый». Задуманный еще до революции 1905—1907 годов самим министерством внутренних дел. Где же он?

Разработка его началась в междудеятельственной комиссии при главном управлении землеустройства и земледелия в конце 1904 года, когда были получены материалы и мнения от губернских присутствий, и, под влиянием революционных событий, шла довольно быстро — к 1906 году проект был готов.

Он испугал заводоладельцев. Предоставим изложить дальнейший ход событий газете «Новое время», которую никто не заподозрит в стремлении оклеветать горнозаводчиков и государственный аппарат. Она писала в начале 1910 года:

«Само собой, что чувство самосохранения заставило заводоладельцев пойти на все, чтобы законопроект этот был отвергнут. Все средства, вплоть до приглашения за плату в качестве юрисконсульта влиятельного лица из состава комиссии, были пущены в ход. Эти шаги не остались безрезультатными. Наступило общее «успокоение». Перестала спешить и комиссия. После долгих обсуждений, в течение которых юрисконсульт исправно продолжал получать свое жалование от казны и заводчиков, наконец состоялось соглашение...»⁸⁶.

Внешне задержка законопроекта была обставлена прилично.

«В междуведомственном совещании, созванном в начале 1907 года... по вопросу об урегулировании земельных отношений между владельцами и населением частновладельческих горных округов на Урале, возникли разногласия при рассмотрении окончательной редакции проектируемого закона о землеустройстве названного населения»⁸⁷. Причину разногласий усмотрели в отсутствии достаточных данных о фактическом землепользовании мастеровых. Вот тогда-то уже известный нам начальник Уральского землеустроительного отряда М. Б. Струве был произведен в ревизоры землеустройства и отправлен в новом чине в длительную командировку на Урал. Министерство финансов со своей стороны разработало пространную программу вопросов на эту тему и запросило от губернских присутствий материалы и заключения по ней. Губернские присутствия должны были, в свою очередь, собирать сведения от земских начальников, а те — от заводов и волостных правлений⁸⁸.

Лишь в начале 1910 года междуведомственная комиссия закончила разработку законопроекта. Изучение фактического землепользования мастеровых показало, что размеры его очень невелики. Поэтому в новом варианте законопроекта намечалось, аналогично законам 1877 и 1893 годов (касавшимся казенных и посессийных округов), прежде всего закрепить фактическое землепользование.

По проекту в состав надела включались находившиеся в фактическом пользовании мастеровых лашни, покосы и усадьбные земли, а сверх того, в возмещение сервитута, то есть права пользования лесом и другими угодьями, которое обычай установил за мастеровыми, по 3 десятины земли на наличную душу, из которых от 1 до 2 десятин с лесом. Получалось примерно по 4 десятины на наличную душу⁸⁹.

На состоявшемся 10—11 мая 1910 года XV съезде горнопромышленников Урала представители главного управления землеустройства и земледелия и министерства внутренних дел изложили проект закона. Он встретил решительный отпор. «Князь Абамелек-Лазарев заявил, что как владелец он считает свои права сильно преуменьшенными и нарушенными, а права населения — расширенными. По его мнению, согласиться на подобный проект заводоуправляющие не могут: это было бы равносильно самоубийству...»⁹⁰.

Горнопромышленники Урала взяли обратно делавшиеся ими ранее уступки голодающим по их вине мастеровым. В резолюции

откровенно говорилось: «Съезд признает ныне положительно неприемлемым все те широкие отступления от закона 1861 года в пользу расширения наделения населения, которые были сделаны заводчиками»⁹¹.

Время шло. Проект уточнялся и дорабатывался. Горнозаводчики твердо проводили политику саботирования его.

Правда, их беспокоило толкование закона 3 декабря 1862 года, которое стал давать Правительствующий сенат (речь об этом пойдет дальше). И в 1912 году на своем XVII съезде горнопромышленники Урала, оспаривая правомерность сенатского указа, энергично настаивали на издании нового закона.

Но тут выяснилось выразительное обстоятельство. Слово взял чиновник министерства внутренних дел, понаторевший в делах горнозаводского землеустройства, А. С. Кривошеков, который сказал: «Что же касается проекта о поземельном устройстве мастеровых частных горных заводов на Урале, который имеется в министерстве внутренних дел, то названный проект задерживается ввиду неполучения министерством подписки от заводчиков о согласии их на издание упомянутого законопроекта»⁹².

Осенью 1912 года эта комедия повторилась на экстренном съезде горнопромышленников Урала. Участники съезда вновь требовали скорейшего издания закона⁹³.

«Смешно говорить о «праве», когда помещики и издают законы, и применяют или отменяют их на практике», — писал В. И. Ленин в 1913 году в статье «Замечательное дело»⁹⁴.

Эти слова Владимира Ильича вполне подходят к истории создания закона о поземельном устройстве мастеровых частных горных заводов Урала. Все же конкретным поводом для них послужил не новый закон, о котором только что говорилось, а старый — закон 3 декабря 1862 года и практика его применения.

*Суд правый кривого
дела не выправит, а
кривой суд правое*

скривит.
Русская пословица

*В России мертвое пра-
вительство, не подле-
жащее к общему вос-
кресению.*

*Адриан Пушкин.
1866 год.*

В ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМ СЕНАТЕ

Тяжебные земельные дела павловских, очерских, билимбаевских и других мастеровых поступали на окончательное решение в Правительствующий сенат.

Сенат, созданный Петром 1, давно утратил главенствующее значение среди государственных учреждений, но удерживал за собой функцию «хранителя законов, пекущегося о повсеместном соблюдении правосудия» (так обычно формулировалось его назначение). Он служил высшим органом суда и надзора.

Весь государственный механизм царской России двигался крайне медленно. Правительствующий сенат даже на этом фоне выделялся своей медлительностью. Заседали в нем понаioresшие в делах управления люди, в большой своей части находившиеся в почетной отставке. Частенько сенат и называли богадельней для престарелых сановников. Они любили поворчать на легкомыслие «молодых».

В начале XX века в сенате ско-

пились десятки дел (по просочившимся в печать сведениям — до ста), связанных с применением закона 3 декабря 1862 года «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов». Главным оказалось дело мастеровых Павловского, графа Строганова, завода.

Напомним: 9 апреля 1903 года доверенные мастеровых Павловского завода Сергей Ларионов и Андрей Носов подали адресованную в Правительствующий сенат жалобу на постановление Пермского губернского присутствия, которым оно отклонило ходатайство мастеровых о наделении землей¹.

Дела такого рода решались вторым департаментом сената. Прежде всего подготавливался проект определения. По Павловскому делу проектировалось предложить губернскому присутствию, в случае, если подтвердится сокращение потребности завода в мастеровых, положительно решить вопрос о наделении и наделить землей тех, кто остался без работы.

По правилам делопроизводства второго департамента проект был послан на отзыв министру внутренних дел. 29 января 1905 года министр вернул проект в сенат неподписанным (незавизированным, — как говорится сейчас). В своем отзыве он утверждал, что мастеровые, наделяемые землей по закону 3 декабря 1862 года, должны получать ее по числу ревизских душ. Определение же, предлагаемое вторым департаментом, явилось бы, по мнению министра, «переходом к наделению горнозаводского населения не по числу ревизских душ, а по числу наличных душ»².

Как наделять мастеровых — по числу ревизских или по числу наличных душ? — этот вопрос стал основным.

Что такое ревизская душа? Это человек мужского пола, от младенца до старика, записанный при последней переписи податных сословий в так называемую ревизскую сказку. Дворяне, духовенство, чиновники подушной податью не облагались и ревизиями не охватывались. Ревизии проводились редко. В промежутках между ними нарастал разрыв между ревизской сказкой и действительностью. Записанные в «сказку» умирали, но считались существующими (вспомним «Мертвые души» Николая Васильевича Гоголя), новые рождались, но не принимались в расчет. Сколько трагедий возникало в крестьянской среде в связи со счетом на мужские ревизские души! Но какое дело до этого чиновникам?

Последняя, X ревизия была проведена в 1857—1859 годах,

несколько раньше обычного срока, в связи с подготовкой отмены крепостного права: нужны были уточненные данные о крепостном населении страны. Наделение крестьян землей в 1861—1863 годах и производилось по данным X ревизии, в то время близким к действительности.

Закон 3 декабря 1862 года ни словом не упоминал о ревизских душах. В отличие от положений 19 февраля 1861 года, по которым крестьян следовало наделить землей в ограниченный, двухлетний, срок, он предусматривал возможность наделения мастеровых и в отдаленном будущем — через 10, 20, 30 лет, когда завод закроется или сократит свое действие. Ревизий в России после отмены крепостного права не проводилось.

Начиная с девяностых годов прошлого века уральские мастеровые в прошениях о наделении землей начали подчеркивать: «по числу наличных душ». Это объяснялось не только тем, что по сравнению с семидесятыми и восьмидесятыми годами время последней ревизии отдалилось еще на 10—20 лет, а и общим подъемом рабочего движения. Мастеровые стали смелее заявлять свои требования. И в государственный аппарат начало проникать понимание, что счет на ревизские души — ничем не оправданный анахронизм.

Когда 17 февраля 1905 года второй департамент сената заслушал отзыв министра внутренних дел, среди сенаторов обнаружилось «разномыслие». Большинство согласилось с министром, но необходимых в таких случаях двух третей голосов отзыв министра не собрал. В связи с этим обер-прокурор второго департамента перенес вопрос на решение высшей в отношении департамента инстанции — первого общего собрания сената. Там он был поставлен на рассмотрение лишь 23 ноября 1907 года (то есть через два с половиной года!). 25 сенаторов высказались за наделение павловских мастеровых земель, если подтвердится сокращение заводского действия, и за наделение по числу всех наличных душ, состоящих в обществе мастеровых. 15 сенаторов высказывались также за наделение, но по числу ревизских душ. один — против наделения. 25 сенаторов представляли большинство первого общего собрания, но до двух третей — квалифицированного большинства — не хватало трех человек.

Дело было передано на консультацию в министерство юстиции. Министр юстиции, являвшийся по должности генерал-прокурором сената, вносил в таких случаях свое согласительное предложение, которое подготавливалось консультацией.

25 февраля 1909 года он внес такое предложение. Это был обширный документ, целый юридический трактат, в котором рассматривались два вопроса: что понимать под уменьшением заводского действия и как производить в случае доказанности такого уменьшения наделение мастеровых земель — по числу ревизских или по числу наличных душ.

В предложении было убедительно показано, что под уменьшением заводского действия следует понимать не уменьшение объема продукции или производительности завода, а уменьшение занятости в производстве населения заводского поселка, приписанного к обществу мастеровых, и что наделение землею следует производить в таких случаях по числу наличных, а не ревизских душ. Это доказывалось ссылками на историю подготовки закона 3 декабря 1862 года «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов». Замысел законодателя состоял в том, чтобы обеспечить остающееся без работы горнозаводское население землею и тем самым успокоить его. Такое «успокоение и обеспечение, — говорилось в предложении, — могут быть действительными лишь при условии, если закон... удовлетворит насущные земельные нужды не фиктивного ревизского, а наличного населения»³. По всем признакам в консультации при министерстве юстиции Павловским делом на этом этапе занимались добросовестные люди.

Всего не таким был министр юстиции Щегловитов. Это фигура, характерная для этапа разложения монархического режима. Он готов был служить кому угодно и как угодно, лишь бы ему было выгодно. В годы реакции он был подручным Столыпина. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях справедливо называл Щегловитова лицемерным и беспринципным человеком, большим негодяем и просто проходимцем⁴. В либеральных кругах Иван Григорьевич Щегловитов получил прозвище Ваньки Каина.

Он подписал подготовленное консультацией предложение явно не подумав.

17 апреля 1909 года первое общее собрание Правительствующего сената, рассмотрев предложение, согласилось с ним. За предложение высказалось более двух третей сенаторов, то есть требуемое законом квалифицированное большинство. По статье 117-й учреждения (мы бы сказали — устава) Правительствующего сената решение, принятое в первом общем собрании надлежащим большинством голосов, в согласии с предложением министра

юстиции, почиталось (считалось) окончательным. Если в ряде других случаев министр юстиции, как генерал-прокурор сената, мог, осуществляя свое право надзора, высказать несогласие с решением сената, вернуть дело на новое рассмотрение или перенести его в Государственный совет, то здесь такая возможность была исключена. Оставалось облечь определение сената в форму указа, написанного от имени императора на имя учреждения или лица, которому надлежит его исполнить («Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего сената пермскому губернатору»).

ГРЯЗНЫЕ МАХИНАЦИИ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Однако указ сената был издан лишь через пять месяцев после того, как в первом общем собрании состоялось голосование, а именно 22 сентября 1909 года. Такая медлительность была и для сената исключительной. Кто-то остановил руку генерал-прокурора Щегловитова, который должен был подписать и не имел никаких оснований не подписать указ.

Казалось бы, сразу за указом по делу павловских мастеровых должен последовать указ по делу мастеровых Очерского завода, решение которого было отложено сенатом до рассмотрения аналогичного Павловского дела. Да и не только очерских мастеровых: билимбаевских, полазненских и многих других, чьи ходатайства о применении закона 3 декабря 1862 года лежали в сенате годами. Однако таких указов не последовало. И тут произошла странная задержка.

Зато быстро и решительно стал действовать граф Строганов. 2 октября 1909 года он сообщил письмом пермскому губернатору Болотову о своем решении закрыть Очерский, Павловский и Кыновской заводы⁵.

Еще одна и наибольшая странность состояла в том, что Пермское губернское присутствие, которому следовало, во исполнение указа сената, войти в новое рассмотрение дела павловских мастеровых и решить его в соответствии с сенатскими разъяснениями, приняло по предложению губернатора Болотова необычное определение: «Приостановить исполнение указа Правительствующего сената от 22 сентября 1909 года № 6196 по делу Павловского частного графа Строганова завода; о противо-

речи его другим указам представить Правительствующему сенату»⁶.

В своем определении Пермское губернское присутствие сослалось на статью 198-ю учреждения Правительствующего сената. Эта статья гласила: «Указы сената исполняются всеми подчиненными ему местами и лицами как собственные Императорского Величества, и один Государь или именной его указ может остановить сенатское повеление. Но если место или лицо подчиненное в двух одинаковых делах усмотрит разноречащие предписания сената, то, не чиня исполнения, докладывает о том сенату, который имеет такие дела, с объяснением своих решений, вносить к Императорскому Величеству»⁷.

Ссылка придавала определению присутствия лишь видимость законности.

Дело в том, что Пермское губернское присутствие не получало указов сената, с которыми, хотя бы по видимости, вступал в противоречие указ 22 сентября 1909 года. Присутствие ссылалось на указы губернаторам других губерний — Орловской и Владимирской. Эти указы не посылались в Пермскую губернию и нигде не публиковались.

Представление Пермского губернского присутствия в сенат по поводу противоречия указа от 22 сентября 1909 года другим сенатским указам и вся последующая история были комедией, разыгранной правительственными учреждениями и должностными лицами, в том числе самыми высокопоставленными в Российской империи. Эта комедия оборачивалась трагедией для павловских, очерских, кыновских, билимбаевских и многих, других уральских мастеровых. Именно для этого она и была разыграна.

Пермское губернское присутствие приняло свое решение задержаться с исполнением указа сената по делу павловских мастеровых, как значилось в документе, представленном в сенат, 3 ноября 1909 года.

Но в этот день (что было с несомненностью установлено в скором времени) никакого заседания присутствия не происходило. Присутствие вообще не обсуждало вопроса об исполнении указа сената по Павловскому делу. Журнал присутствия, содержащий пространные рассуждения и определение по этому вопросу, был написан по приказу губернатора между 8 и 11 ноября, помечен задним числом и дан на подпись лишь некоторым, во всем покорным яли ко всему равнодушным членам присутствия.

И губернатор действовал не по своей инициативе.

3 октября в Пермь на имя губернатора пришла телеграмма министра внутренних дел П. А. Столыпина (он же был и председателем совета министров) следующего содержания:

«В силу противоречия указа первого общего собрания по делу Павловского частного графа Строганова заводу целому ряду других указов прошу приостановиться его исполнением и внести дело в губернское присутствие для дальнейшего направления в порядке ст. 198 учр. сената. Необходимый материал высылается почтой»⁸.

17 октября 1909 года управляющий земским отделом министерства внутренних дел Литвинов препроводил пермскому губернатору этот необходимый материал: копии трех указов сената, посланных в свое время орловскому и владимирскому губернаторам, и примерный рапорт, который губернатору следовало представить в сенат.

Губернатор А. В. Болотов не сразу выполнил распоряжение своего могущественного шефа — Столыпина. Он колебался. По каким мотивам? Сказать об этом можно только предположительно. Александр Владимирович Болотов был представителем старинного дворянского рода*. Возможно, жило в нем представление о чести и не хотел он превращаться в столыпинского лакея. Понимал он, кроме того, что дело, затеянное Столыпиным, — рискованное, всплывет история наружу — в каком неприятном положении он окажется. Как-никак в обман вводится сенат.

Конец колебаниям положила телеграмма товарища министра внутренних дел Лыкошина, отправленная пермскому губернатору 7 ноября: «Благоволите телеграфировать исполнена ли и когда телеграмма министра № 1628»⁹.

Губернатор понял, что из министерства за ним внимательно следят, и распорядился написать по полученному оттуда проекту журнал губернского присутствия. «В книгу для записи вносимых на рассмотрение губернского присутствия дел это дело было внесено задним числом под датой 3 ноября, как бы при действительном заседании, тогда как на самом деле в этот день никакого

---

* Он потомок Андрея Тимофеевича Болотова, видного русского ученого и писателя второй половины XVIII—начала XIX века, одного из основоположников русской агрономической науки, известного своими записками «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков».

заседания не было», — говорится в заслуживающем доверия документе¹⁰.

В том же ноябре губернатор Болотов отправился в Петербург и там подал в отставку¹¹. Позже, на досуге, он отводил душу в язвительных замечаниях по поводу «волевых людей», не понимающих ни русской деревни, ни задач государственного аппарата¹².

В сенате возникло новое дело: «По встреченному Пермским губернским присутствием затруднению в исполнении указа Правительствующего сената по первому общему собранию от 22 сентября 1909 года по делу Павловского графа Строганова горного завода».

Даже независимо от дальнейшего течения событий задача, поставленная Столыпиным, была частью выполнена: решение вопроса основательно задержано. Газеты писали позже, что телеграмме Столыпина в Пермь предшествовал визит к нему владельца Павловского и других заводов графа Строганова¹³. Управляющий главной конторой графа Римский-Корсаков опровергал этот факт¹⁴.

Несомненно, ход дел в сенате был известен горнозаводчикам. Главноуполномоченный С. А. Строганова по промышленным делам М. В. Бардинцев сообщал в одном из донесений графу, что определение первого общего собрания сената по делу мастеровых Павловского завода уже состоялось, и неблагоприятное: наделять по наличным душам. «Указ сената еще не объявлен, но главной конторе известен частным путем». Он обращал внимание на общую сторону дела: «Указ этот будет иметь огромное принципиальное значение для горных заводов»¹⁵.

Горнозаводчики всполошились и с помощью министра внутренних дел сумели задержать издание указа и его исполнение. Контакт между Строгановым и Столыпиным был, возможно, не непосредственным, но полным.

В. И. Ленин, рассказывая в 1913 году обо этом этапе «замечательного дела», писал:

«Произошло то, что помещики пожаловались землевладельцу Столыпину, который был тогда министром внутренних дел. По закону, сенат — выше министра внутренних дел, но Столыпин «нажал на закон» и послал пермскому губернатору телеграмму: приостановить исполнение указа сената!

Губернатор приостановил. Пошла новая переписка. Новая волокита»¹⁶.

Вслед за рапортом пермского губернатора в сенат поступил рапорт министра внутренних дел. Ссылаясь на полученное от пермского губернатора донесение, Столыпин выдвигал предложение «испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на отмену указа 1-го общего собрания Правительствующего сената от 22 сентября 1909 года № 6196»¹⁷.

12 марта 1910 года первое общее собрание рассмотрело представление Пермского губернского присутствия. 36 сенаторов решительно высказались за отклонение его и сделали по этому поводу особое заявление, в котором мотивированно указали на незаконность действий губернского присутствия и министра внутренних дел. 13 сенаторов сочли мнение присутствия «заслуживающим уважения».

Определение первого общего собрания подлежало просмотру министра юстиции, как генерал-прокурора сената. Щегловитов не согласился с ним и внес на рассмотрение сената свое предложение.

Оно представляет еще одну странность в течении дела павловских мастеровых.

Все то, что утверждал министр юстиции в своем предложении сенату год с небольшим назад, он теперь отрицал. Столь же обстоятельно, как там доказывалась необходимость наделять мастеровых по числу наличных душ, здесь доказывалось, что единственно законным и правильным является наделение по числу ревизских душ. Министр юстиции приходил к выводу, что следует поощрить внимательность, с которой отнеслось к делу Пермское губернское присутствие, что указ сената от 22 сентября 1909 года (принятый по его, министра, предложению), несомненно, надо отменить.

Поворот был сделан на сто восемьдесят градусов.

15 октября 1910 года первое общее собрание сената рассмотрело это предложение. 27 сенаторов остались при старом мнении — представление Пермского губернского присутствия незаконно. 13 сенаторов согласились с предложением министра юстиции. От 10 сенаторов (подозрительно большое число!) мнение не было по разным причинам отобрано (в сенате голосование происходило путем отбора мнений — сенаторы расписывались на опросном листе, содержавшем формулированные канцелярией и первоприсутствующим предложения).

Попытка Щегловитова добиться от сената пересмотра определения и указа по Павловскому делу все же не удалась.

СТОЛЫПИН ТЕРПИТ НЕУДАЧУ. ГОРНОЗАВОДЧИКИ НЕ СДАЮТСЯ

Когда в общих собраниях сената не составлялось узаконенного большинства голосов (двух третей) или когда с определением собрания не соглашался министр юстиции в качестве генерал-прокурора сената, дело следовало передать на высочайшее (то есть императорское) усмотрение через Государственный совет. Туда Павловское дело и перешло¹⁸

Первый департамент Государственного совета (департамент законов), рассмотревший это дело 8 марта 1911 года, сосредоточил все внимание на законности применения в данном случае статьи 198-й учреждения Правительствующего сената. Он подчеркнул, что решающее значение имеет первая часть 198-й статьи, в которой говорится, что указы сената исполняются так же беспрекословно, как указы самого императора. Поэтому второй части статьи, допускающей приостановку в исполнении сенатского указа, не может быть придано расширительного толкования. «Буквальный смысл правила, выраженного в последней части статьи 198-й, не оставляет сомнений в том, что ею разумеется лишь тот совершенно исключительный случай, когда одно и то же подчиненное лицо получит по двум одинаковым делам, подлежащим исполнению, разноречивые предписания сената и тем поставлено будет в затруднение относительно их исполнения»¹⁹. Иное, более широкое толкование поставило бы сенат под контроль подчиненных ему учреждений. Пермское же губернское присутствие не получало двух противоречащих друг другу указов сената по одинаковым делам. Ничто не затрудняло присутствию исполнения указа от 22 сентября 1909 года.

Первый департамент Государственного совета «положил»: «За неправильным применением статьи 198-й учреждения Правительствующего сената постановление Пермского губернского присутствия по настоящему делу, состоявшееся 3 ноября 1909 года, отменить, предписав означенному присутствию в точности исполнить указ Правительствующего сената по первому общему собранию от 22 сентября 1909 года № 6196»²⁰.

2 апреля 1911 года, в Царском Селе, императору были доложены дела, решенные первым департаментом в последних его заседаниях.

4 апреля государственная канцелярия препроводила министру юстиции «высочайшее повеление», в котором говорилось:

«Его Императорское Величество воспоследовавшее положение в первом департаменте Государственного совета по делу, возникшему вследствие встреченного Пермским губернским присутствием затруднения в исполнении указа Правительствующего сената по первому общему собранию от 22 сентября 1909 года № 6196 по делу Павловского графа Строганова горного завода Оханского уезда, высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить»²¹.

Так закончилась затеянная Столыпиным попытка обманном путем обойти высший орган суда и надзора, навязать ему свое толкование закона. Столыпин, человек твердой воли и неотступной настойчивости, «сильная личность», «русский Бисмарк», получил щелчок по носу.

Как могло это произойти?

Самоуверенность Столыпина оказалась чрезмерной. Его подвели. И небольшие люди. Подвел пермский губернатор Болотов, исполнивший предписание, но преждевременно вышедший из игры. Подвели какие-то чиновники из Пермского губернского присутствия или из канцелярии губернатора, которые «вынесли сор из избы». Определенную роль сыграл поверенный павловских и очерских мастеровых — знающий, опытный, бойкий, корыстолюбивый и сам взятки дававший юрист Н. П. Жилинский. Сенату при первом же рассмотрении представления губернского присутствия, 12 марта 1910 года, было ясно, что дело тут неладно: указы, на которые ссылалось присутствие, посылались не пермскому губернатору и без чьей-то передачи в Перми не могли быть известны. А через полгода — 11 октября — Жилинский, раздобыв в Перми документы, в своем «дополнительном прошении» сообщил сенату о закулисных махинациях, совершенных в Перми по приказу Столыпина²². Было это как раз перед 15 октября, когда в первом общем собрании сената происходило голосование по новому согласительному предложению Щегловитова, продиктованному из министерства внутренних дел. Документы из Перми вместе со всем производством по делу павловских мастеровых перешли в Государственный совет.

В твердой позиции, занятой большинством сенаторов, помимо принципиальных соображений (сохранения спокойствия в империи), сказались и соображения ведомственного достоинства: их — господ сенаторов — мнением пытаются играть какие-то выскочки — Столыпин (он сделал быструю карьеру) и Щегловитов, известный столпинский угодник?! Этого нельзя допустить!

А Государственный совет? Неужели он не мог пощадить престиж премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина? А сам государь император, утвердивший такое неприятное для Столыпина «положение» Государственного совета?

Тут мы должны перейти в область высокой политики.

Напомним: в Государственном совете Пермское дело рассматривалось 3 марта 1911 года.

Буквально накануне, 2 марта, праздновалось, и очень торжественно, двухсотлетие Правительствующего сената. Посвященное этому общее собрание сената проходило под председательством самого императора. Для такого подчеркнута торжественного празднования были основания: столыпинский режим нагайги и виселицы уже изрядно скомпрометировал Россию в глазах европейских буржуазных демократий. Было целесообразно показать, что в России ценится законность и почитается верховное учреждение, призванное ее блюсти. Либеральная печать и оценивала «воспоследовавшее» 3 марта в первом департаменте Государственного совета «положение» как защиту престижа сената.

И это еще не все.

Шел уже 1911 год. Столыпин обещал без ущерба для помещиков обновить Россию, если ему будут развязаны руки для того, чтобы ее «успокоить». Руки ему развязали, и он установил в стране режим террора. Успокоение же оказалось очень недолгим.

Лето и осень 1910 года ознаменовались в деревне множеством пожаров: крестьяне-общинники поджигали хуторян и отрубников — обострилась борьба против той сельской буржуазии, которой Столыпин отдал деревню на поток и разграбление. К концу 1910 года усилилось забастовочное движение. Похороны С. А. Муромцева, бывшего председателя разогнанной I Государственной думы, превратились в стотысячную политическую демонстрацию. Студенческие сходки и демонстрации в связи со смертью Льва Николаевича Толстого были поддержаны на заводах забастовками, собраниями и заявлениями рабочих.

Владимир Ильич Ленин в декабре 1910 года писал: «И мы видим теперь, как после трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции *народные массы*, больше всего угнетенные, придавленные, забытые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу»²³.

Вот главная сила, осложнявшая положение Столыпина.

И начало 1911 года было тревожным. Прошла широкая волна студенческих сходок и забастовок, которую правительству удалось подавить только массовыми исключениями студентов из университетов и институтов.

Где оно, успокоение?

В верхах назревало разочарование в Столыпине, его способности безболезненно для помещиков осуществить необходимый минимум буржуазных реформ.

3 марта первый департамент Государственного совета подержал негодный Столыпину указ Правительствующего сената. А на следующий день, 4 марта, Государственный совет отклонил статью о национальных куриях (разрядах избирателей) в предложенном Столыпиным законопроекте о введении земства в шести западных губерниях.

5 марта П. А. Столыпин подал в отставку. Разнеслись слухи, что отставка будет принята.

Газета «Речь» — кадетский рупор — торжествовала. Ей очень хотелось, чтобы русская политическая жизнь выглядела на европейский манер. Но отставка Столыпина задерживалась, и дело кончилось демонстрацией беззакония: Столыпин, побывав в Царском Селе, добился роспуска на три дня Государственной думы и Государственного совета и провел закон о земстве в западных губерниях в порядке 87-й статьи основных законов, разрешавшей правительству представлять императору на утверждение не терпящие отлагательства законодательные акты во время прекращения заседаний Государственной думы и Государственного совета.

Бурные события — критика в Государственном совете столыпинского законопроекта, его отклонение, отставка Столыпина, его временная победа — поглотили все внимание печати. Когда они миновали, «Речь» и другие либеральные газеты обратились к Пермскому делу. 31 марта «Речь» поместила корреспонденцию «П. А. Столыпин и сенат» и дала передовую статью, посвященную истории сенатского указа. Кадетский орган находил утешение в возможности чем-то уязвить удержавшегося Столыпина.

Положение Столыпина все же не было прочным. Николай II не принял его отставки, чтобы не создать прецедента смены главы правительства в результате расхождения с ним одной из палат российского «парламента»²⁴. Но ни он, ни придворная камарилья уже не ценили Столыпина. И 2 апреля император утвердил неприязненное для председателя совета министров «положение» первого департамента Государственного совета.

Время Столыпина кончалось. Через пять месяцев, 5 сентября 1911 года, он был убит агентом охраны Богровым, и император прекратил расследование этого дела в направлении, которое могло оказаться неприятным для тайной полиции.

На смену Столыпину пришли другие люди.

Стало ли от этого лучше уральским мастерам?

Нет. Даже сознавая, что политика Столыпина заводит государство в тупик, правительство помещиков не было способно ее изменить. Столыпин потерпел в Пермском деле поражение. А граф Строганов и другие уральские помещики-заводовладельцы не считали себя побежденными.

Кажется, после «высочайшего утверждения» задержек в наделении мастеровых земель не могло уже быть.

Сенат, оттягивавший решение Очерского дела, 13 июня 1911 года дал указ пермскому губернатору, которым отклонил жалобу поверенного графа Строганова на определение Пермского губернского присутствия, принятое в 1904 году, и предложил исполнить его, то есть наделить очерских мастеровых земель но числу наличных мужского пола душ²⁵. Сдвинулось с мертвой точки все множество дел о применении закона 3 декабря 1862 года к мастеровым заводам, неспособных обеспечить их работой.

Это, естественно, всполошило горнозаводчиков.

На участвовавших съездах горнопромышленников Урала вопрос о наделении мастеровых стал основным. XVII съезду, проходившему в Петербурге 5—7 марта 1912 года. Совет съездов представил обширную записку «О наделении бывших мастеровых частных горных заводов на Урале согласно закону 3 декабря 1862 года в связи с толкованием сего закона сенатом». В ней сопоставлялся, как юридически необоснованный, принцип наделения по наличным душам и утверждалось, что проведение его в жизнь «может... привести к расстройству многих заводских предприятий Урала»²⁶. Съезд одобрил основные положения доклада.

Совет съездов забросал правительственные инстанции записками, содержащими призыв «защитить» уральскую горную промышленность от опасного разьяснения сената. Обращались прямо к новому премьер-министру В. Н. Коковцеву. Обращались к министрам внутренних дел, торговли и промышленности, финансов, « главноуправляющему землеустройством и земледелием »²⁷.

По традиции наиболее отзывчивым к нуждам влиятельных уральских помещиков-горнозаводчиков оказалось министерство внутренних дел. 16 мая 1913 года недавно занявший пост мини-

стра Н. А. Маклаков обратился к Правительствующему сенату с рапортом, в котором просил разъяснения по множеству вопросов практического применения закона 3 декабря 1862 года²⁸.

В. И. Ленин писал по поводу этого этапа «замечательного дела*»:

«Что же произошло?

Произошло то, что помещики обратились к землевладельцу Н. А. Маклакову, который вместо Столыпина оказался министром внутренних дел. Депутация уральских помещиков «убедила» министра. Министр заявил, что решение сената и Государственного совета «неясно»²⁹.

Но тут произошел случай, в сенатской практике исключительный: рапорт министра был подан 16 мая 1913 года, а уже 7 июня сенат дал на его имя пространный указ, в котором подробнейшим образом, с развернутыми мотивировками, разъяснил все вопросы, связанные с применением закона 3 декабря 1862 года³⁰. Горнозаводчики вновь обратились к Маклакову с просьбой о помощи. Если они не могли одержать разом общей победы и добиться отмены сенатского толкования закона 3 декабря 1862 года, то они одерживали множество частных побед, которые сводили действие закона к нулю. Они вели дело на измор.

Это хорошо видно на примере Очерского округа Пермского имения графа С. А. Строганова.

ГРАФ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ И ЕГО СЛУЖАЩИЕ

Сам Сергей Александрович Строганов жил очень далеко от Очера, преимущественно во Франции — в Париже, где у него был особняк на улице Фрезандери, и в замке Сент-Авентин в департаменте Об.

Русские государственные дела интересовали его все меньше. Он был членом Государственного совета по императорскому назначению, но для него это означало лишь почетное звание.

Дела Пермского имения его тоже не увлекали. Побывав здесь в молодости, в восьмидесятых годах XIX века, он больше сюда не ездил. Дух предприимчивости, свойственный первым появившимся на Урале Строгановым, в нем совсем угас.

Его занимали частные дела. Одно время граф увлекался сооружением яхт, сменил несколько. Одна из первых носила название «Иньва» — память о Пермском имении. На яхтах граф

совершал поездки по Черному и Средиземному морям, холодные воды Балтики привлекали его меньше.

Он был любителем лошадей, держал на Северном Кавказе, в Терской области, хутор «Графский» и в нем конный завод арабских скакунов. Сам ездил в Аравию изучать разветвления этой породы. Вместе с князем А. Г. Щербатовым выпустил отдельно изданную Экспедицией заготовления государственных бумаг «Книгу об арабской лошади». На скачках горячился и, бывало, проигрывал крупные деньги. Увлекали его и охотничьи собаки. Строгановы, получив баронский, а затем графский титул, занимались исследованием своей родословной. В делах графа Сергея Александровича появляются родословные и лошадей и собак.

Граф Сергей Григорьевич, последний крупный представитель рода, сам вникал в дела Пермского имения. Он переписывался с управителями заводов, занимался перемещением приказчиков, любил даже разбираться в прошениях своих крепостных и выступать в роли внимательного и справедливого их повелителя.

Графу Сергею Александровичу, воспитанному на уважении к деду и в молодости подражавшему ему, дела быстро надоели. Он предпочитал оставаться в самом близком окружении и адресовал свои короткие записки и телеграммы почти исключительно управляющему главной конторой С. А. Римскому-Корсакову и главноуполномоченному по промышленным делам М. В. Бардинцеву.

Все чаще в письмах и устных указаниях графа звучал один мотив: деньги, наличные деньги, это единственное, что важно.

Доходы от заводов падали. Продавать землю майоратного имения в обычном порядке нельзя. В этих условиях не так плохо и наделить мастеровых, но чтобы земли дать поменьше, а оценить ее повыше и сохранить за собой лес. Продавать лес для сплава в низовья Волги становилось все более выгодным. Эта операция не требовала ни капиталовложений, ни оборотных средств.

Под гербом графов Строгановых стоял девиз: «Terrain opes patrie sibi pomen»³¹, что в переводе с латинского значит: «Земные богатства — родине, себе — славу».

Девиз был лживым. Строгановы забирали себе и богатства и славу. Но последнего из них — Сергея Александровича — слава уже не прельщала. Только деньги, наличные деньги, которые можно бездумно проживать в далекой от неуютной России благословенной Франции.

Решительно во всех документах, связанных с наделением мастеровых земель, помещики-заводовладельцы обосновывали свою позицию интересами заводов. Мастерским грозили: получите землю, подорвете заводы, останетесь без привычной работы.

Ни десятины земли не получили мастерские Очерского и Павловского заводов ни к 1901, ни к 1911 году. За все пореформенное пятидесятилетие не получили ни десятины прибавки к своему жалкому наделу и кыновские мастерские. Весь лес оставался в полном распоряжении помещика.

А заводы хирели. Строгановские управители жаловались на истощение рудников вблизи Кувинского и Кыновского заводов и лесов вблизи Билимбаевского. Шли поиски руды. Изредка закупался чугун со стороны. Мысль о систематической закупке чугуна отвергалась. Железная дорога Пермь — Котлас, построенная казной во второй половине девяностых годов, миновала Очер. Хотя нынешняя станция Верещагино и называлась в проектах, да и первоначально после постройки, Очерской, она оказалась в 24 верстах от завода. Строгановская администрация не проявила заинтересованности в дороге³². Даже успешное развитие в Очере кустарного производства молотилок не навело на мысль о перестройке самого завода (некоторые металлургические предприятия Урала возродились к новой жизни благодаря переходу на металлообработку и машиностроение). Для всякого обновления нужна энергия. Энергии у графа не было. Подраивались к его настроениям и служащие. Ведь отвечали они перед графом, а не перед мастерскими. Зачем напрасно беспокоить, а может быть, и раздражать графа своими проектами?

Местный автор писал в 1909 году по поводу тяжелого положения заводов графа Строганова, что виной тому «строгановские порядки, насквозь пропитанные бюрократизмом и невероятной, прямо ни с чем несообразной косностью». Он пытался объяснить происхождение этой косности. «Строганов когда-то был королем железного рынка. К нему шли с поклоном, чтобы купить железо. Он определял цену. Королевское положение даром не прошло: не следили за техникой, хозяйство вели нерационально, не имели определенного плана выработки рудных богатств, не заботились о путях сообщения, не считались с будущим. Все внимание строгановского управления уходило на штаты, пенсии, циркуляры»³³.

Он был во многом прав. И чем хуже становилось положение заводов, тем больше служащие заботились о себе: о том, чтобы, дотянуть до пенсии, не остаться без теплого местечка.

О капиталовложениях, необходимых для того чтобы обновить предприятия, с графом не решались и заговаривать. Вложения за счет собственных средств были вообще редкостью среди ситятельных владельцев уральских заводов. Профессор И. Х. Озеров писал, как об исключительном случае, о Лысьвенском заводе: «К чести графа Шувалова надо сказать, что, когда для завода нужны были средства, он заложил свой драгоценный сервиз за 600 тысяч рублей в Лондоне»³⁴. Подумайте, какое благородство, какое самопожертвование: рискнул собственным сервизом для собственного завода!

Граф Сергей Александрович не был способен на такой поступок, хотя далеко не бедствовал: в конце 1914 года его главная контора располагала денежной наличностью в 3,5 миллиона рублей³⁵, кроме того, деньги были и на его личных счетах в русских и заграничных банках.

Лишь на Добрянском заводе был создан мартеновский цех, и его железо стало дешевле и лучше. В Очере и Кыну дальше пудлинговых печей прогресс не пошел. Больше того, там сохранялся (в Очере до самого закрытия завода) кричный способ производства железа, требовавший от рабочего огромного физического напряжения, а от завода большого количества древесного угля.

Железорудная база Кувинского завода истощилась, и в 1909 году завод был закрыт. В связи с увеличением расстояния подвозки руды и древесного угля чугуны Билимбаевского завода становился все дороже. Железодельательные заводы получали его по цене, доходившей до 60 копеек за пуд. Перерабатывать такой чугуны дорогими пудлинговым и кричным способами становилось совсем невыгодно. В Очерском округе железодельательное производство было связано, кроме того, с дорожавшими гужевыми перевозками полуфабриката и изделий.

Строгановские заводы отставали не только от заводов Юга, а и от других уральских предприятий — новых, таких, как Надеждинский и Чусовской, и реконструируемых старых, таких, как Нижне-Тагильский и Лысьвенский.

Спрос на строгановское железо падал. М. В. Бардинцев в сентябре 1909 года доносил графу: «К величайшему моему огорчению я должен довести до сведения Вашего Сиятельства, что кыновское и очерское железо заняло теперь последнее место на уральском рынке». Он жаловался на избыток железа (это в нашей железом стране!), на покупателя, который роется, выбирает

железо получше, избегает пудлинговое: оно ломко, тогда как мартеновское гнется, как перчатка, и «легко выдерживает неумелое и небрежное обращение деревенского кровельщика»³⁶

Выходило, что деревенский кровельщик, а не он, ведающий строгановскими заводами, виноват. Бардинцев предлагал одно: быстрее свернуть пудлинговое производство, чтобы оно не влияло дурно на репутацию строгановского же добрянского железа, изготовлявшегося мартеновским способом.

2 октября 1909 года граф Сергей Александрович Строганов отправил пермскому губернатору следующее письмо:

«Желая прекратить с 1 ноября 1910 года действие принадлежащих мне, как владельцу заповедных имений рода графов Строгановых, входящих в состав оных имений Кыновского, Очерского и Павловского заводов, находящихся в Пермской губернии... считаю долгом довести о сем до сведения и зависящих распоряжений»³⁷.

ХИТРАЯ ПЕТЛЯ

2 октября 1909 года...

22 сентября 1909 года, десятью днями раньше. Правительствующий сенат дал долго ожидавшийся указ по делу мастеровых Павловского завода.

А 3 октября пермский губернатор получил телеграмму Столыпина, предлагавшую «приостановиться исполнением» этого указа.

Что это — случайное совпадение или что-то большее?

Завесу приоткрывает письмо управляющего главной конторой по делам графа — С. А. Римского-Корсакова на имя пермского губернатора, написанное несколько позже — 26 октября 1909 года. Граф Строганов, — говорится в письме, — «вынужден решиться на закрытие упомянутых заводов, с одной стороны, вследствие падения спроса и цен на выделяемое на них кровельное железо, а также постоянных требований мастеровых об увеличении рабочей платы, а с другой, принуждает принять графа такое решение и вопрос земельного устройства заводских мастеровых, ибо, в силу существующих в настоящее время условий (читай: либерализма правительственных органов и распухлости простого народа. — Автор.), является совершенно невозможным прийти к какому-либо с мастеровыми соглашению о наделении их землею»³⁸.

Это была ложь. С павловскими мастеровыми доверенные графа достигли в 1909 году договоренности о выкупе земли по добровольному соглашению. И главная контора (то есть тот же Римский-Корсаков) 27 августа, всего два месяца тому назад, сообщила о согласии графа с договоренностью³⁹. Но завод закрывался. Мастеровые становились совсем неплатежеспособными. И о добровольном соглашении предпочли немедленно забыть.

Удобное для служащих свойство — короткая память!

Теперь, при закрытии заводов, заявлял управляющий, «в силу закона 3 декабря 1862 года для владельца наступает обязанность наделить мастеровых землею при посредстве правительственной власти, уже без всякого с мастеровыми соглашения»⁴⁰.

Почему граф пожелал быть вновь обязанным наделить мастеровых земель? Не он ли был обязан сделать это раньше, в частности по Очерскому заводу еще в 1904 году? Не он ли обязан наделить землей мастеровых Павловского завода на основании указа сената 22 сентября 1909 года?

В чем же дело?

Не хотел ли владелец заводов проучить мастеровых, заявив им: вот вы, непокорные и неразумные рабы, добивались земли — получайте ее, но лишайтесь заработка на заводах, может быть, поймете, что ваша судьба все равно в руках графа.

Был, несомненно, не только этот, так сказать, морального (или аморального, — как правильнее сказать?) порядка мотив.

Письмо графского управляющего заканчивалось просьбой к губернатору — оказать содействие скорейшему наделению мастеровых земель. Именно скорейшему.

И вот Пермское губернское присутствие, которое уже имело указ сената от 22 сентября о наделении мастеровых по числу наличных душ, но приостановило его исполнение, принимает 17 ноября определение: не ожидая разрешения дел в сенате, поручить земским начальникам приступить к обеспечению землей мастеровых закрываемых строгановских заводов⁴¹.

Как? Разумеется, по числу ревизских душ!

Для этого и плелась хитрая петля: задержать с помощью влиятельных лиц (сам Петр Аркадьевич Столыпин!) издание указа, затем — исполнение указа, объявить о закрытии заводов, поставить мастеровых под угрозу голода, сделать их сговорчивее и принудить принять землю по числу ревизских душ.

Разница между наделением по ревизским и наличным душам была существенной. Согласно данным Пермского губернского

ского присутствия, представленным в 1908 году в министерство финансов, численность населения частновладельческих горных заводов губернии (вотчинных, без посессионных) выросла со времени X ревизии вдвое: по ревизии на этих заводах было записано 54 тысячи мужских душ, а через пятьдесят лет, к 1908 году, было 109 тысяч мужских душ ⁴².

Возьмем интересующие нас Очерский и Павловский заводы. Вот что показывают те же данные губернского присутствия.

	Ревизские души	Наличные души
Очерский завод	1493	2183
Павловский завод	679	1275
По двум заводам		
Очерского округа	2172	3460

Здесь рост был меньшим, чем в среднем по частным заводам губернии, он выражался соотношением 1 : 1,6.

До введения уставных грамот, то есть до реформы, мастеровые имели следующий надел в десятинах:

	Усадьбы	Пашня	Покос	Всего пашни и покоса
Очерский завод	77	485	2258	2743
Павловский завод	44	118	797	915
По двум заводам				
Очерского округа	121	603	3055	3658

По уставным грамотам очерцы и павловцы приняли только усадьбы, но они сохранили за собой в пользовании от завода покосные и пахотные земли. К 1908 году землевладение и землепользование мастеровых определялось следующими цифрами (в десятинах):

	Во владении — усадьбы	В пользовании пашни и покоса:		Всего пашни и покоса в пользовании
		без денежной оплаты	за плату	
Очерский завод	77	2448	44	2492
Павловский завод	44	1214	2	1216
По двум заводам				
Очерского округа	121	3662	46	3708

Таким образом, размер пользования полевыми землями (покосами и пашнями) почти не изменился, он увеличился всего на

50 десятин, на 1,3 процента, тогда как население выросло в 1,6 раза. Среднее землепользование на душу населения уменьшилось с 1,7 до 1,1 десятины⁴³.

В Оханском уезде высший душевой надел был установлен местным Великорусским положением в 6 десятин. Этот надел и полагался мастеровым.

При расчете на ревизские души очерские и павловские мастеровые получили бы в общей сложности 13 032 десятины земли. На наличную душу пришлось бы по 3,7 десятины. А при расчете на наличную душу они получили бы 20 760 десятин — реальные 6 десятин на душу.

Много или мало 6 десятин на мужскую душу?

Одной мерки для всех времен и для всех районов нет и быть не может. Все зависит от почвенно-климатических условий и от системы земледелия. При господствовавшей тогда экстенсивной системе земледелия с ее трехпольными севооборотами, на подзолистых почвах Предуралья, при коротком лете и длинной зиме, 6 десятин на мужскую душу очень немного, а 3,7 десятины (в случае наделения по ревизским душам) совсем мало. Агрономы Пермского и Вятского земств считали, что в условиях этих губерний для устойчивого ведения сельского хозяйства крестьянский двор должен иметь по 12 десятин на мужскую душу.

В даче, приписанной к Очерскому и Павловскому заводам, было 100 740 десятин земли. При наделении по наличным душам 20 760 десятин пришлось бы отдать. В распоряжении заводов (закрываемых!) осталось бы еще 80 тысяч десятин.

Все же такое наделение оценивалось как недопустимое ущемление интересов помещика.

ЧИНОВНИЧЬЕ УСЕРДИЕ И ЦАРСКОЕ ПОПЕЧЕНИЕ

Новый пермский губернатор В. А. Лопухин сразу же после приезда из Петербурга, 28 марта 1910 года, созвал у себя на дому совещание для предварительного обсуждения вопросов, связанных с закрытием заводов, прежде всего с наделением мастеровых землей⁴⁴. Новый губернатор был хорошо проинструктирован в Петербурге и вел твердую линию.

Губернский официоз — «Пермские ведомости» — делал вид, что наделение мастеровых по ревизским душам — естественно, разумеется само собой, что о наделении по наличным душам

поступают только ходатайства, еще не решенные Правительствующим сенатом.

27 августа 1910 года «Пермские ведомости» поместили на видном месте редакционную статью «К вопросу о наделении мастеровых», прямо убеждавшую мастеровых закрываемых заводов принять надел на число ревизских душ. Существует, мол, среди мастеровых мнение, что надо ждать разъяснения сената, что сенат. быть может, примет во внимание их ходатайства и определит давать надел по числу наличных душ. Но, писала газета, «сенатское разъяснение может последовать не скоро» (это писалось уже после того, как сенат дважды определил: наделять по числу наличных душ!), а принять землю целесообразно скорее⁴⁵.

В марте 1911 года в екатеринбургской газете «Уральский край» появилось сообщение о том, что Государственный совет признал незаконным представление губернского присутствия и предложил исполнить указ сената от 22 сентября 1909 года о наделении по наличным душам. «Пермские ведомости» немедленно выступили с опровержением. «Такое неправдоподобное сообщение, неизвестно на что рассчитанное», губернский официоз опровергал тем, что «положение», принятое департаментом Государственного совета, не имеет силы «(бе) высочайшего утверждения», и продолжал бубнить: «Исчисление высшего размера должно состояться не иначе, как по числу душ X ревизии. Другого способа исчисления общего размера надела закон не предусматривает»⁴⁶.

Совершенно необычное опровержение вызвало в газетах Москвы и Петербурга заметки о новом «губернаторском бунте» в Перми против высших властей⁴⁷.

Когда же 2 апреля последовало «высочайшее утверждение» «положения» первого департамента Государственного совета. «Пермские ведомости» этот факт замолчали.

Еще более энергично старались воздействовать на мастеровых строгановские служащие.

20 мая 1910 года пермский губернатор обратился к главному управляющему Пермским имением Конюхову с предложением: ввиду приближения срока закрытия заводов, не ожидая окончательного разрешения дел, предоставить мастеровым возможность пользоваться намеченными в отвод землями.

Намечено в отвод было минимальное количество земли — по числу ревизских душ. Как будто бы владелец завода ничем не рисковал. Однако Конюхов решительно отклонил предложение, сославшись на упрямство очерских в павловских мастеровых, ко-

которые упорно отказываются «от принятия предложенных им наделов по числу ревизских душ», «желая получить надел по числу наличных душ»⁴⁸.

В этом-то и дело. Дай мастеровым сейчас намеченную в отвод землю в пользование, они начнут обрабатывать ее и будут продолжать добиваться справедливого наделения. А надо под угрозой голода навязать минимальный надел.

Граф Строганов ассигновал 30 тысяч рублей на помощь мастеровым закрываемых заводов в приобретении сельскохозяйственного инвентаря⁴⁹. Строгановская администрация решила давать пособия из расчета не больше 25 рублей на двор (больше вы и не сошлось) и то «при условии принятия надела и не деньгами, а прямо инвентарем»⁵⁰. Таким образом, пожелавший заняться земледелием мастеровой мог получить от благодетеля графа примерно половину лошади. Это, конечно, несколько лучше, чем четверть лошади, о которой, как о мере благосостояния крестьянина-бедняка, писал Глеб Успенский. Но и половина лошади существовала только в обещании. Мастеровым разъясняли, что выдача обещанного графом пособия «будет всецело зависеть от неза явления с их стороны излишних требований и споров при наделении землей»⁵¹.

Приманка оказалась мало привлекательной и не подействовала.

Занимавшийся делами землеустройства член главного управления Пермским имением И. П. Филатов грозил очерским и павловским мастеровым, что если они станут еще возражать против намеченного надела, то им запретят пользоваться землей, которая предоставлялась во время работы заводов, пользоваться лесом: собирать грибы, ягоды, охотиться, заготавливать мох⁵². Мастеровые все же упорствовали.

Летом 1910 года строгановским служащим и губернской администрации пришла помощь из Петербурга.

7 мая 1910 года было «высочайше утверждено» постановление совета министров о командировании на Урал междудомственных комиссий «по вопросу о выяснении и принятии необходимых мероприятий по обеспечению быта рабочего населения уральских горных заводов»⁵³. Речь шла о закрываемых заводах: Холуницких в Вятской губернии, Очерском, Павловском и Кыновском графа Строганова (Кувинский был уже закрыт), некоторых заводах Сергинско-Уфалейского горного округа в Пермской губернии, Катав-Ивановском, Юрюзань-Ивановском и Усть-

Катавском князя Белосельского-Белозерского в Уфимской губернии.

В Пермь приехала комиссия, которую возглавлял представитель горного департамента — член горного совета и горного ученого комитета действительный статский советник Илларион Николаевич Урбанович (горный генерал, как тогда говорили). 14 июня несколько членов комиссии с ее председателем Урбановичем выехали на пароходе «Александр» в Таборы, а оттуда на лошадях в Очер.

Всем было ясно, что если заводы прекратят работу через четыре с половиной месяца, то население, не получившее земли и не имеющее возможности найти заработки в других местах, будет обречено на голод и нищенство. Урбанович высказался за продление действия заводов при оказании всяческих льгот и пособий заводоладельцу.

Первая льгота пошла непосредственно за счет рабочих. Под несомненным воздействием комиссии сход Очерского и Зареченского обществ мастеровых 19 июня 1910 года, подтвердив ходатайство о продлении работы завода, записал: «Причем плату за работу с 1 ноября 1910 года, если завод действием будет продолжен с этого числа, понизить против существующей в настоящее время на 10% со всех рабочих завода»⁵⁴.

Со своей стороны Урбанович обещал Строганову предоставить дешевый чугун с казенного Кушвинского завода и исключить льготы по обложению заводов земскими сборами и государственными повинностями.

Отказаться было невозможно. После некоторой проволочки граф телеграфировал из Франции в Петербург Бардинцеву: «Разрешаю продолжить действие трех заводов по 1 мая 1911 года»⁵⁵.

Рабочие думали о продолжении промышленного производства своими силами.

В Строгановском архиве сохранилась пачка прошений рабочих на имя председателя междуведомственной комиссии Урбановича, которые он без всякого рассмотрения передал перед отъездом Очерскому окружному правлению, и среди них настойчивые просьбы предоставить заводские помещения для артельной работы. Свои артели затевали мастеровые чугунолитейного и механического цехов Очерского завода⁵⁶.

Горный генерал отмахнулся: что могут сделать рабочие? Кустарной промышленностью пусть занимается земство. Он нашел вполне хорошими земли, намечавшиеся в надел мастеровым,

и вполне возможным переход мастеровых к сельскохозяйственному труду. Представителя горного департамента не смутило свертывание промышленности в огромном Строгановском имении.

Очерские и павловские мастеровые упорствовали и отказывались принимать надел на ревизские души.

Сговорчивее оказались кыновляне.

Кыновской завод расположен в гористой местности, на берегу реки Чусовой. В 1862 году кыновляне приняли по уставной грамоте кроме усадеб и покосы. Хлебов они не сеяли. Земледелие в окрестностях завода вообще не было развито: климат суров. В связи с недостатком здесь работы многие молодые мастеровые перебрались на растущий и сравнительно близкий Лысьвенский завод. В среде кыновлян возобладали люди, верящие в добрые намерения графа Строганова и высших, петербургских властей. Они проявили крайнюю доверчивость и простодушие.

Население Кына в это время превышало 2800 человек, а работами на заводе было занято около 450. Жить и так было очень трудно. А когда завод совсем закроется? «Положение рабочих в заводе безвыходное, а с прекращением действий завода иссякнут и те немногие средства к существованию местных рабочих, каковые имеются в данное время, — писал кунгурский уездный исправник в начале 1910 года. — Рассчитывать на то, что мастеровые займутся хлебопашеством и удачно, едва ли можно, так как они с этим делом не знакомы, а к тому же наделы лесные не разработаны, надо прежде всего в большем случае вырубать лес и выкорчевывать пни, причем при этих условиях пройдет не один год, пока окажутся желательные результаты»⁵⁷.

Кыновляне решили ходатайствовать о продлении действия завода хотя бы на пять лет, чтобы за это время принять полевую землю в надел, разработать ее и обеспечить свое существование. На сходе выбрали двух депутатов, Тнунова и Кучумова, для поездки в Петербург.

Графа в Петербурге не оказалось, он жил в Париже. Но депутатам удалось побывать не только у управляющего главной Санкт-Петербургской конторой по делам графа С. А. Строганова — Римского-Корсакова, но и у председателя совета министров Столыпина. Оба встретили кыновских депутатов ласково и оба обещали: Римский-Корсаков — съездить в Париж, переговорить с графом; Столыпин — дать распоряжение пермскому губернатору рассмотреть дело и позаботиться о мастеровых. «От

приема, оказанного им премьер-министром, депутаты вынесли приятное впечатление,— писали «Пермские ведомости»,— получив уверение, что их насущные нужды... будут, по возможности, удовлетворены»⁵⁸.

Депутаты вернулись в Кын 5 марта 1910 года успокоенные. Но время шло, а никаких признаков вмешательства из Петербурга не было.

Среди рабочих распространился слух, что Тиунов и Кучумов подкуплены управителем завода Бушуевым и держат сторону не рабочих, а его. Стали говорить, что надо избрать других доверенных, обязательно из своего брата — рабочих.

Выбрали Я. К. Кошкина и М. Е. Петухова, собрали им 500 рублей и поручили ехать в Париж, к самому графу.

11 июня вернулись и эти доверенные, тоже успокоенные. Граф, до которого им удалось добраться, хотя и заявил, что продлить действие завода на несколько лет не может, но обещал не останавливать его до будущей весны, дать в надел хорошую землю, помочь в приобретении инвентаря, обеспечить стариков, выдать желающим пособия на переселение⁵⁹.

На сходе, состоявшемся 13 июня, кыновляне решили просить «по закрытии действия завода предоставить мастеровым все необходимые здания и сооружения», а самим «не выпускать с завода ни одного пуда чугуна и ни одной сажени дров для сплава»⁶⁰. Главные их надежды были на завод.

Глухое сопротивление кыновлян было сломлено приездом членов междудеомственной комиссии.

30 июня в Кын приехал сам председатель комиссии действительный статский советник Илларион Николаевич Урбанович и с ним целая свита чиновников рангом ниже.

Урбанович произвел на кыновлян большое впечатление. Он был быстр, прост в обращении, решителен. Земли, намечаемые в надел мастеровым, он признал пригодными. Мастеровым, собравшимся в волостном правлении, наобещал гору всяких благ: помощь заводу для продления его действия, организацию общественных работ, пособия на обзаведение и тому подобное.

Кыновляне успокоились: десятки высокопоставленных лиц из Кунгура, Перми, Екатеринбурга, из самого Петербурга съехались к ним, озабоченные как будто их судьбой. 1 июля они подписали дополнительный к уставной грамоте акт⁶¹. Урбанович потом с гордостью докладывал об этом как об успехе комиссии. Горному генералу удалось обмануть доверчивых мастеровых.

Они провожали его, благодарили за внимательное отношение к их нуждам, низко кланялись...

А управитель завода начал закрывать цех за цехом уже с октября 1910 года. Никаких пособий на обустройство кыновские рабочие не получили, общественные работы не были организованы.

В заводском поселке начался настоящий голод.

14 октября доверенный мастеровых М. Пьянков послал в Париж на улицу Фрезандери, в дом № 46, его сиятельству графу Сергею Александровичу Строганову телеграмму, в которой просил: «Благоволите щедротами милости вашего сиятельства обеспечить голодные семейства какими-либо работами... Войдите в критическое положение жизни вашего трудящегося рабочего, не заставьте умереть от голода, ибо все мы жаждем жизни...»⁶².

Далеко было от Кына до Парижа, очень далеко... И еще дальше от сиятельного помещика до голодных мастеровых.

Земский начальник 5-го участка Кунгурского уезда, а затем и губернское присутствие, утвердили дополнительный к уставной грамоте акт о наделении кыновских мастеровых землей, как не встретивший возражений сторон. Только через три года, по указу Правительствующего сената 23 ноября 1913 года, эти утверждения были отменены, как вынесенные в нарушение разъяснений, сделанных в указе 22 сентября 1909 года по делу мастеровых Павловского завода. Мастеровых Кыновского завода их высокие покровители обманули дважды: исчислили землю по числу ревизских, а не наличных душ и включили в надел ранее полученную усадьбную землю и покосы, чего по закону также не должны были делать.

Работа междудеомственных комиссий на Урале завершилась расширенным заседанием в Екатеринбурге при участии главного начальника Уральских горных заводов, губернаторов уральских губерний, ряда других чиновников и представителей земств. Заседание заняло несколько дней, приняло рекомендации и в заключение—телеграмму Николаю II, в которой говорилось о его «всемиловитейшем внимании... к нуждам Уральских горных заводов и заводского населения» и «повергались к стопам» его императорского величества «чувства беспредельной любви и готовность беззаветно служить». Николай II поблагодарил «за верноподданнические чувства» и выразил уверенность, что работа комиссии «лослужит к возрождению края»⁶³.

Широко разрекламированная в печати деятельность между-

ведомственной комиссии принесла фактически ничтожные плоды: задержку на несколько месяцев закрытия некоторых заводов, рекомендации развивать кустарную промышленность, построить железные дороги Бердяуш — Лысьва и на Тавду. Обещанные комиссией ссуды на общественные, в частности дорожные и лесоустроительные, работы, кредиты для развития кустарной промышленности, ссуды мастерам для обзаведения лошадьми и сельскохозяйственными орудиями и т. п. остались пустыми посылками⁶⁴.

«Царское попечение» оказалось бесплодным.

КАК ЖИЛОСЬ НА УМИРАЮЩИХ ЗАВОДАХ

Наступил 1911 год. Готовилось празднование пятидесятилетия отмены крепостного права. Царские власти несколько побаивались праздника. Не послужит ли пятидесятилетие «воли», принесшей народу так много разочарований, поводом для новых демонстраций?

Все сошло благополучно. Тон либеральных газет был самым умеренным. Славословия с церковных амвонов и со страниц «благонамеренных» газет, казалось, заглушили голос нелегальной и полулегальной печати.

Спокойно прошло празднование и в Перми. Епископ пермский и Соликамский преосвященный Палладий отслужил в кафедральном соборе благодарственный молебен и произнес проповедь. Днем вся чиновная знать собралась на торжественное заседание губернского присутствия. Излияния преданности трону были бурными: гимн «Боже, царя храни», исполненный военным оркестром, по требованию присутствующих повторялся три раза. Пермские чиновники послали Николаю II верноподданническую телеграмму. Затем перешли в Благородное собрание (дворянский клуб). Там участникам торжеств было предложено шампанское. Вечер закончился концертом⁶⁵.

Тяжело было в этот день на душе у мастеровых Очерского и Павловского заводов.

Прошло пятьдесят лет, как Александр II в манифесте 19 февраля 1861 года торжественно возгласил свою царскую любовь и попечение о всех верноподданных «всякого звания и состояния» и призвал народ к свободному труду, «залогу домашнего благополучия и блага общественного».

Где эти любовь и попечение? И где свободный труд?

Заводы работают последние недели. Земли нет. Впереди голод.

Достойный представитель «благородного российского дворянства» граф Строганов в пятидесятую годовщину отмены крепостного права мог торжествовать победу над несговорчивыми мастерами: он их жестоко проучил.

Никаких запасов у подавляющего большинства мастеровых не было. Откуда взяться этим запасам?

Еще в 1898 году земский начальник 6-го участка Оханского уезда, в который входил Очер, констатировал: «Средний заработок мастерового составляет 117 рублей, почти 10 рублей в месяц, что является крайне незначительным при значительной семье. Со времени крепостного права заработок почти не изменился, между тем как содержание, так и потребности мастеровых значительно возросли»⁶⁶.

Прошло десять лет, и новый земский начальник, представляя очередное ходатайство очерцев о земле, писал: «Настоящее ходатайство возбуждено вновь мастерами Очерской волости ввиду того обстоятельства, что в конце прошлого и начале текущего 1908 года работы на заводе были сокращены... почему и заработки были настолько скудны и мизерны, что существовать на них при существующей дороговизне припасов не представлялось никакой возможности»⁶⁷.

1—5 мая 1910 года сельскохозяйственный комитет при Оханской уездной земской управе провел на Очерском и Павловском заводах подворное исследование экономического быта мастеровых, позволяющее судить о их материальном уровне.

В Очере было обследовано 840 дворов, принадлежащих к обществу мастеровых. Их население составляло почти 4 тысячи человек (3997). Полных (то есть полноценных) работников, мужчин и женщин, было 1881 человек, остальные — старики, полуроботники и дети. На заводе был занят лишь 681 человек, то есть 36 процентов к числу всех полных работников. Средний заработок занятого на заводе составлял 148 рублей в год. На Павловском заводе было обследовано 517 дворов мастеровых. Всего населения в них — 2672 человека, полных работников — 1220. На заводе было занято 530 человек — 43 процента к числу полных работников. Средний заработок составлял 183 рубля в год⁶⁸.

Много это или мало — 148 и 183 рубля, то есть 12 и 15 рублей на работника в месяц?

В эти же годы изучение уровня заработной платы прошло в Московской губернии, где расположено много текстильных фабрик с большим процентом низкооплачиваемого женского труда. Средний заработок рабочего Московской губернии оказался 22 рубля 96 копеек в месяц⁶⁹. Заработок очерских и павловских мастеровых значительно ниже. А публикуя данные о заработной плате подмосковных рабочих, прогрессивные газеты приводили для сопоставления такие цифры: средний заработок рабочего в Англии в русских деньгах 50 рублей в месяц, во Франции — 45 рублей, в Германии — 43 рубля.

Напомним, что в конце XIX века средний годовой заработок рабочего уральской горнозаводской промышленности был 177 рублей (эти данные приводил В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России»)⁷⁰. Цены же на все продукты с того времени значительно выросли.

Вот на каком низком уровне удалось уральским горнозаводчикам, в частности графу Строганову, пользуясь постоянной безработицей, держать заработную плату рабочих.

Занятость очерцев и павловцев на заводах в 1910 году определялась 36 и 43 процентами к числу полных работников. В это время в поселках Павловского и особенно Очерского заводов была уже развита кустарная промышленность, занималось население также «другими промыслами и ремеслами», под которыми исследователи разумели главным образом случайные работы. В Очере все эти занятия давали заработок 473 человекам (25 процентам к числу полных работников), в Павловском — 128 человекам (10 процентам). Заработки их были еще ниже, чем у заводских рабочих. В Очере люди, занятые в частных и собственных мастерских, получали в среднем 106 рублей, в Павловском — 69 рублей в год. Другие промыслы и ремесла давали в Очере 94 рубля, в Павловском 33 рубля на человека в год. Ничтожно мало!

Сергей Александрович Строганов, потомок могущественного и прославленного рода, затянув наделение мастеровых землей, отлично подыграл новым предпринимателям. Мастерские шли к ним работать за нищенскую плату. Мастерская Балахонова, о первых шагах которой читатель знает из предыдущей главы, выросла в чугуно-медно-литейный и механический завод торгового дома «Андрей Григорьевич Балахонов и компания». Его оборот составлял, по словам самого Балахонова, 70 тысяч рублей, по другим же сведениям превышал 100 тысяч⁷¹. Условия труда

были здесь ужасными, рабочий день ничем не ограниченным, штрафы за брак — непомерно высокими. Старик Балахонов, появляясь в цехах, бивал «нерадивых» тростью, драл их за уши и за волосы. В 1911 году рабочие попытались бастовать, но ничего не добились, да и не могли добиться в этом голодном году ⁷².

По мере того как Очерский завод замирал, к изготовлению молотилок-очерок стали обращаться мастера и технические служащие. «Краткий очерк кустарных промыслов Пермской губернии» рисовал этот процесс так: «На Очерском заводе графа Строганова... более состоятельные из заводских мастеров заводят свои мастерские для изготовления молотилок; мастерские снабжены сверлильными и токарными по металлу станками и кузнечными горнами для поковок... У таких владельцев мастерских работают за поденную плату в 40—50 копеек по несколько человек других заводских мастеровых в свободное от заводской работы время» ⁷³.

В какой степени помогало мастеровым сельское хозяйство? Оно было поддержкой, но слабой.

Для краткости можно привести данные подворного обследования, относящиеся к обоим заводам: в отношении земли сколько-нибудь существенной разницы между мастеровыми соседних поселков не было.

Мастеровые использовали почти исключительно землю, предоставляемую им от заводов. Из 1357 дворов, обследованных в обоих поселках, собственная земля была только у 4 дворов (35 десятин), арендованная — у 70 дворов (118 десятин). 923 двора пользовались заводской землей. Всего в их пользовании было 2583 десятины, которые распределялись очень неровно — от 0,5 десятины до 8 десятин на хозяйство, в среднем менее 3 десятин (2,8 десятины, или 2 десятины 1920 квадратных сажень) па хозяйство и менее десятины (0,78 десятины, или 1872 квадратных сажени) на наличную мужскую душу (их было в обследованных дворах обоих поселков 3290).

По сравнению со временем реформы резко увеличилась площадь пашни. Все же и в 1910 году посев не был большим: 1099 десятин на 997 дворов, имеющих землю (от заводов, собственную и в аренде), то есть около десятины на двор. Это, конечно, далеко не крестьянский посев. По-настоящему крестьянствовала только небольшая часть очерцев и павловцев. Иначе и не могло быть: из 1357 дворов мастеровых двух заводов лошади

были у 192 дворов, то есть у 14 процентов всех дворов, или у 19 процентов дворов, так или иначе пользовавшихся землей. Четыре пятых всех землепользователей были безлошадными. Какое уж тут земледелие! Коров имел 841 двор — 63 процента всех дворов, то есть далеко не все.

Сельское хозяйство играло в экономическом быте мастеровых сугубо второстепенную роль и спасти их в тяжелые дни не могло.

Переход к сельскому хозяйству для людей, не занимавшихся им, труден. Земские агрономы считали, что все необходимое для земледелия обойдется мастеровому самое меньшее в 150 рублей (больше годового заработка!) и что в течение 6—8 лет он должен прибегать к побочному, несельскохозяйственному заработку. В одном из земских документов, посвященных устройству быта рабочих закрывающихся заводов, справедливо говорилось: «Без умения, без привычки и без инвентаря земля не прокормит, н это поставит большинство мастеровых в критическое положение, граничащее с голодовкой и всеми последствиями ее»⁷⁴.

А заводы, получившие обещанную графу помощь, дорабатывали последние недели выторгованного у него срока.

28 апреля 1911 года была прекращена работа кричного цеха Очерского завода. 22 мая из Очеры в Петербург пошла телеграмма: «Сегодня утром закрыты последние два цеха Очерского завода»⁷⁵.

Через три недели в Петербург поступило телеграфное сообщение из Ильинского: «Действие Павловского завода окончательно закрыто одиннадцатого числа сего месяца»⁷⁶.

23 июня — телеграмма из Кына: «Сегодня закрыто действие Кыновского железодельного завода»⁷⁷.

Заводы встали. Рабочие оказались и без привычного заработка и без земли.

21 мая 1911 года Очерский завод работал последний день.

А 26 мая член главного управления Пермского нераздельного имения графа Строганова И. П. Филатов, ведавший землеустроительными делами, получил в селе Ильинском по почте письмо, подписанное «Очерцы» и помеченное: «21 мая 1911 года. Очерский завод». Группа очерцев обращалась к нему:

«Благодетель Иван Павлович. Иуда № 2-й!

...Действие Очерского завода прикрыто, руки у нас отдохнули, окрепли, и мы ждем тебя с нетерпением, воздать должную благодарность тебе за услуги.

С твоей спины мы решили содрать несколько ремней на.

чересседельники и ими начать распахивать отведенные тобой земли, голову твою оторвать, воткнуть на осиновый кол и вывесить на плотине, чтобы каждый проходящий от мала до велика мог видеть и запечатлеть твою харю, от которой мы и потомство наше будем страдать вечно. Дом, в котором ты остановишься, сожжем.

Если не исполним мы почему-либо этого, то знай — не спасешься ты и в Ильинском. Мы теперь свободны, время есть, доберемся и там до тебя.

Это решение нас, очерцев, а у павловцев будет почище, имей в виду»⁷⁸.

Сколько ненависти, лютой и, к несчастью, слепой ненависти! Филатов имел основания опасаться и не напрасно разослал копии приведенного нами письма всем, всем с просьбой о защите. Знающий дело, старательный служащий, он делал все возможное, чтобы отстоять интересы графа. Но не он же, конечно, далеко не он, был главным действующим лицом во всей этой истории. Графские интересы защищали люди, куда более крупные.

НОВАЯ ПЕРЕПИСКА, НОВАЯ ВОЛОКИТА...

Летом 1911 года (то есть уже после закрытия заводов), когда стало известно, что император утвердил «положение» первого департамента Государственного совета, графским доверенным пришлось отступить и подготовить дополнительные акты на наделение очерских и павловских мастеровых по наличным душам.

В 1912 году, уже при новом губернаторе — И. Ф. Кошко, Пермское губернское присутствие трижды рассматривало эти дополнительные акты. Хотя сначала доверенный графа согласился принять наличие мужских душ в обществах мастеровых на 1 ноября 1910 года (день, когда по предупреждению графа должны были закрыться заводы), ему удалось лотом взять это согласие обратно и подбить губернское присутствие занять иную позицию. 18 октября 1912 года оно приняло определения, которыми предложило исчислять надел на мужские души, имевшиеся в обществах мастеровых ко времени возбуждения ходатайств о наделении перед земскими начальниками, то есть по Очерскому заводу к 1890 году, а по Павловскому — к 1897 году⁷⁹. Это явно

противоречило указу 22 сентября 1909 года, в котором говорилось о наличных ко времени наделения душах, но сохраняло за Строгановским имением 6,5 тысячи десятин.

Сенат принял 2 июля 1913 года указ пермскому губернатору, которым отменял определения губернского присутствия от 18 октября 1912 года и предложил произвести наделение по числу наличных душ, учтенных в обществах мастеровых на 1 ноября 1910 года.

После долгой задержки (почти три месяца!) губернское присутствие приняло на основе последнего сенатского указа новые определения: 28 сентября 1913 года по Павловскому заводу и 30 сентября — по Очерскому⁸⁰.

Прибавка 6,5 тысячи десятин обострила споры об участках, которые должны отойти мастеровым. Они все время добивались земель в возможной близости к селениям, требовали Очерского и Павловского боров, участков по Травянке. Казалось бы, позиции мастеровых в этих спорах становились крепче.

Однако когда осенью 1913 года главная контора донесла графу о спорах с очерскими и павловскими мастеровыми по поводу конкретных участков, а также о спорах с добрянскими мастеровыми, добившимися к этому времени прирезки им покосов, С. А. Строганов дал следующее краткое предписание:

«Главной с.-петербургской конторе.

По вопросам о наделении мастеровых землею, изложенным в донесении гл. конторы от 21 сего августа, принять к руководству следующее:

1. По наделению очерских и павловских мастеровых.

На включение в надел боров и ближайших лесов я НЕ согласен.

2. По наделению добрянских мастеровых.

На отвод в надел лугов по Каме я НЕ согласен.

Граф С. Строганов
5 сентября 1913 г.»⁸¹.

Категорическое «я не согласен» стало законом для всей иерархии строгановских служащих. В дальнейшей переписке это именовалось «недопускающим никаких колебаний приказом его сиятельства от 5 сего сентября»⁸².

Поверенный графа в Перми М. П. Горных 27 октября 1913 года подал в сенат жалобы на определения присутствия⁸³.

Шел уже третий год после закрытия заводов. Земские начальники приняли постановления передать павловским и очер-

ским мастеровым во владение бесспорные участки, чтобы дать им, наконец, возможность пользоваться землей. Пошел спор о том, какие участки можно считать бесспорными⁸⁴.

Управляющий главной конторой графа генерал-майор Римский-Корсаков обратился к министру внутренних дел Н. А. Макакову с просьбой приостановить исполнение постановлений земских начальников и определений губернского присутствия. Он настаивал, чтобы надел мастеровым был ограничен интересами заводов («по мере средств завода», — говорилось в законе), чтобы за заводами (закрытыми!) был сохранен лес, а мастеровым отводилась земля на любом расстоянии от селения⁸⁵.

Замысел ревнителей графских интересов раскрывался тем, что началась усиленная рубка в заводской даче, а на станции Вознесенской (теперь Верещагино) устраивались лесной склад и контора по продаже леса⁸⁶.

Сенат 11 июля 1914 года дал пермскому губернатору еще два указа, которыми вносил поправки в определения губернского присутствия от 28 и 30 сентября 1913 года⁸⁷. Губернское присутствие приняло на этом основании 14 февраля 1915 года два своих определения, в которых содержалось существенное для интересов графа ущемление прав мастеровых: за графом оставалось на несколько лет право рубки леса на участках, отводимых мастеровым, за ним оставлялось и береговое право, то есть право пользования берегами прудов и рек⁸⁸. На эти определения вновь последовали жалобы обеих сторон⁸⁹. Это было уже в апреле 1915 года, и жалобы пошли в сенат при рапорте последнего пермского губернатора, носившего, в отличие от Кошко, громоздкую фамилию — Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский. Кстати, он был четвертым пермским губернатором, занимавшимся вполне безуспешно (на холостом ходу!) исполнением сенатских указов о наделении строгановских мастеровых.

Одним из спорных был вопрос об оценке земли.

В документах горнозаводчиков неизменно утверждалось, что мастеровые бесплатно пользуются помещичьей землей. Не устали твердить это и служащие Строгановского майората. Тот же Филатов, кажется, искренне возмущался: мастеровые еще смеют заявлять какие-то претензии, а они много лет пользовались покосами и пашней, «не уплатив и не платя за них помещику ни копейки денег»⁹⁰.

Повторим: удобное для чиновника свойство — короткая память!

Читатель знает, что когда в Очерском округе готовился переход на «вольные платы», правление его разработало огромную ведомость: «Оценка пособий, предоставляемых заводоладельнкою мастеровым Очерского и Павловского заводов при исполнении ими заводских работ по вольным договорам». Основным пособием были покосы и пашни, сохраняемые в пользовании мастеровых, независимо от уставной грамоты.

Одна десятина земли была оценена в этой ведомости в 1 рубль 30 копеек — на уровне высших арендных плат. За 3658 десятинок почти исключительно сенокосов, которые находились тогда в пользовании очерских и павловских мастеровых, из их общего годового заработка было скинуто 4755 рублей, и эта сумма вошла в расчет дневных и заделных (сдельных) плат, исчисленных для мастеровых⁹¹. Л их, как мы помним, граф твердой рукой навязал мастеровым.

Так пользовались очерцы и павловцы этой землей 48 лет. Пользовались за отработку. Сосчитаем. По 1 рублю 30 копеек за десятину в год. За 48 лет — 62 рубля 40 копеек. Такие деньги получили за каждую десятину графы Строгановы. Стоимость земли по выкупу была в окрестностях Очерского и Павловского заводов от 8 рублей 16 копеек до 14 рублей 80 копеек за десятину⁹². С мастеровых, не имевших права выкупа и отработывавших пользование землей на заводах, граф получил куда больше.

А во время составления дополнительных актов доверенные графа настаивали (и настояли!) на том, чтобы исчислить выкупные платежи за поступающую мастеровым землю, исходя из оброка не в 6 рублей (как намечали земские начальники), а в 9 рублей с мужской души, то есть по 1 рублю 50 копеек за десятину, что при капитализации из 6 процентов годовых дало бы 25 рублей за десятину. Еще по 25 рублей с государства за ту же землю. Государство же получило бы эти деньги тем или иным путем с тех же мастеровых.

«Земные богатства — родине...» — значилось на гербе графов Строгановых...

Межевые работы по отводу земель в натуре велись в 1915 и 1916 годах. В отчете заведующего межевыми партиями Жукова о деятельности землемеров за командировку 1915 года значилось, что по Очерскому и Павловскому заводам отграничено в натуре 17 175 десятинок (следовательно, еще далеко не вся площадь), причем план составлен «не в окончательном виде, а с таким расчетом, чтобы на таковом можно было закончить работы

в случае признания Правительствующим сенатом заявлений правления графа Строганова (по спорным участкам) или же приступить своевременно к составлению нового плана»⁹³. Проще говоря, работы велись надвое: отвод земли производился по закону, но с учетом, что Строганов может закон переспорить.

«Пошла новая переписка. Новая волокита». «Так дело и стоит», — писал В. И. Ленин в августе 1913 года в статье «Замечательное дело»⁹⁴. Так волокита и продолжалась, так дело и стояло и в 1914, и в 1915, и в 1916 годах.

КТО ЖЕ ЛИШНИЙ!

Мы рассказали подробно о том, как тянулось после сенатских указов наделение землей мастеровых Павловского и Очерского заводов.

Так же тянулось наделение мастеровых других частных на полном владельческом праве заводов, закрытых или совсем плохо обеспечивающих работой мастеровое население.

Начиная с 1912 года Правительствующий сенат выпустил гору указов по жалобам помещиков-заводовладельцев и мастеровых, связанным с применением закона 3 декабря 1862 года. Поток этих жалоб не ослабевал. Множество юристов вело бумажный бой.

В 1914 году управление межевой частью министерства юстиции запросило пермского губернатора об объеме предстоящих работ по отводу земель мастеровым. Губернатор сообщил перечень их по заводам и промыслам и добавил: «В отношении же других частных заводов, числом до 30, за неполучением окончательного разрешения дел, судить о количестве межевых работ по ним не представляется возможным»⁹⁵. Еще десятки дел находились на рассмотрении сената.

Горнозаводчики неизменно твердили, что единственно правильным было бы наделение по ревизским душам. Тогда бы не возникало споров. Другим постоянным мотивом их заявлений было: мы не обязаны давать работу, не обязаны кормить растущее население заводских поселков, тем более не обязаны наделить его землей. Это было своеобразным преломлением мальтусовского тезиса в уральской обстановке.

Государственный аппарат самодержавной России отказывался работать против интересов помещиков-латифундистов, хотя

столыпинская аграрная политика, выразительно продемонстрированная и в деле строгановских мастеровых, терпела и здесь политический крах, прибавляя новые и свежие силы в революционный лагерь.

Владимир Ильич Ленин в статье «Замечательное дело», полемизируя с либералами, вместе с тем рассеивал иллюзии тех рабочих, которые еще верили в возможность торжества справедливости при существующем строе. Он не осуждал борьбы за землю, не говорил: перестаньте бороться. Он говорил уральским рабочим (в тех пределах и в той форме, в каких это было возможно в газете, выходявшей легально), что вопрос о земле может быть решен лишь радикально — путем классовой борьбы.

Полувековая тяжба мастеровых строгановских заводов за землю не дала результата. Право, даже в царских законах формулированное право, было, казалось, на стороне рабочих, а земля оставалась в помещичьих руках.

«Либеральные газеты, рассказывая это поучительное дело, приходят к выводу, что в России плохо обстоит с «господство* права». Это — правда. Но это не вся правда», — писал В. И. Ленин и продолжал:

«Смешно говорить о «праве», когда помещики и издают законы, и применяют или отменяют их на практике. Значит, есть такой класс, который сам творит «право» и сам отменяет его. Значит, либеральные речи о «праве» и о «реформах» — пустая болтовня.

Помещики тоже стоят за «право» — только за помещичье право, за свое право, за право своего класса.

Если перед лицом таких поучительных фактов либералы все же отмахиваются от «учения» о классовой борьбе, называют его ошибкой, и пр., то это ясно указывает на нечистую либеральную совесть. Не хотят ли либералы *поделиться* привилегиями с помещиками? Тогда понятно, почему им не нравится «учение» о классовой борьбе!

Но рабочие-то чем же виноваты, если их «учение» подтверждается жизнью!»⁹⁶

У Ленина были все основания подозревать либералов в желании поделить привилегиями с помещиками. Кадеты не раз демонстрировали готовность поделить с ними политическую власть. Что же касается Урала, то финансовый капитал, овладевавший постепенно его горными округами, прекрасно уживался здесь с крепостническими пережитками, и дельцы новой

формации, поддерживавшие кадетов, вкупе и влюбё с потомственными крепостниками защищали монополию и привилегии крупного землевладения, консервирующего пережиточные формы эксплуатации.

Аграрные требования уральских мастеровых шли в русле исторического прогресса, они выражали интересы трудового народа. Чтобы подняться до наиболее полного и решительного выражения этих интересов, надо было постигнуть законы классовой борьбы. Тяжба с графом Строгановым была уроком ее. Статья В. И. Ленина помогала усвоить этот урок.

Однако понимание законов классовой борьбы было не только очень важно, но в некоторых отношениях и сложно для рабочих уральских горных заводов.

«В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, — писал В. И. Ленин в 1905 году, — а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»⁹⁷.

На Урале эти две борьбы переплетались еще теснее, чем в России вообще. Здесь рабочему противостоял не просто заводо-владелец, а заводо-владелец-помещик, тесными узами связанный со всем аппаратом власти. Такое своеобразие не снижало, а увеличивало потенциальные революционные возможности уральских рабочих. Оно делало их естественными вожаками крестьян в борьбе за демократические преобразования. Вместе с тем такое переплетение разнородных по характеру противоречий, борьбы различных социальных сил могло и затуманивать пролетарское классовое сознание, затруднять самостоятельную организацию класса, призванного возглавить народ в его движении к лучшему будущему.

Все это делало особо сложной работу большевистских социал-демократических организаций Урала.

Но годы шли. И какие годы!

Россия пережила Ленские события и бурный подъем революционного рабочего движения в связи с ними. В 1914 году этот подъем достиг новой силы. Стачечные бои потрясли Петербург, Москву, другие крупные центры. В марте 1914 года орга-

низованная и упорная стачка прошла на Лысьвенском заводе — одном из крупнейших на Урале. «Правда писала: «Лысьвенская стачка имеет огромное принципиальное и историческое значение. Это первая длительная стачка новой полосы движения, и проведена она на одном из наиболее передовых по техническому оборудованию заводов Урала. Лысьвенская стачка показала, что уральские рабочие могут и будут побеждать, когда будут поставлены в обычные капиталистические условия...»⁹⁸.

Подъем революционного рабочего движения был оборван войной. Однако сама война вела к назреванию глубокого революционного кризиса. Приближались и начались революционные потрясения огромной силы.

Состоявшаяся после свержения самодержавия, в апреле 1917 года. Первая (Свободная) Уральская областная конференция РСДРП(б), поручив областному комитету образовать особую секцию для разработки аграрного вопроса, предложила этой секции руководствоваться тем, что «аграрный вопрос на Урале является вопросом прежде всего рабочим...»⁹⁹. Эта формулировка обычно поражает современного читателя. Следующая, Вторая Уральская областная конференция (июль 1917 года) разъяснила ее. Она указала, что сильные пережитки крепостничества сдерживают развитие промышленности и снижают жизненный уровень рабочих и крестьян. Она заявила, что «в интересах развития производительных сил на Урале, уничтожения массовой специфически уральской безработицы, подъема заработной платы и коренных изменений в земельных отношениях» считает необходимой «передачу государству и уральскому областному самоуправлению всех недр, земель и лесов Урала»¹⁰⁰.

Не все в резолюциях этих конференций было сформулировано вполне правильно и точно. Но главная высказанная ими мысль, что коренная расчистка уральской земли от крепостнических пережитков может быть осуществлена только национализацией земли, — верна.

А жалкие, не сознающие исторических перемен чиновники и ослепленные своекорыстием владельцы заводов все еще выгадывали, как бы обмануть заводской люд, как бы оттянуть у него десятины земли. История же вела счет уже не на десятки и сотни, да и не на тысячи десятин.

Последний посланный в Пермь сенатский указ по вопросу о наделении уральских мастеровых земель, а именно указ по делу мастеровых Полазненского завода, датирован 23 октября

1917 года. Он начинался, наподобие императорских указов, словами: «Указ Временного Правительства из Правительствующего сената пермскому губернскому комиссару»¹⁰¹.

Пермское присутствие еще успело получить указ, и копия его пошла в Чермозскую контору наследников князя С. С. Абамелек-Лазарева. Еще так и писали — князя: ведь Временное правительство не отменило титулов.

А губернский комиссар Временного правительства эсер Турчевич 28 октября 1917 года отправил в министерство внутренних дел Временного правительства просьбу о дополнительных ассигнованиях «на поземельное устройство мастеровых казенных и частных горных заводов»¹⁰². Он еще не верил, что Временного правительства больше не существует.

Мертвые души! Они не слышат жизни. И не понимают того, что мертвы.

«В России мертвое правительство, не подлежащее к общему воскресению»¹⁰³, — написал в 1866 году о правительстве Александра II бывший строгановский крепостной Адриан Пушкин, с сектантским фанатизмом добивавшийся наделения крестьян землей без выкупа.

Мертвым и не подлежащим воскрешению оказалось и правительство «Александра IV» — правительство «социалиста» Керенского.

Лишними оказались не жители заводских поселков, а титулованные и нетитулованные помещики-заводовладельцы, не умевшие поднять к жизни богатства Урала.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Не будет жадных
богачей.
Не для цепей, не для
мечей,
А для машин и плуга
Железо будут
добывать.
Все люди будут
создавать
Богатство друг для
друга.*

*Неизвестный
автор.*

*1907 год.
Тюрьма "Крести".*

*ЭТО шествуют
творяне,
заменивши Д на Т...
Велея и р
Хлебников.*

1920 год.

Вскоре после Февральской революции в Очере на общем собрании был избран Совет рабочих и крестьянских депутатов. Возник также профессиональный союз, именовавшийся союзом «рабочих и примыкающих» (разумелись сочувствующие рабочим интеллигенты). Дейтельными организаторами профсоюза выступили Иван Федорович Макаров и Иван Максимович Шардаков. Рабочие начинали чувствовать себя хозяевами положения.

На самом крупном в то время предприятии — заводе Балахонова — они ввели явочным порядком восьмичасовой рабочий день и потребовали повышения расценок. Предприниматель попытался проучить рабочих подобно тому, как это сделал в своё время граф Строганов. 15 мая он, под предлогом ремонта, остановил завод. Рабочие видели, что ремонт не обеспечен самыми необходимыми материалами — котельным и штанговым железом и потому может быть затянут на любое время. Они стали действовать решительно: объявили, что реквизируют завод и будут продолжать производство сами, заняли заводскую контору, забрали в свои руки все дела. Возглавляли рабочих И. Шардаков и А. Мощеников. Предприниматель по телеграфу запросил помощи у губернского комиссара

Временного правительства и получил ее. В Очер приехала комиссия из представителей губернского комиссара и Оханского Совета, которая вернула завод владельцу на том выговоренном рабочими условии, что ремонт будет проведен ограниченный, а ряд их требований — удовлетворен². Это была первая на Урале попытка рабочих взять предприятие в свои руки еще до общей политической победы пролетариата.

Среди очерцев получила распространение ленинская «Правда».

В земской народной читальне ее не выписали. Но когда буржуазные газеты начали травлю большевиков и «Правды», очерцы ею заинтересовались, нашли адрес газеты и попросили попечительство читальни выписать. «Попечители» отказались полпредложением недостатка денег. Рабочие вскладчину выписали «Правду» на читальню. С 10 июня «Правда» начала приходить. Ее «читали наперерыв, многие выписали для себя. Очерский профессиональный союз рабочих, не желая даже одной копейки тратить на глупые буржуазные газеты, выписал тоже «Правду».

Представитель уездного земства в Очере, делегат Всероссийского крестьянского съезда*, заметив в читальне «Правду», на глазах присутствующих разорвал несколько номеров и приказал заведующей выбрасывать вновь поступающие. И что же? «Читальня опустела, лишь один делегат сидит да морщится, что нет посетителей», — констатировал «Правдист», сообщивший об этом происшествии в лысьвенскую газету «Социал-демократ», тогда единственную большевистскую газету, выходившую в Прикамье³. Кстати, и эту газету начали выписывать в Очере. Еще в 1905—1912 годах очерцы уезжали работать на Лысьвенский завод. И эти связи с Лысьвой, которая в 1917 году стала крепостью большевизма на Урале, оказались ценными. Ряд активных строителей новой жизни в Очере — Николай Васильевич Чазов, Павел Иванович Тиунов, Иван Степанович Рязанов и другие — прошли школу политической борьбы в Лысьве.

Свой вооруженный отряд Очерский Совет создал в дни борьбы с корниловщиной. Он был скромным по численности и носил название добровольной милиции. Для контроля над штатной милицией Временного правительства Совет выделил в качестве комиссара своего председателя — Николая Васильевича

---

* Это был, как сообщает очерский краевед А. В. Нецветам, М. Я. Постников, возглавивший затем Очерское волостное земство.

Чазова. Оханские власти возмутились и послали в Очер отряд милиционеров с поручением арестовать Чазова. Добровольная народная милиция не только не допустила этого, а и разоружила оханский отряд⁴.

28 октября 1917 года, то есть как только пришло сообщение о победе пролетарской революции в Петрограде, Очерский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял решение о ликвидации правления Очерского округа Пермского нераздельного имения Строгановых. Руководителей его подвергли домашнему адресу. Выделенная Советом комиссия провела опись строгановского имущества и взяла его по акту под охрану⁵.

В селе Ильинском, в главном управлении Пермского нераздельного имения графа Строганова, еще считали, что это просто беспорядки, вызванные кучкой большевиков, что скоро Краснов или Корнилов наведут «законность», жизнь войдет в «нормальную» колею и охраняемые ими интересы графов Строгановых будут надежно защищены государством.

Между тем дело оборачивалось все серьезнее и серьезнее.

В ноябре главное управление дало согласие на прибавку заработной платы рабочим Билимбаевского завода. Когда же рабочие, по декрету Совнаркома, установили на заводе свой контроль, оно, в соответствии с директивой Совета съездов горно-промышленников Урала, предписало 31 декабря в 5 часов утра полностью закрыть завод. Общее собрание граждан Билимбаевской волости приняло следующее решение: «Ввиду того, что закрытие завода влечет за собой безработицу и голодовку, действия завода не прекращать и завод со всем живым и мертвым инвентарем взять в руки народа с 5 часов утра 31 декабря 1917 года»⁶.

Губернского комиссара, помогавшего в Очере Балахонову, уже не было. Уральский областной Совет подтвердил 5 января национализацию Билимбаевского завода⁷.

22 января 1918 года Совет рабочих и крестьянских депутатов Кыновского завода довел до сведения Кыновского окружного правления, что на основании декретов Советской власти «вся дача с лесными, водными, земными и луговыми богатствами, а также имущество, весь живой и мертвый инвентарь бывшие графа Строганова считаются собственностью Российской Республики», отстранил окружное правление, предложил управляющему округом покинуть его пределы и возложил руководство хозяйственными делами «а совет народного хозяйства»⁸.

18 марта 1918 года совет народного хозяйства при Пермском губисполкоме своим постановлением передал полностью дезорганизованное управление Добрянским заводом (одновременно с другими — Чермозским Абамелек-Лазарева и Пожевским Львова) деловому совету, избранному рабочими и служащими⁹. Деловой совет Добрянского завода разослал 29 марта 1918 года письмо, извещавшее всех имеющих с заводом дело, что впредь следует обращаться только к нему¹⁰.

Для служащих, верой и правдой защищавших интересы графа, настали тревожные и тяжелые дни. Кто им будет платить пенсии, ради которых они так старались? Откуда брать деньги на жалованье? На все доходы наложили свою твердую руку местные Советы. В апреле графские служащие попробовали прибегнуть к мимикрии: они образовали «Ильинский центральный комитет союза служащих бывшего имения Строгановых» и пытались через этот комитет исхлопотать у Советской власти жалованье, пенсии, бесплатный отпуск дров и прочее¹¹.

Жалкой выглядела их попытка доказать необходимость сохранить централизованное управление имением. Что от него, от этого имения, осталось? От всей металлургии один крепкий завод — Добрянский (Билимбаевский и Уткинский дышали па ладан). Из обширных когда-то соляных промыслов — небольшая группа варниц в районе Усолья. Остались лесничества и лесоторговые конторы, несколько мельниц и лесопилок.

Бесславный итог!

Три с половиной столетия хозяйничали Строгановы в Прикамье. Алчные и властные предприниматели, жестокие эксплуататоры народа, щедрые в отношении московского, а затем петербургского трона и умеющие получить с государства вдвое и втрое больше, Строгановы многие богатства края оставляли втуне. И главное из них — силы трудового народа, его ум, его творческий почин, его энергию, которыми так пренебрегали и графы и угождавшие им служащие.

Революция раскрыла эти силы.

Давно сложившееся у уральских рабочих отношение к заводам как к своим, этот, по выражению побывавшего на Урале в 1909 году инженера А. Н. Митинского, «социалистический взгляд на заводы, как на предприятия, вне принадлежности владельцу, принадлежащие во многих отношениях рабочему населению»¹², сказался в том, что на Урале раньше, чем где-либо, развернулась национализация промышленности. На попытки

владельцев предприятий дезорганизовать и свернуть производство рабочие отвечали тем, что брали управление ими в свои руки. Работавший в 1917—1919 годах на Урале видный деятель Коммунистической партии Андрей Андреевич Андреев писал позже, в связи с пятой годовщиной Октября: «Если политически революция была закончена в центрах — Петрограде, Москве, то Уралу пришлось первому осуществлять вышибание капитала из его экономических позиций. На Урале раньше и успешнее, чем где бы то ни было, была осуществлена национализация всей горнозаводской промышленности»¹³.

На Урале возникла и своеобразная форма управления национализированными предприятиями — деловые советы, избираемые на две трети рабочими и на одну треть служащими. Они были узаконены в январе 1918 года I съездом по управлению казенными и национализированными предприятиями Урала и III Уральским областным съездом Советов¹⁴. Эта форма носила синдикалистский налет. Он был чисто внешним. Предприятия считались собственностью Советского государства. Деловые советы подчинялись органам Советской власти. Неизвестно ни одного случая конфликта деловых советов с государственными органами.

В Очере Советская власть укрепилась, когда здесь весной 1918 года была создана и быстро стала расти своя организация Российской коммунистической партии (большевиков). Во главе ее встал командированный из Лысьвенской парторганизации слесарь-инструментальщик Павел Иванович Тиунов¹⁵.

В поселке действовало свыше десятка заводов, фабрик, мастерских, артелей¹⁶. Наиболее совершенным предприятием являлась учебно-показательная мастерская, созданная земством еще в 1912 году в арендованных у строгановской администрации помещениях¹⁷. Она не только сама выпускала молотилки, но и снабжала другие кустарные мастерские оборудованием и чугуном и литьем.

В Павловском заводе, где действовала только одна артель «Сотрудник», 1 мая 1918 года произошло радостное событие: в цехах бывшего строгановского предприятия заработала подготовленная еще земством мастерская по производству косиловок, получившая название Павловского косного завода¹⁸. Много сил вложили в создание, а затем восстановление и развитие косного производства Иван Яковлевич Каменских, очерц, порабатывший на крупном Надеждинском заводе, и талантливый

вый мастер-самородок закрытого графом Павловского завода Александр Григорьевич Лузин.

Сохранявшаяся до осени 1918 года организация производства в небольших и просто мелких заводах и мастерских не удовлетворяла очерцев. С помощью приезжавшего из Перми представителя губсовнархоза М. Ф. Сухорослова в Очере создали деловой совет. Свообразие его состояло в том, что он охватывал не одно предприятие, а поселок со многими мелкими предприятиями и сам осуществил национализацию всех предприятий с наемным трудом и артелей. Это не встретило сопротивления. Большинство очерцев думало о заводе, настоящем крупном заводе, загубленном графом и его управителями, но сохранившем почву в трудовых навыках мастеровых. Совет давал свои поручения и Очерскому союзу кузнецов и жестянщиков, объединившему кустарей-одиночек. Он назывался деловым советом Очерского завода, хотя завода собственно не было, его еще предстояло создать или, точнее, воссоздать.

К счастью, сохранился архив Очерского делового совета.

В его адрес, в адрес объединенных им мастерских шло множество запросов¹⁹.

Управление районом укреплений 3-й армии четвертого направления требовало изготовить 50 000 скоб для проволочных заграждений. Военно-полевой инспектор снабжения Северо-Урало-Сибирского фронта в письме из Сепыча предлагал принять заказ на прессы для сена. Квартирное управление Уральского военного округа, находившееся в то время в Вятке, заказывало чугунные котлы.

Деловой совет Шишковских национализированных картонных и стружечных фабрик (ныне фабрика «Северный коммунар») прислал заказ на чугунные части для стружечного станка, «в котором мы в настоящее время очень нуждаемся». Исполнительный комитет Дорожного совета железнодорожных депутатов просил изготовить запасные части к паровозам. Сепычевский волисполком просил «приготовить 36 чугунных ножек для скамеек, по образцу, какие сделали у Балахонова в Верещагино»; председателя волисполкома, по-видимому, обуревала мысль устроить сквер, подобный станционному, и он торопил: «Приготовьте к 20 октября» (чтобы поставить к празднику — первой годовщине Октября).

подавляющее большинство запросов отражало серьезные и острые нужды сельского хозяйства. Пермский союз кредитных

кооперативов предлагал продавать ему все изготавливаемые в Очере молотилки и приводы. Вятский губернский совдеп запрашивал 100 комплектов молотилок с приводами. Бежицкий союз кредитных кооперативов Тверской губернии просил сообщить, не может ли он получить из Очера сельскохозяйственные машины, железо, гвозди.

Потоком шли запросы от отдельных потребителей.

Вятский уездный продовольственный комитет просил «отпустить уполномоченному Филипповской артели Павлу Алексеевичу Злобину для устраиваемой артелью маслобойки пресс, дробилку и чугунную плиту». Из Сивы писали: «Просьба для изготовления телег в Сивинской советской мастерской отлить в возможно непродолжительном времени втулок чугунных 600 штук и гаек чугунных же концевых 600 штук». Из села Бубинского того же Оханского уезда просили: «Сообщите срочно, можете-нет отлить два насоса для локомобиля на мельницу. Если можете, то когда будут готовы, работа необходима, то иначе мельница станет».

Крестьянину, ставшему хозяином на земле, нужны были машины. Вот удостоверения, подобных которым много в перелистке делового совета:

«Выдано настоящее удостоверение гражданину Вознесенской волости Петру Зиновьеву Носкову на право покупки одной приводной шестеренки, покупать в Очерском заводе, так как у означенного гражданина поломался привод шестеренка, необходимо нужно замелить новой, о том и удостоверяем. Председатель Фадиев. Секретарь Мелентьев».

Со штампом Карагайского волисполкома: «Выдано гр-ну Ивану Васильевичу Снигиреву на получение частей для токарного станка из мастерской Плешкова, как починающему сельскохозяйственные машины для населения волости».

Вчитываешься в эти письма, написанные неграмотно, непривычной к перу рукой, и слышишь стон и мольбу деревни о металле. Русской деревне нужен был металл, металл в изделиях: плугах, молотилках, прессах, запасных частях. Этого металла не дал граф Строганов. Он просто закрыл свои заводы. С мольбой о металле деревня обращалась к новой власти, появившейся на Очерском заводе.

И деловой совет отвечал, отвечал, надо заметить, с примерной быстротой и четкостью. Председатель его Иван Степанович Рязанов, заместитель председателя Петр Васильевич Пи-

скарев *, другие работники были деятельными и ответственными людьми. Деловой совет отгружал молотилки в Пермь, Вятку и Кострому, принял крупный заказ на сенные прессы, отпускал запасные части по просьбам волисполкомов, запрашивал у заказчиков чертежи, просил у них помощи коксом.

Кажется, никто из трудового очерского люда не считал, что следует сохранять мелкое, разрозненное производство, которое культивировали либеральные народники из земских деятелей.

Деловой совет закрыл мелкие мастерские и сосредоточил оборудование и людей на четырех заводах, которым присвоил порядковые номера. Сначала он решил, что ответственным лицом на каждом заводе «должен являться председатель цехового комитета, на обязанности которого лежит вся текущая техническая работа», затем, в декабре, на заводах появились заведующие. Это были, собственно, не заводы, а цеха, работу между которыми распределял деловой совет, принимавший заказы и распоряжавшийся всеми денежными средствами²⁰.

В ноябре в Очер приехал из Перми, из отдела промышленности губсовнархоза, техник Е. И. Пепеляев. Он обследовал заводы и внес толковые предложения об организации массового производства молотилок. Деловой совет принял эти предложения. Молотилка-очерка с конным приводом, бесспорно, должна была стать основной продукцией возрождающегося завода. Она, по словам Пепеляева, пользовалась «большой популярностью на большом расстоянии». Решено было стандартизировать молотилку, приняв за основу модель учебно-показательных мастерских²¹.

Это было ясное утро по-настоящему новой жизни.

Путь к ней был нелегким.

От созидательной работы отвлекла война против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Очерские красногвардейцы ходили на подавление кулацко-эсеровских мятежей в Дуброве и Острожке, в Сепыче, в Воткинске, а потом влились в части 30-й дивизии 3-й армии. Несколько месяцев в начале 1919 года Очерский и Павловский заводы находились под властью колчаковцев. На восстановлении производства тяжело ска-

---

* И. С. Рязанов во время наступления колчаковцев стал бойцом 30-й дивизии, работал в ее особом отделе, а потом, командированный в Очер восстанавливать завод, был • 1919—1920 годах его директором. П. В. Пискарёв, когда колчаковцы захватили Очер, лежал в больнице, в тяжелом тифу. Белобандиты вытащили его на улицу и убили.

залась общая экономическая разруха. Очерский и Павловский заводы, пущенные было во второй половине 1919 года, долго стояли из-за отсутствия металла.

В тяжелые годы положительную роль сыграла связь рабочих с землей. Свой огород, покос, корова, небольшой посев помогли продержаться на месте.

Уралпромбюро ВСНХ в отчете за 1920 год, отметив, что рабочая сила с уральских заводов была отвлечена военными действиями, призывами в армию, эвакуациями, продолжало: «Другие причины, кроме названных выше, то есть отсутствие продовольствия, закрытие заводов и фабрик вследствие недостатков сырья и топлива, заставившие рабочих Центральной России уйти в деревню, на Урал в общем и целом не влияли, так как сам уклад жизни уральского рабочего совершенно другой...»²². Свое небольшое сельское хозяйство позволяло ему прокормиться, не покидая заводского поселка.

С 1922 года, после ужасной засухи и голода, начался быстрый подъем сельского хозяйства, — успешно решалась первая задача новой экономической политики. Деревня предъявляла все больший спрос на сельскохозяйственный инвентарь и машины. Советские и хозяйственные органы, располагавшие тогда, можно сказать, ничтожными финансовыми и материальными ресурсами, все же делали многое, чтобы возродить предприятия, снабжающие деревню продукцией, нужной для ее дальнейшего подъема.

В 1924—1927 годах на Очерском заводе произвели ремонт зданий, дооборудование цехов и увеличили мощность электростанции. Выпуск молотилок с 1000 штук в 1923/24 хозяйственном году (он начинался, в отличие от календарного года, с 1 октября) вырос до 6600 штук в 1925/26 хозяйственном году. Это в два с лишним раза превышало максимальную выработку во всем Очере в дореволюционное время. Л кроме основного государственного завода молотилки выпускала еще промысловая артель «Работник». Производство кос-литовок на Павловском заводе достигло в 1925/26 году 1200000 штук²³.

Когда промышленность возродилась, а деревня начала выбрасывать на рынок все больше продуктов, и дешевых продуктов, свое хозяйство уральских рабочих, в частности очерцев, свелось к минимуму²⁴.

Очерские молотилки и павловские косы пользовались доброй славой. Но прошло их время. Колхозной деревне стала нужна

полусложная и сложная молотилка, а вместо косы-литовки — сенокосилка. Их производство развивалось на других заводах страны.

✓ Очерцы и павловцы не остались без дела. Характер его определило обнаружение в Прикамье и Поволжье огромного богатства — нефти.

В 1934 году Очерский завод был превращен в завод бурового оборудования. Производство молотилок сохранялось еще в течение ряда лет в артели «Работник».

Павловский завод в конце тридцатых годов стал переходить на производство термосов, шанцевого инструмента, тракторных шпор, изделий широкого потребления. С началом Великой Отечественной войны он пережил неожиданную перемену. Поздней осенью 1941 года на его базу был эвакуирован из Баку машиностроительный завод имени Александра Федоровича Мясникова (Мясникяна). Завод этот подготовил производство очень нужного для нефтяной промышленности оборудования — турбобуров, но не успел начать его выпуск. А нефть была остро нужна стране, и добыча ее разворачивалась в восточных районах. Героически трудились и бакинцы и павловцы, перевоза с Камы, из Таборов, и монтируя в тесных цехах оборудование. Весной 1942 года завод выпустил первую партию советских турбобуров.

✓ Большой путь прошел с тех пор Павловский завод: в нем выросли новые цеха, не раз обновлялось оборудование. Завод выпускал все более совершенные турбобуры, прочно завоевавшие мировое признание. Последние достижения завода связаны с освоением производства турбобуров малых диаметров, которые дают крупную экономию народному хозяйству.

Очерский же завод пережил в пятидесятых годах еще одну перестройку: он был специализирован на производстве средств механизации строительства магистральных нефте- и газопроводов. В последние годы завод выпускает главным образом трубокладчики, все более мощные, удобные и надежные. И на этом заводе выросли новые цеха и не раз сменилось оборудование. К Очеру проложен подъездной железнодорожный путь.

✓ Несоизмеримы с прошлым ни объемы, ни качество продукции, которую выпускают сейчас Очерский и Павловский заводы.

✓ Многие изменилось в поселках. Выросло их население. Появились кварталы новых домов, детские учреждения, клубы, библиотеки. С 1950 года Очер — официально признанный город. Он

центр района, в который входит и рабочий поселок Павловский. Трудно понять очерской молодежи, что такое безработица, как это для человека может не найтись работы. Широкие просторы родных мест, всей Советской страны открыты перед молодыми поколениями.

5 августа 1961 года очерцы праздновали двухсотлетие со дня пуска своего завода, закрытого последним из графов Строгановых и возрожденного к новой, большой жизни Советской властью.

Накануне, 4 августа, на площади перед заводом был торжественно открыт памятник Владимиру Ильичу Ленину. К его подножию принесли цветы и старые рабочие и пионеры.

Это один из многих памятников Владимиру Ильичу Ленину, установленных в городах и селах нашей страны.

И статья Владимира Ильича Ленина «Замечательное дело», в которой он говорил о тяжбе очерских и павловских мастеровых с графами Строгановыми, одна из многих его статей, посвященных жизни рабочих и крестьян разных уголков России.

В этом и величие Ленина, что многими нитями вся его жизнь, все его научное и публицистическое творчество, его политическая деятельность связаны с жизнью трудового народа, что с изумительной чуткостью улавливал он глубинные процессы, которые в этой жизни протекали и готовили революционные перемены.

ПРИМЕЧАНИЯ

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 373.

² Там же, стр. 374.

ТУГОЙ УЗЕЛ

¹ Ф. А. Волегов. Историко-статистические таблицы на Пермские именья господ Строгановых с 1558 по 1856 год. В «Памятной книжке и адрес-календаре Пермской губернии на 1889 год». Пермь, 1888, стр. 7.

² Ф. М. Малков. В старом Очере. Записки краеведа. Пермь, 1959, стр. 10.

³ Х. Мозель. Пермская губерния. Материалы для географии и статистики России. Ч. 2, СПб., 1864, стр. 313.

⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (в дальнейшем — 1 ПСЗ). Т. 34, № 26995, стр. 471.

⁵ Коми-Пермяцкий национальный округ. Институт географии Академии наук СССР. М.—Л., 1948, стр. 282—283.

⁶ А. Теплоухов. Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате Строгановых. «Пермский сборник». 1. М., 1859, стр. 42.

⁷ Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем — ЦГАДА), фонд (в дальнейшем — ф.) 1278, опись (в дальнейшем — оп.) 2, часть (в дальнейшем — ч.) I, единица хранения (в дальнейшем — ед. хр.) 264, лист (в дальнейшем — л.) 1.

⁸ Н. А. Рогов. Материалы для истории заповедного имения графов Строгановых. Пермь, 1892, стр. 21—40; Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим комитетом. Т. 2. Пермь, 1893, стр. 90—96 и 137—158; т. 3. Пермь, 1895, стр. 82—121. Государственный архив Пермской области (в дальнейшем — ГАПО), ф. 672, оп. 1, ед. хр. 97, 98, 113.

⁹ ГАПО, ф. 672, оп. 1, ед. хр. 98, л. 2.

¹⁰ Н. А. Рогов. Материалы для истории заповедного имения графов Строгановых. Пермь, 1892, стр. 21.

¹¹ А. Я. Власов. Воспоминания и служба старика из дворовых. Спб., 1907, стр. 104.

¹² ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1505, л. 5.

¹³ Там же, ед. хр. 1420, л. 21.

¹⁴ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 15. М., 1958, стр. 99, 437 и др.

¹⁵ В. В. Берви-Флеровский. Воспоминания. «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 156.

¹⁶ Х. Мозель. Пермская губерния. Ч. 1. Спб., 1864, стр. 357.

¹⁷ В. В. Берви-Флеровский. Положение рабочего класса в России. Избранные экономические сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1958, стр. 428.

¹⁸ Х. Мозель. Пермская губерния. Ч. 2. Спб., 1864, стр. 531.

¹⁹ Г. Е. Каменских. Рукопись, начинающаяся словами: «Желаю о сем жителстве завода сказать древность». Хранится в коллекции очерского краеведа А. В. Нецветова.

²⁰ Х. Мозель. Пермская губерния. Ч. 2. СПб., 1884, стр. 531.

²¹ ГАПО, ф. 297, оп. 3, ед. хр. 313, л. 16.

²² Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, стр. 207.

²³ ГАПО, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 455, лл. 3, 5 и 5 об.

²⁴ Н. М. Колмаков. Дом и фамилия графов Строгановых. 1752—1887. «Русская старина», 1887, т. 54, стр. 72.

²⁵ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961 (в дальнейшем: Ф. С. Горовой. Падение крепостного права...), стр. 103.

²⁶ См.: П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. Изд. 3. М., 1968, стр. 66—67, 75, 77; П. И. Лященко. Последний секретный комитет по крестьянскому делу. СПб., 1911, стр. 6.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (в дальнейшем 2ПСЗ). Т. 36, отд. 1, № 36650, стр. 130.

²⁸ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1505.

²⁹ Н. Н. Новокрещенных. Чермошский завод. СПб. 1889, стр. 25.

³⁰ Законодательные материалы по вопросам, относящимся к помещичьему устройству горнозаводского населения. Составил А. С. Кривошеков. СПб., 1911, стр. 65.

³¹ Там же, стр. 71 и 72.

³² ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1505, л. 5.

³³ Там же, ч. III, ед. хр. 5025, обложка и лл. 3, 10 и др.

³⁴ Там же, л. 85.

³⁵ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права..., стр. 119—120.

³⁶ Ф. М. Малков. В старом Очере. Пермь, 1959, стр. 123.

³⁷ 2 ПСЗ, т. 36, отд. 1, № 36650, стр. 133.

³⁸ Ф. М. Малков. В старом Очере. Пермь, 1959, стр. 125.

³⁹ К. С. Маханек. Восстание крестьян коми-пермяков в 1861 году. Автореферат диссертации. Пермь, 1951, стр. 14—20; Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века. Пермь, 1951, стр. 42—69; Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, стр. 391—392 (биография Т. И. Механюшина).

⁴⁰ Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, стр. 275—276 (биография А. Кокшарова); Н. В. Щелгунов, Л. П. Щелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в 2-х т. Т. 2. М., 1967, стр. 387—388.

⁴¹ История Урала. Под общ. ред. проф. Ф. С. Горового. Т. 1. Пермь, 1963, стр. 269 и 270.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

⁴³ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права..., стр. 215.

⁴⁴ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 8. М., 1955, стр. 276.

⁴⁵ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 255, лл. 95—97.

⁴⁶ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861—1904. Сборник документов. Ин-т истории Академии наук СССР, Ленинградское отделение. М.—Л., 1960, стр. 177 (в дальнейшем: Положение рабочих Урала...).

⁴⁷ М. В. Кукаретин. Ко дню пятидесятилетия великой реформы в Пермской губернии. Краткий очерк деятельности крестьянских учреждений. Пермь, 1911, стр. 55.

⁴⁸ ГАПО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 316, лл. 38 и 10 об.

⁴⁹ Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862. М.—Л., 1950. Данные по Пермской губернии в таблицах на стр. 97, 105, 117, 129, 137, 145, 154, 167, 192—193, 224—225, 240—241, 254—256, 272—274, 285—287.

⁵⁰ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права..., стр. 222.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1505, л. 16.

⁵² Там же, ч. III, ед. хр. 8581, лл. 31—33.

⁵³ Там же, л. 33.

⁵⁴ Там же, ч. I, ед. хр. 1420, лл. 109 об. — 110.

⁵⁵ Положение рабочих Урала..., стр. 177.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1420, л. 41.

⁵⁷ Там же, лл. 38 и 37 об. — 38.

⁵⁸ Н. А. Рогов. Материалы для истории заповедного имения графов Строгановых. Пермь, 1892, стр. 93; Ф. М. Малков. В старом Очере. Пермь, 1959, стр. 37.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. I, ед. хр. 1420, лл. 111 и 111 об.

⁶⁰ Там же, лл. 148 об., 149 и 149 об.

⁶¹ Там же, лл. 134, 134 об., 135 и 137.

⁶² Положение рабочих Урала..., стр. 197 и 196.

⁶³ ГАПО, ф. 177, оп. 1, ед. хр. 622, лл. 8 об., 11 и 11 об.

⁶⁴ Там же, лл. 12—12 об.

⁶⁵ Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения. Спб., 1911, стр. 135.

⁶⁶ Там же, стр. 139 и 140.

⁶⁷ Там же, стр. 141—143.

⁶⁸ Телеграмма цитируется по кн.: М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954, стр. 329; ссылка на эту телеграмму есть в ГАПО — ф. 298, оп. 1, ед. хр. 58, л. 15.

⁶⁹ ГАПО, ф. 298, оп. 1, ед. хр. 58, л. 15.

⁷⁰ Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения. Спб., 1911, стр. 166.

⁷¹ Там же, стр. 172—173; 2 ПСЗ, т. 37, отд. 2, № 38989, стр. 450—451.

⁷² ГАПО, ф. 298, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 57, 58 и 62.

⁷³ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права..., стр. 246.

⁷⁴ ГАПО, ф. 297, оп. 3, ед. хр. 239, л. 15.

⁷⁵ Ф. С. Горовой. Падение крепостного права..., стр. 286.

⁷⁶ ГАПО, ф. 298, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 115—115 об. и 117.

⁷⁷ Г. Г. Савич. Землеустройство сельских обывателей Урала. Спб., 1907, стр. 58 (в дальнейшем: Г. Г. Савич. Указ. соч.).

⁷⁸ Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13. О горном промысле. Ч. 4. Спб., 1868. Приложение 20, стр. 3 и 4.

⁷⁹ Там же. Приложение 20-а, стр. 1 и 2.

⁸⁰ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 16. М., 1958, стр. 288.

⁸¹ Там же, стр. 289.

⁸² Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2, М., 1961, стр. 185.

⁸³ История Урала. Т. 1. Пермь, 1963, стр. 333.

⁸⁴ Подробное изложение этого дела читатель найдет в следующих работах: Ф. С. Горовой. Проведение выкупной операции в Пермской губернии. Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Т. 3, вып. 2. Пермь, 1953, стр. 155—214; К. С. Маханек. Из истории развития крупного землевладения на Урале в 20—70-е годы XIX века (Приемы и методы использования государственного и земского аппарата управления помещиками-заводчиками Пермской губернии). Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Т. 12, вып. 3. Из истории Урала. Пермь, 1960, стр. 11—28; К. С. Маханек. Реформа 1861 года и особенности ее в помещичьих имениях Пермской губернии. В сб.: «Из истории реформы 1861 года на Урале». Пермь, 1961, стр. 32—62; Г. С. Замятин (Десятов). Уставные грамоты и их исправление в Пермской губернии. Из газ. «Рудопол». Пермь, 1898.

⁸⁵ Г. С. Замятин (Десятов). Уставные грамоты и их исправление в Пермской губернии. Пермь, 1898, стр. 19.

⁸⁶ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2, М., 1961, стр. 47.

⁸⁷ 2ПСЗ, т. 40, отд. 1, № 42201, стр. 650—652.

⁸⁸ Газ. «Русь», 1883, 1 июля, № 13, стр. 53, корреспонденция Б. С. «К истории упразднения крепостного права в Пермской губернии».

⁸⁹ Там же, в частности примечание к указанной корреспонденции редактора «Руси» И. С. Аксакова.

⁹⁰ История Урала. Т. 1. Пермь, 1963, стр. 241—242, 245—246.

⁹¹ Выразительное сопоставление Пермской губернии с другими дают таблицы, разработанные акад. Н. М. Дружининым. См.: Н. М. Дружинин. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882 гг.). «Вопросы истории», 1968, № 12, декабрь, стр. 15, 17, 18, 19.

⁹² Русский биографический словарь. Т. 19. Спб., 1914, Струве Бернгард Васильевич.

⁹³ Газ. «Московские ведомости», 1871, 16 января, № 12, 2 стр., переловая статья «Москва, 15 января».

⁹⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 5. М., 1968, стр. 106—107.

⁹⁵ Газ. «Московские ведомости», 1871, 16 и 17 января, № 12 и 13. Дальнейшие цитаты из этих номеров газеты.

⁹⁶ Дневник А. В. Никитенко. Т. 3. М., 1956, стр. 196.

⁹⁷ «Вестник Европы», 1871, кн. 10, стр. 629—659.

⁹⁸ А. Дмитриев. Очерки из истории губернского города Перми с приложением летописи города Перми. Пермь, 1889, стр. 280.

⁹⁹ Б. Струве. К истории раскола и упразднения крепостного права в Пермской губернии. «Русская старина», 1884, т. 43, стр. 664.

¹⁰⁰ М. Е. Салтыков-Щедрин. Итоги. Глава II. «Отечественные записки», 1871, № 2. Собрание сочинений в 20-ти т. Т. 7, М., 1969, стр. 433 и 444.

¹⁰¹ В. В. Берви-Флеровский. Воспоминания. «Голос минувшего», 1916, № 1, январь, стр. 204.

¹⁰² В. В. Берви-Флеровский. Положение рабочего класса в России. Избр. эконом. соч., в 2-х т. Т. 1, М., 1958, стр. 410, 423 и 437.

¹ Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13. О горном промысле. Ч. 5. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Исследования В. П. Безобразова. Спб., 1869, стр. 20 и 22.

² ГАПО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 151, л. 61.

³ Там же, л. 59 об.

⁴ Там же, лл. 60—60 об.

⁵ Там же, л. 69.

⁶ В. Е. Четин. Рабочее движение в Пермской губернии в 70-х годах XIX века. В кн.: «Из истории рабочего класса Урала». Сборник статей. Пермь, 1961, стр. 189 (в дальнейшем: В. Е. Четин. Указ. статья).

⁷ Там же, стр. 182.

⁸ Там же, стр. 189 и 190. Положение рабочих Урала..., стр. 405—406.

⁹ Положение рабочих Урала..., стр. 406—407.

¹⁰ Там же, стр. 408.

¹¹ Я. Б. Рабинович. Стаечная борьба в Пермской губернии в 70-х годах XIX века. Уч. зап. Пермского гос. ун-та, т. 21, вып. 1. Прошлое Урала. Пермь, 1961, стр. 14—15; Положение рабочих Урала..., стр. 409, 410, 411.

¹² Положение рабочих Урала..., стр. 322—323.

¹³ Там же, стр. 56.

¹⁴ Там же, стр. 58—59.

¹⁵ Там же, стр. 413; Я. Б. Рабинович. Стаечная борьба в Пермской губернии в 70-х годах XIX века. Указ. изд., стр. 18.

¹⁶ Положение рабочих Урала..., стр. 414.

¹⁷ Я. Б. Рабинович. Стаечная борьба в Пермской губернии в 70-х годах XIX века. Указ. изд., стр. 19.

¹⁸ Положение рабочих Урала..., стр. 419—421; В. Е. Четин. Указ. статья, стр. 192—193.

¹⁹ Положение рабочих Урала..., стр. 406.

²⁰ В. Е. Четин. Указ. статья, стр. 192.

²¹ Дело Добрянской заводской конторы (на частном хранении). Конфиденциальные циркуляры главного управления Пермским именем от 9 августа 1878 года и от 22 января 1881 года и приложения к последнему «Правила для отпуска лесных материалов», утвержденные 22 ноября 1880 года.

²² Положение рабочих Урала..., стр. 64.

²³ Дело Добрянской заводской конторы (на частном хранении). Письмо главного управления Пермским именем от 28 июня 1883 года управляющему Добрянским заводом П. И. Сюезеву в ответ на аналогичную просьбу добрянских мастеровых.

²⁴ Центральный государственный исторический архив (в дальнейшем — ЦГИА), ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, л. 9.

²⁵ Положение рабочих Урала..., стр. 83.

²⁶ Там же.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 1. № 575, стр. 372.

²⁸ ГАПО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 45, л. 1.

²⁹ Положение рабочих Урала..., стр. 73—77.

- ³⁰ ГАПО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 45, л. 20.
- ³¹ Положение рабочих Урала..., стр. 82—84.
- ³² ГАПО, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 45, л. 37 об.
- ³³ Там же, л. 94 об.
- ³⁴ Там же, ф. 38, оп. 3, ед. хр. 999, лл. 69—72.
- ³⁵ См.: Энциклопедический словарь изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 3-а, СПб., 1891, стр. 848; Уральская железная промышленность в 1899 г. Редактировал Д. Менделеев. СПб., 1900, стр. 138—139 (в главе, написанной С. Вуколовым).
- ³⁶ ГАПО, ф. 38, оп. 3, ед. хр. 999, лл. 76—78.
- ³⁷ Там же, л. 111 об.
- ³⁸ ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, л. 10; И. Сигов. Видения профессора Менделеева на Урале. «Русское богатство», 1901, № 4, апрель, отд. 2, стр. 35.
- ³⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2246, лл. 1—2.
- ⁴⁰ Цитирую донесение неперменного члена Оханского уездного присутствия по статье: И. Сигов. Видения профессора Менделеева на Урале. «Русское богатство», 1901, № 4, апрель, отд. 2, стр. 36 и 37. В архиве разыскать донесение не удалось.
- ⁴¹ ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, л. 11.
- ⁴² Там же, лл. 12—13.
- ⁴³ ГАПО, ф. 298, оп. 1, ед. хр. 69, лл. 86, 92 и 111.
- ⁴⁴ Г. Г. Савич. Указ. соч., стр. 89—90.
- ⁴⁵ Вас. Немирович-Данченко. Кама и Урал (Очерки и впечатления). СПб., 1890, стр. 369, 370, 371 и 372.
- ⁴⁶ Н. Д. Аленчикова. Изменения в землепользовании рабочих заводов наследников А. В. Всеволожского в пореформенный период. В сб.: «Из истории рабочего класса Урала». Пермь, 1961, стр. 173; Г. Г. Савич. Указ. соч., стр. 72.
- ⁴⁷ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 255, л. 104.
- ⁴⁸ М. В. Кукарекин. Ко дню пятидесятилетия великой реформы в Пермской губернии. Пермь, 1911, стр. 55.
- ⁴⁹ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, стр. 11.
- ⁵⁰ Материалы к выяснению вопроса об обеспеченности горнозаводского населения Пермской губернии в продовольственном отношении. Пермь, 1900, стр. 62—63, 133—134 и 147 (на указанных страницах цифровые данные по всем трем заводам).
- ⁵¹ Там же, стр. 31.
- ⁵² Г. Г. Савич. Указ. соч., стр. 90.
- ⁵³ Я. Б. Рабинович. Об аграрных требованиях рабочих Урала в 70—80 годах XIX века. В сб.: «Из истории рабочего класса Урала». Пермь, 1961, стр. 204.
- ⁵⁴ На это верно указал В. В. Адамов. См.: В. В. Адамов. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции. В сб.: «Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года». Ч. 2. Одесса, 1967, стр. 162.
- ⁵⁵ А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 209.
- ⁵⁶ Данные переписи 1877 года приводятся по книге: В. Г.-ль. Поземельная собственность в Пермской губернии [без обозначения года], стр. 12. (В дальнейшем: В. Г.-ль. Указ. соч.). Тот же обзор с той же подписью

был опубликован в «Календаре Пермской губернии на 1887 год», изданном Пермским статистическим комитетом в 1886 году. В качестве автора этого обзора современники называли В. В. Грибеля, работавшего в те годы в земстве (см.: «Сборник Пермского земства», 1892, № 1—2, стр. 71).

⁵⁷ Положение рабочих Урала.... стр. 126.

⁵⁸ В. Г.-л.б. Указ. соч., стр. 38—39.

⁵⁹ Е. И. Красноперов. Сельскохозяйственные нужды Пермского края. Реферат работ статистического бюро. Пермь, 1881, стр. 71.

⁶⁰ Цитируется по книге: П. Степанов. Наделение земель горно-заводского населения на Урале. СПб., 1914, стр. 65.

⁶¹ Подсчеты по таблицам, составляющим вторую часть книги «Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии (Обзор Пермского края)», Пермь, 1896, стр. 52—81.

⁶² Каталог, с объяснительным текстом, кустарно-промышленных изделий экспонентов Пермской губернии на Казанской научно-промышленной выставке. Составитель Е. И. Красноперов. Пермь, 1890, стр. 49—52.

⁶³ Очерк кустарных промыслов Оханского уезда Пермской губернии. Пермь, 1915, стр. 25—26.

⁶⁴ Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. I — Оханский уезд. Статистическое бюро Пермского земства. Пермь, 1893, стр. 85.

⁶⁵ Н. П. Штейнфельд. Горнопромышленные съезды в Екатеринбург. В «Адрес-календаре и памятной книжке Пермской губернии на 1898 год». Пермь, 1898, приложение, стр. 3.

⁶⁶ Воспоминания Василия Павловича Чудинова. Рукопись в коллекции очеркового краеведа А. В. Нецветова.

⁶⁷ Каталог, с объяснительным текстом, кустарно-промышленных изделий экспонентов Пермской губернии на Казанской научно-промышленной выставке. Пермь, 1890, стр. 51.

⁶⁸ Е. И. Красноперов. Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке. Пермь, 1888, стр. 140, 141—142; Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. 16. СПб., 1887, стр. 594—595.

⁶⁹ Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896, стр. 272—274.

⁷⁰ П. А. Вологдин. Поездки на Урал г. министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова летом 1895 года. Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией, вып. 7. В приложении к «Адрес-календарю и памятной книжке Пермской губернии на 1896 год», стр. 241.

⁷¹ Свод законов Российской империи. Т. 7, 1857, стр. 69.

⁷² 2 ПСЗ, т. 36, отд. 1, № 38657, ст. 23, стр. 144.

⁷³ Там же, № 36719, стр. 411.

⁷⁴ Свод законов Российской империи. Т. 7, 1857, стр. 100.

⁷⁵ В. И. Ленин. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 417—418.

⁷⁶ А. А. Дмитриев. Народное творчество в Билимбаевском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. 12, вып. 2, Екатеринбург, 1890—1891, стр. 3. Этот вариант песни «Прославление святого имени» записан в Билимбаевском заводе.

⁷⁷ ИПСЗ, т. 5, № 3464, стр. 761.

⁷⁸ «Вестник Европы», 1876, кн. 7, июль, стр. 110, 123, 124 и 125.

⁷⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 23, стр. 189, 190, 191.

⁸⁰ Положение рабочих Урала..., стр. 291.

⁸¹ Там же, стр. 298—301.

⁸² См.: В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 377.

⁸³ Там же, стр. 378.

⁸⁴ Вас. Немирович-Данченко. Кама и Урал. Спб., 1890, стр. 164.

⁸⁵ ГАПО, ф. 176, оп. 1, ед. хр. 906, л. 12.

⁸⁶ В. Д. Белов. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. В «Памятной книжке и адрес-календаре Пермской губернии на 1888 год». Пермь, 1887, стр. 15.

⁸⁷ И. Сигов. Видения профессора Менделеева на Урале. «Русское богатство», 1901, № 4, апрель, отд. 2, стр. 22.

⁸⁸ В. Е. Четин. Указ. статья, стр. 184.

⁸⁹ В. Д. Белов. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. В «Памятной книжке и адрес-календаре Пермской губернии на 1888 год». Пермь, 1887, стр. 15.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 16, стр. 9.

⁹¹ Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. 2. М. [без обозначения года], стр. 361 и 403.

⁹² П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. Спб., 1894, стр. 30 и 33.

⁹³ Там же, стр. 288.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ БОРЬБЫ

¹ Д. В. Гаврилов. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX века (1885—1900 гг.) (По материалам Пермской губернии). Уч. зап. Шадринского гос. пед. ин-та. Вып. 7-й. Курган, 1963, стр. 45 и 102 (в дальнейшем: Д. В. Гаврилов. Указ. соч.).

² По материалам Очерского народного краеведческого музея и очерского краеведа А. В. Невцветаева.

³ Н. П. Штейнфельд. Горнопромышленные съезды в Екатеринбург. В «Адрес-календаре и памятной книжке Пермской губернии на 1895 год». Пермь, 1898, приложение, стр. 24.

⁴ В. Весновский. Формы рабочего движения на Урале. Рукопись в коллекции пермского краеведа А. К. Шарца, стр. 4. Автор рукописи, журналист-краевед, пользовался хроникой уральских газет последних лет XIX и первых лет XX века, на основе которой дал богатую сводку фактов.

⁵ Газ. «Искра», 1903, 15 апреля, № 38, отдел «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», корреспонденция «С Урала».

⁶ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, стр. 175.

⁷ Д. В. Гаврилов. Указ. соч., стр. 70—71; ГАПО, ф. 162, оп. 1, ед.

хр. 46, л. 42. Цитата из содержащегося в этом деле жандармского донесения.

⁸ Уральская железная промышленность в 1899 году. Редактировал Д. Менделеев. Спб., 1900. Ч. 2, стр. 254.

⁹ Положение рабочих Урала..., стр. 344; Д. В. Гаврилов. Указ. соч., стр. 101—102.

¹⁰ ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 283, л. 76.

¹¹ Газ. «Искра», 1903, 15 апреля, № 38, отдел «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», корреспонденция «С Урала».

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 238.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7-е. М., 1953, стр. 43.

¹⁴ Газ. «Искра», 1903, 1 августа, № 45.

¹⁵ Газ. «Новая жизнь», 1905, 16 ноября, № 14, корреспонденция «С Урала».

¹⁶ Газ. «Звезда», 1911, 13 января, № 5, статья Зауральского «К землеустройству на Урале».

В последние годы вопросы о связи уральских рабочих с землей, изменениях в их землепользовании и землевладении и их социальных особенностях служили предметом оживленной дискуссии среди уральских историков и явились темой ряда исследовательских работ. Накоплен значительный фактический материал, сделаны ценные наблюдения и высказаны верные замечания. Однако итоги подводить рано.

Указания на литературу содержатся в статье: П. И. Легошин, М. И. Черныш. Историкография аграрного вопроса на Урале в пореформенный период (обзор советской литературы 1957—1967 гг.). «История СССР», 1969, № 1, стр. 134—145. К сожалению, хронологические рамки обзора узки, а позиции некоторых историков обрисованы неточно.

Автор касается этих тем лишь в связи с материалами, непосредственно относящимися к статье В. И. Ленина «Замечательное дело» и преимущественно к одному округу имения Строгановых — Очерскому.

¹⁷ ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 255 (1897—1901 гг.).

¹⁸ Д. В. Гаврилов. Указ. соч., стр. 86—87; ГАПО, ф. 36, оп. 10, ед. хр. 3, лл. 84—94 об.

¹⁹ ГАПО, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 46, л. 31.

²⁰ Там же, ед. хр. 47, лл. 4 об. и 6.

²¹ Н. Глушков. Лесное хозяйство в Пермском нераздельном имении графа Сергея Александровича Строганова. Отдельный оттиск из «Лесного журнала» за 1906 год, стр. 99.

²² В. А. Весновский. Рабочий вопрос на Урале. Екатеринбург, 1898, стр. 17.

²³ В. С. Верхолапцев. Летопись города Перми. Труды Пермской губ. уч. арх. комиссии, вып. 10. Пермь, 1913, стр. 117.

²⁴ Положение рабочих Урала..., стр. 172—174. Составители датировали записку: «Не ранее 1904 г., марта 17», не указав основания такой датировки. Датировка представляется ошибочной. В том же сборнике на стр. 166—167 помещен отзыв на эту записку главного начальника Уральских горных заводов, датированный сентябрем 1902 года. Относящиеся к 1902—1903 годам отзывы на записку Цехановецкого содержатся и в ГАПО, ф. 280,

оп. 1, ед. хр. 1553. Следует также принять во внимание, что в марте 1904 года Цехановецкий уже уехал из Перми.

²⁵ См. переписку по этому поводу в делах Чермозского главного управления имени Абамелек-Лазарева — ГАПО, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 1553.

²⁶ Газ. «Искра», 1903, 15 июля, № 44, отдел «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», корреспонденция «Пермь».

²⁷ Г. Г. Савич. Указ. соч., стр. 103, 109, 105, 107.

²⁸ ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 201, л. 16.

²⁹ Труды XVII съезда горнопромышленников Урала с 5 по 7 марта 1912 года. Спб., 1912, стр. 96—97; П. Степанов. Наделение земель горнозаводского населения на Урале. Спб., 1914, стр. 66 и сл.; ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 225, лл. 103 об. и 113 об. Цитируется содержащийся в этом деле протокол губернского присутствия за 26 апреля 1908 года, в котором излагается прежнее, в 1908 году уже отвергаемое, мнение губернского присутствия. Журналы присутствия за 1904 год в архиве не сохранились.

³⁰ ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, л. 112 об.; М. Б. Струве. Материалы по землепользованию горнозаводского населения частных горных заводов на Урале. Отчет по командировке ревизора землеустройства. Главное управление землеустройства и земледелия. Департамент государственных земельных имуществ. Спб., 1908, стр. 18.

³¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 225, лл. 113 об. — 114.

³² III съезд РСДРП (апрель — май 1905 года). Протоколы. М., 1959, стр. 377; см.: там же, стр. 392.

³³ ГАПО, ф. 160, оп. 1, ед. хр. 56, л. 1.

³⁴ Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, стр. 490; Газ. «Знамя труда» (Очер), 1967, 3 июня, № 65, статья В. Тиуновой «Создадим летопись Очерского края».

³⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2240, лл. 2—2 об.

³⁶ Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, стр. 490; Воспоминания Ивана Максимовича Шардакова. В коллекции очерского краеведа А. В. Невцетева.

³⁷ ГАПО, ф. 160, оп. 1, ед. хр. 56, листовка — л. 41, данные о ее обнаружении — лл. 40—40 об.

³⁸ Там же, л. 44.

³⁹ А. А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. М., 1931, стр. 130—131; Революционеры Прикамья. Пермь, 1966, стр. 490—492 (биография Елены Андреевны Пищалкиной).

⁴⁰ Единственный известный автору и, несомненно, подлинный экземпляр этой листовки хранится в коллекции очерского краеведа А. В. Невцетева.

⁴¹ Г. Г. Савич. Указ. соч., стр. 109.

⁴² ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2247, лл. 64—64 об.

⁴³ Там же, ч. I, ед. хр. 1333, л. 1.

⁴⁴ ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 201, л. 55.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2247, л. 69.

⁴⁶ Там же, лл. 88 и 89.

⁴⁷ Там же, л. 100.

⁴⁸ Там же, л. 110.

⁴⁹ Там же, ч. I, ед. хр. 1585, л. 1.

⁵⁰ Там же, ед. хр. 1586, л. 1 об.

- ²³ Там же, л. 4.
- ²² В. С. Верхованцев. Летопись г. Перми. Труды Пермской губ. уч. арх. комиссии. Вып. 10. Пермь, 1913, стр. 136.
- ²³ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2247, лл. 141—142 и 156—156 об.
- ²⁴ Там же, л. 175.
- ²⁵ В. И. Ленин. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 369.
- ²⁶ Все приведенные выше данные о землевладении в Пермской губернии в 1905 году по кн.: Статистика землевладения. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. Центральный статистический комитет МВД. Спб., 1907, стр. 52—53, 156, таблицы: 3, 5, 30-а, 19, 22. Эти же данные в кн.: Статистика землевладения. 1905 г. Вып. 40 — Пермская губерния. Центральный статистический комитет МВД. Спб., 1906.
- ²⁷ В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 215.
- ²⁸ В. И. Ленин. Речь по аграрному вопросу на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов 22 мая (4 июня) 1917 года. Полн. собр. соч., том 32, стр. 176.
- ²⁹ Листовка Екатеринбургского комитета РСДРП. Партийный архив Пермского обкома КПСС (в дальнейшем — ППА), ф. 90, оп. 1, ед. хр. 387, л. 3.
- ³⁰ Еженедельник «Общество», Екатеринбург, 1907, № 2 — «Аграрный вопрос», № 4 — «Опыт участия социал-демократии в аграрном движении на Урале». Автор пользовался этим редким изданием в ГАПО, ф. 953 (Н. А. Чердынцева), оп. 1, ед. хр. 22; Л. А. Трефилова. Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в 1861—1917 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермский гос. ун-т, 1967, стр. 329—329.
- ³¹ Газ. «Уфимский рабочий», 1907, № 15, «Отчет об общеуральской конференции, проходившей в конце февраля». ППА, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 387, л. 12.
- ³² П. П. Боклевский. Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург, 1899, стр. 1—3, в частности диаграмма, вклеенная между 2 и 3 стр.
- ³³ Цитаты по статье: Г. Гольдберг. Самобытный капитализм. «Современный мир», 1910, № 2, февраль, отд. 2, стр. 53—54.
- ³⁴ Газ. «Пермские ведомости», 1910, 11 апреля, № 81, статья «Болезнь металлургия».
- ³⁵ П. П. Боклевский. О мерах к развитию уральской горной промышленности. Спб., 1908, стр. 3.
- ³⁶ ГАПО, ф. 65, оп. 3, ед. хр. 694, л. 44 об.
- ³⁷ Газ. «Пермские ведомости», 1909, 26 сентября, № 207, «Еще о заводах Демидова». Сведения о долгах были собраны горным департаментом.
- ³⁸ Она приведена в газ. «Пермские ведомости», 1910, 13 февраля, № 35, в статье Л. Чужого «Старый Урал в новых цифрах». Был и другой вариант: «С этими заводами все можно сделать, но одного не сделаешь: их не разоришь» (газ. «Пермские ведомости», 1909, 11 июля, № 148, «Кризис уральских горных заводов»).
- ³⁹ ГАПО, ф. 162, оп. 1, ед. хр. 116, лл. 328, 328 об., 339 об. и 340.

⁷² «Известия общества горных инженеров», 1908, № 9 и 10. Указанный в тексте доклад П. А. Голубева.

⁷³ С. Фармаковский. Горнозаводские дела Урала. Доклад, читанный в императорском Русском техническом обществе 3 марта 1909 г. Спб., 1909.

⁷⁴ Газ. «Пермские ведомости», 1909, 13 октября, № 218, «Доклад о положении уральских заводов».

⁷⁵ Там же, 1909, 15 июля, № 154 — «Беседа с проф. Озеровым».

⁷⁶ Там же. Сессия третья. Ч. 1, стр. 363—390. 5 февраля, № 28 — «О положении Урала»; 25 марта, № 67 — «Уральский вопрос».

⁷⁷ Л. Е. Воеводина. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910, стр. 25, 144 и др.

⁷⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 4. Спб., 1909, стр. 359—402.

⁷⁹ Там же. Сессия третья. Ч. 1, стр. 363—390.

⁸⁰ М. Б. Струве. Материалы по землепользованию горнозаводского населения частных горных заводов на Урале. Спб., 1908, стр. 198.

⁸¹ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 225, лл. 91, 99 об., 103—103 об., 105—105 об. и др.

⁸² И. Х. Озеров. Горные заводы Урала. М., 1910, стр. 29. См. также стр. 30—42, 239 и др.

⁸³ А. Н. Митинский. Горнозаводский Урал. Спб., 1909, стр. 39.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. 1, ед. хр. 1535, л. 30 об.

⁸⁵ Газ. «Пермские ведомости», 1910, 12 января, статья «Чем болеет Урал».

⁸⁶ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911—1912 г. Т. 1, № 75, стр. 1—10. Изложение законопроекта по этому источнику.

⁸⁷ Н. М. Егоров. Положение уральской промышленности и закон 3 декабря 1862 года. «Просвещение», 1911, № 1, декабрь, стр. 63.

⁸⁸ Статья «Нового времени» «Земельный вопрос на Урале» цитируется по перепечаткам в газетах: «Пермские ведомости», 1910, 17 января, № 13 и «Пермская земская неделя», 1910, 28 января, № 4.

⁸⁹ М. Б. Струве. Материалы по землепользованию горнозаводского населения частных горных заводов на Урале. Спб., 1908, стр. 1.

⁹⁰ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 225.

⁹¹ Законопроект получил широкое освещение в печати. Мы излагаем его по материалам «Пермских ведомостей» за 1910 год: 11 мая, № 101 — Л. Чужой. «Два законопроекта по земельному устройству на «Урале»; 14 мая, № 104 — К. «К вопросу о наделении мастеровых частных горных заводов на Урале»; 16 мая, № 105 — «Законопроект по земельному устройству горнорабочих частновладельческих горных округов на Урале» (перепечатка из «Торгово-промышленной газеты»).

⁹² Газ. «Пермские ведомости», 1910, 20 мая, № 108, «XV съезд горнопромышленников Урала».

⁹³ Газ. «Пермская земская неделя», 1910, 20 мая, № 20, «XV съезд горнопромышленников Урала».

⁹⁴ Труды XVII съезда горнопромышленников Урала с 5 по 7 марта 1912 года. Спб., 1912, стр. 13—14.

⁸³ Труды экстренного съезда горнопромышленников Урала с 23 по 30 октября 1912 года. Спб., стр. 247 и 95.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 374.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ ДУШИ

¹ ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, лл. 2—6. Дальнейшее изложение движения дела в сенате на основании этого источника — дела Правительствующего сената по жалобе мастеровых Павловского, графа Строганова, завода.

² Там же, л. 15.

³ Там же, л. 61.

⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3. М., 1960, стр. 559, 423; т. 2. М., 1960, стр. 148.

⁵ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 227, лл. 12—12 об.

⁶ ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, л. 66 об.

⁷ Свод законов Российской империи [Неофициальное издание]. Вып. 1. Спб., 1898, стр. 66.

⁸ ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, л. 131 об.

⁹ Там же, л. 132.

¹⁰ Там же, л. 132 об.

¹¹ Это видно по материалам «Пермских ведомостей» за декабрь 1909 — январь 1910 года: 1909, 1 декабря, № 256 — «Хроника»; 3 декабря, № 258 — «Открытие Пермского губернского земского собрания»; 12 декабря, № 266 — «Хроника» и др.

¹² Замечания А. В. Болотова сохранились в его личных записках — ГАПО, ф. 505, оп. 1, д. 72.

¹³ Газ. «Речь», 1911, 31 марта, № 88 — «П. А. Столыпин и сенат».

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2264, л. 276.

¹⁵ Там же, ед. хр. 2263, лл. 5 и 5 об.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 373.

¹⁷ ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, л. 81.

¹⁸ ЦГИА, ф. 1156, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1. Дальнейшее изложение хода дела в Государственном совете по этому источнику — делу Государственного совета, первого департамента, по встреченному Пермским губернским присутствием затруднению в исполнении указа Правительствующего сената по первому общему собранию от 22 сентября 1909 года по делу Павловского, графа Строганова, горного завода, Оханского уезда.

¹⁹ Там же, лл. 104—104 об.

²⁰ Там же, л. 105 об.

²¹ Там же, л. 107.

²² ЦГИА, ф. 1330, оп. 9, ед. хр. 1673, лл. 125—134.

²³ В. И. Ленин. Начало демонстраций. Полн. собр. соч., том 20, стр. 73.

²⁴ А. Я. Аврех. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина. «Исторические записки», 70, М., 1961, стр. 112. Причины и обстоятельства банкротства Столыпина и кризиса третьяковской системы исследованы в этой и ряде других работ А. Я. Авреха, в частности в его книге: «Столыпин и Третья дума» (М., 1968); ими пользовался автор.

²⁵ ГАПО, ф. 38, оп. 2, ед. хр. 49, лл. 79—79 об.

²⁶ Труды XVII съезда горнопромышленников Урала с 5 по 7 марта 1912 года в Санкт-Петербурге. Спб., 1912, стр. 68.

²⁷ Труды экстренного съезда горнопромышленников Урала с 23 по 30 октября 1912 года в Санкт-Петербурге. Спб., 1912, стр. 95; Труды XIX съезда горнопромышленников Урала с 25 по 28 февраля 1914 года в Екатеринбурге. Спб., 1914, стр. 167—168; «Просвещение», 1911, № 1, декабрь, стр. 62—63.

²⁸ Газ. «Русское слово», 1913, 4 августа, № 180 — «Земельные наделы уральских рабочих»; газ. «Речь», 1913, 4 августа, № 210 — «Сенат и Н. А. Маклаков».

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 374.

³⁰ ГАПО, ф. 38, оп. 2, ед. хр. 49, лл. 102—105 об.

³¹ Девизы русских гербов. Спб., 1882, стр. 18.

³² Газ. «Знамя труда» (Очер), 1966, 16 июня, № 71, С. Абрамов. «Как стальная колея в Очер пришла»; там же, 9 июля, № 81, А. Невцетаев. «Старожилы и летописцы рассказывают».

³³ Газ. «Пермские ведомости», 1909, 7 ноября, № 238, «Закрытие Кувинского завода».

³⁴ И. Х. Озеров. Горные заводы Урала. М., 1910, стр. 10.

³⁵ М. П. Вяткин. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.—Л., 1965, стр. 338.

³⁶ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2263, лл. 4 об. и 4 об. — 5.

³⁷ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 227, лл. 12—12 об.

³⁸ Там же, л. 12 об.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2263, л. 30.

⁴⁰ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 227, л. 13.

⁴¹ Там же, л. 14.

⁴² Там же, ед. хр. 225, л. 114.

⁴³ Приведенные выше данные: там же, лл. 95—95 об. и 100.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2312, лл. 73—82.

⁴⁵ Газ. «Пермские ведомости», 1910, 27 августа, № 186, статья без подписи «К вопросу о наделении мастеровых».

⁴⁶ Газ. «Пермские ведомости», 1911, 27 марта, № 68, «По поводу наделения мастеровых»; сообщение об этом опровержении в газ. «Пермская земская неделя», 1911, 7 апреля, № 14.

⁴⁷ Газ. «Речь», 1911, 31 марта, № 88, заметка в «Разных известиях» — «Губернаторский бунт» со ссылкой на газету «Голос Москвы».

⁴⁸ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 227, л. 123.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2261, л. 328.

⁵⁰ Там же, ед. хр. 2264, лл. 145—147.

⁵¹ Там же, ед. хр. 2257, л. 27.

⁵² Там же, лл. 202—204.

⁵³ Газ. «Пермские ведомости», 1910, 21 мая, № 109 — «Об обеспечении быта рабочего народонаселения уральских горных заводов».

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2312, л. 377.

⁵⁵ Там же, ед. хр. 2261, л. 327.

⁵⁶ Там же, лл. 267—279.

⁵⁷ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 227, л. 44.

⁵⁸ Газ. «Пермские ведомости», 1910, 5 марта, № 50, «Хроника»; см. также газ. «Русское слово», 1910, 2 марта, № 49, отдел «Петербург», заметка «Депутация Кыновского завода».

⁵⁸ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 227, лл. 93—93 об. и 137. Сам граф раздраженно отозвался об этом неожиданном приезде в Париж кыновских мастеровых. См.: ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2261, лл. 147—148 об.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2261, лл. 149 об. и 151.

⁶⁰ ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 227, л. 144.

⁶¹ Там же, л. 195.

⁶² Газ. «Пермские ведомости», 1910, 18 июля, № 155 — «Высочайшая благодарность». Отчеты о заседаниях комиссии в Екатеринбурге в той же газете за 1910 год, 25, 29, 30 июля и 4 августа — № 160, 163, 164 и 167, под заголовком «Междуведомственное совещание в Екатеринбурге».

⁶³ М. П. Вяткин в кичге «Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг.» (М.—Л., 1965) рисует идиллическую картину забот о мастеровых закрываемых строгановских заводов (см. указанную книгу, стр. 338). Он основывается на предложениях, сделанных во время пребывания на Урале междуведомственной комиссии. Но эти предложения не получили воплощения в жизнь. Объективно они послужили только некоторому успокоению мастеровых.

⁶⁴ Газ. «Пермские ведомости», 1911, 23 февраля, № 41 — «Празднование 19 февраля в Перми».

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2247, л. 26.

⁶⁶ Там же, лл. 187—187 об.

⁶⁷ Все приводимые здесь и ниже данные этого исследования — ГАПО, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 214, лл. 13—14. Они опубликованы почти полностью в газ. «Пермская земская неделя», 1910, 24 июня, № 25.

⁶⁸ Материалы этого изучения обогнали прогрессивную печать того времени. Мы пользуемся ими по газ. «Пермская земская неделя», 1911, 27 октября, № 43.

⁶⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 487.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2261, лл. 300 об. — 301.

⁷¹ Воспоминания Ивана Максимовича Шардакова. В коллекции очерского краеведа А. В. Нецветаева.

⁷² Краткий очерк кустарных промыслов Пермской губернии. Пермь, 1909, стр. 51—52.

⁷³ Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 41-й очерской сессии по кустарной промышленности. Пермь, 1910, стр. 93.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2265, лл. 73 и 98.

⁷⁵ Там же, л. 114.

⁷⁶ Там же, л. 147.

⁷⁷ Там же, ед. хр. 2257, лл. 6 об. — 7.

⁷⁸ Там же, ед. хр. 2258, лл. 71—71 об.

⁷⁹ Там же, лл. 185—185 об., 193—193 об.

⁸⁰ Там же, л. 158.

⁸¹ Там же, л. 159 и др.

⁸² Там же, л. 258—271.

⁸³ Там же, лл. 272—300.

⁸⁴ Там же, ед. хр. 2259, лл. 5—9 об.

⁸⁵ Газ. «Пермская земская неделя», 1912, 12 июля, № 28.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. II, ед. хр. 2259, лл. 31—37.

⁸⁷ Там же, лл. 63—75.

⁸⁸ Там же, лл. 76—83.

- ⁹⁰ Там же, ед. хр. 2261, л. 76 об.
- ⁹¹ Там же, ч. I, ед. хр. 1420, лл. 109—110 об.
- ⁹² ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 225, л. 112.
- ⁹³ Там же, оп. 3, ед. хр. 1007, л. 433 об.
- ⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 374.
- ⁹⁵ ГАПО, ф. 38, оп. 3, ед. хр. 1007, л. 215.
- ⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 374.
- ⁹⁷ В. И. Ленин. Социализм и крестьянство. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 282—283.
- ⁹⁸ Газ. «Рабочий» (под таким названием выходила в эти дни «Правда»), 1914, 24 мая, № 3.
- ⁹⁹ Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1957, стр. 141.
- ¹⁰⁰ Там же, стр. 230.
- ¹⁰¹ Ф. С. Горовой. Об изменении землевладения и землепользования горнозаводского населения заводов Абамелек-Лазарева в пореформенный период. В сб.: «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири». Свердловск, 1966, стр. 243; ГАПО, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 2226, л. 317.
- ¹⁰² ГАПО, ф. 38, оп. 1, ед. хр. 126, россыпь в конце дела.
- ¹⁰³ Там же, ф. 65, оп. 2, ед. хр. 831, л. 76.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

¹ Ю. А. Власов. Очер. Пермь, 1961, стр. 19 (Города Пермской области.); газ. «Знамя труда» (Очер), 1967, 16 марта, № 32, воспоминания И. Макарова «Первый профсоюз в Очере»; воспоминания Ивана Максимовича Шардакова. В коллекции очерского краеведа А. В. Нецветаева.

² Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1957, стр. 190 и 238; газ. «Звезда» (Пермь), 1957, 2 июня — «Реквизиция Очерского завода».

³ Газ. «Социал-демократ» (Лысьва), 1917, 16 июля, № 5, письмо «Цензор печати».

⁴ Ф. С. Горовой, Ф. А. Александров, Л. М. Гантман, И. С. Капцугович. Урал в огне революции. Пролетарская революция в Пермской губернии. Пермь, 1967, стр. 147.

⁵ Ю. А. Власов. Очер. Пермь, 1961, стр. 19—20; Воспоминания и документы Николая Васильевича Чазова. В коллекции очерского краеведа А. В. Нецветаева.

⁶ Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 гг.). Сборник документов. Свердловск, 1958, стр. 74 и 299.

⁷ Там же, стр. 171.

⁸ Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1966, стр. 264—265.

⁹ «Газ. «Известия Пермского губисполкома», 1916, 24 (11) марта, № 49, «Постановления губернского исполнительного комитета».

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. IV, ед. хр. 7083, л. 63.

¹¹ Там же, лл. 72—75.

¹² А. Н. Митинский. Горнозаводский Урал. Спб., 1909, стр. 236.

¹³ Газ. «Уральский рабочий», 1922, 7 ноября, № 253, цитируется по кн.:

Ф. С. Горовой, Ф. А. Александров, Л. М. Гантман, И. С. Капцугович. Урал в огне революции. Пермь, 1967, стр. 202.

¹⁴ Национализация промышленности на Урале. Сборник документов. Свердловск, 1968, стр. 83—85, 94—96.

¹⁵ Газ. «Знамя труда» (Очер), 1967, 22 июля, № 86, Б. Бурдин «Май восемнадцатого — рождение партиячейки»; Воспоминания Павла Ивановича Тиунова. В коллекции очерского краеведа А. В. Нецветаева.

¹⁶ ГАПО, ф. 846-р, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 5—11 и др.

¹⁷ Там же, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 214, л. 33.

¹⁸ Ю. А. Власов. Очер. Пермь, 1961, стр. 36.

¹⁹ Цитируемые ниже письма-запросы: ГАПО, ф. 846-р, оп. 1, ед. хр. 9.

²⁰ Там же, ед. хр. 5, л. 22; ед. хр. 22, лл. 10 и 12.

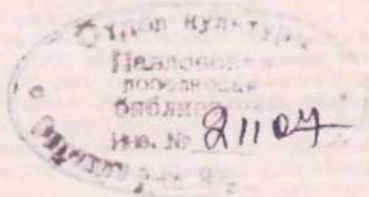
²¹ Там же, ед. хр. 22, лл. 29 и 14.

²² Годовой отчет Промышленного бюро президиума ВСНХ на Урале за 1920 год. Екатеринбург, 1921, стр. 62.

²³ Пермский округ Уральской области. III окружному съезду Советов Р., К. и Кр. Деп. отчет окружного исполнительного комитета и обзор округа. Пермь, 1927, стр. 118, 119, 121, 110, 141.

²⁴ См.: Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Итоги сельскохозяйственных переписей и обследований на Урале за 1916—1926 годы. Тр. Уральского обл. стат. упр., серия 3, т. 4. Свердловск, 1927, стр. 18; Бюджеты горнозаводского населения Урала в 1926/27 г. Уральское обл. стат. упр., серия 3, вып. 6. Свердловск, 1928, стр. 92—102.

²⁵ В. Тиунов. Промышленное развитие Западного Урала. Кн. 2. Пермь, 1957, стр. 215—217; Ю. А. Власов. Очер. Пермь, 1961, стр. 20—28; П. Невилько. По высшему стандарту. Пермь, 1966, стр. 5—8 и др.; В. Тиунов. Энергетика Западного Урала. Историко-экономический очерк. Пермь, 1968, стр. 225—238 (глава «Нефтяное машиностроение»); материалы очерской газеты «Знамя труда».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько вступительных слов	3
Тугой узел	5
Место действия	5
Действующие лица	8
Замыслы крепостников	16
Уставные грамоты	22
Вольные платы	25
Закон 3 декабря 1862 года	31
Пермская администрация	36
Земля и труд	45
Заботы, тревоги, ходатайства, требования мастеровых	46
Временнообязанные навечно	52
Позиция графа С. А. Строганова и пермские власти	56
Закон существует. Закон не действует	63
Характер аграрных требований мастеровых	66
Право на землю и право на труд	74
Закономерности борьбы	85
На подъеме	85
Власти обеспокоены	92
Могучий ускоритель	97
Уральский вопрос	105
Несостоявшиеся законы	110
Живые и мертвые души	115
В Правительствующем сенате	115
Грязные махинации на высшем уровне	119
Столыпин терпит неудачу. Горнозаводчики не сдаются	124
Граф Сергей Александрович и его служащие	129
Хитрая петля	133
Чиновничье усердие и царское попечение	136
Как жилось на умирающих заводах	143
Новая переписка, новая волокита...	148
Кто же лишний?	152
Послесловие	157
Примечания	168

Борис Никандрович
Назаровский

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

Редактор Б. В. Гашев.
Художник Е. И. Нестеров.
Художественный редактор В. В. Вагин.
Технический редактор В. Н. Филиппов.
Корректор Е. П. Божанова.

Сдано в набор 25/VII 1969 г. Подписано в печать
19/XI 1969 г. Формат бумаги иллюстр. 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 5,875; бум. л. 2,937; (усл.-прив. л. 9,87);
уч.-изд. л. 11,363. ЛБ02362. Тираж 3000 экз.

Цена 64 коп.

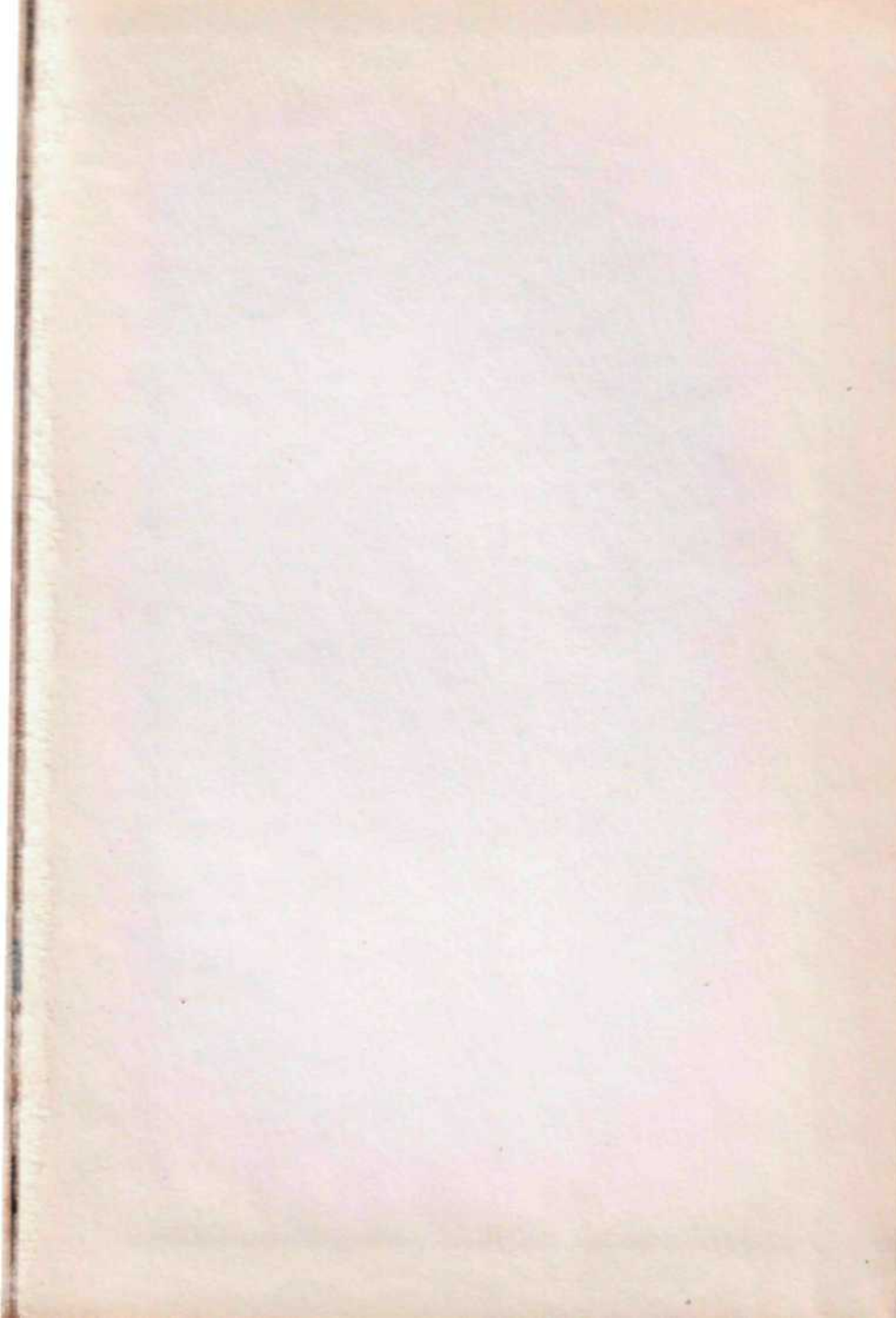
Пермское книжное издательство, Пермь, Карла
Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления
по печати. Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 1713.

Б. Н. Назаровский

ЗК 24 Замечательное дело. Пермь, Ки.
И19 изд., 1970, 188 с. 3000 экз., 64 коп.

Фактический комментарий к статье
В. И. Ленина «Замечательное дело», на-
печатанной в «Правде» в 1913 году. Пово-
дом для нее послужили скандальные для
правительственного аппарата царской Рос-
сии перипетии разбирательства многолет-
ней земельной тяжбы между мастеровыми
Павловского и Очерского заводов и гра-
фом Строгановым.

1-1-4

3. 1. 1901.